

Ян Флеминг

Операция «Шаровая молния»

I. ОТДЫХАЙТЕ, МИСТЕР БОНД!

Джеймсу Бонду было худо. Как говорят картежники, точно у тебя все мелкие, а на чужой руке четыре туза.

Похмелье... Прежде всего — стыдно, а стыдиться Бонд не привык. Раскалывается голова, болит все тело. Он закашлялся, в глазах зарябило, заиграло черными точками — будто по зеркалу пруда прыснули головастики. А ведь и сам чувствовал, что пьет лишнее. Поданный в роскошной, на улице Парк-Лейн, квартире очередной бокал виски с содовой — а он уже выпил десять таких — пошел тяжело, во рту от него загорчило. Он понял, что хватит, пора домой, и решил напоследок сыграть еще роббер. Пять фунтов за сто очков, и разойдемся, предложили ему. Он согласился. И попался, как дурачок. Он живо представил: вот круглолицая, с непроницаемой, как у Моны Лизы, улыбкой пиковая дама победно бьет его валета... «Кто ж так играет!» — ругается партнер, и Бонд садится без взятки, записывает четыреста в минус и на круг проигрывает 100 фунтов, деньги немалые.

Бонд еще раз промокнул тампоном порез на подбородке и презрительно глянул на мрачную физиономию в зеркале над умывальником. Идиот, тупица!.. А глупит от безделья. Больше месяца перекладывает бумажки — листает бредовые инструкции (да еще галочку поставь напротив своего номера — прочел, мол!), строчит отчеты. Озвереешь! Недавно ни за что ни про что наорал на подчиненного — тот заикнулся было Бонду поперек. Да еще заболела гриппом секретарша, и ему прислали на время какую-то дуру, и к тому же уродину; его она называла «сэг-г» — церемонно и шепеляво... И вот снова понедельник, в окно барабанит майский дождь. Впереди целая неделя. Бонд проглотил две таблетки, потянулся за третьей, и тут в спальне зазвонил телефон. Зазвонил по-особому, громко, отчетливо — связь со Штабом прямая.

* * *

Джеймс Бонд подвинул стул и сел. Сердце бешено колотилось. Он мчался через весь Лондон, потом долго ждал лифт, злился — но все же, отчего так колотится? Он посмотрел в знакомые бесстрастно-презрительные серые глаза сидящего напротив. Что в них скрыто?

— С добрым утром, Джеймс. Не взыщите, что вызвал так рано. Сегодня я весь день буду занят, вот и решил первым делом поговорить с вами.

Бонд сразу поскущел. М. назвал его «Джеймс», а не «007» — значит, ничего интересного, не новое задание, а так, что-нибудь личное. И говорит М. спокойно, смотрит по-дружески, чуть ли не добродушно. Бонд буркнул что-то в ответ.

— Давно вас не видел, Джеймс. Как жизнь, как себя чувствуете? — М. взял со стола какой-то бланк. Что за бумага? И вообще, в чем же дело?

— Я здоров, сэр, — настороженно сказал Бонд.

— А врачи считают, что не совсем, — мягко произнес М. — Вот результаты последнего обследования. Послушайте-ка...

Бонд сердито глянул на листок в руках у М.

— Я слушаю, сэр.

М. пытливо посмотрел на него и начал читать:

«Указанный сотрудник практически здоров, однако в последнее время он придерживается совершенно недопустимого образа жизни: по собственному признанию, ежедневно выкуривает 60 балканских, с повышенным содержанием никотина, сигарет и выпивает примерно полбутылки крепкого алкоголя. Мы многократно, но безуспешно предупреждали его, что организм рано или поздно отреагирует на постоянное отравление. В ходе настоящего обследования выявлены настораживающие признаки: язык обложен, давление несколько повышено, в трапецевидных мускулах имеется спазм, прощупываются так называемые „фиброзные узелки“; сотрудник страдает от частых болей в затылке. Агенту 007 рекомендуется отдых и умеренность в течение двух-трех недель — этого, на наш взгляд, хватит для восстановления его прежней безукоризненной формы».

М. положил листок в папку с надписью: «Исходящее», оперся ладонями о стол и строго взглянул на Бонда:

— Видите, сколько у вас болячек, Джеймс?

— Сэр, я абсолютно здоров, — пряча раздражение, ответил Бонд. — У кого ж иногда не болит голова? Аспирин — отличное лекарство...

— Ошибаетесь, Джеймс! — резко сказал М. — Таблеткой вы лишь заглушаете симптом, не искореняете болезнь, а загоняете ее вглубь. Химические лекарства вредны — они противны нашей природе. Как и многие пищевые продукты — например, белый хлеб, рафинированный сахар, пастеризованное молоко. Кстати, — М. достал блокнот, заглянул. — Вам известно, что содержится в хлебе, помимо перемеленной в пыль муки? Мел, перекись бензола, соль аммония, алюминий — и в огромных количествах. Что скажете?

— Я редко ем хлеб, сэр...

— Да дело не только в хлебе! А вот часто ли вы пьете йогурт, едите свежие овощи, орехи, фрукты?

— Почти никогда, — улыбнулся Бонд.

— Напрасно улыбаетесь. — М. предостерегающе постучал по столу. — Попомните еще мое слово. Здоров лишь тот, кто не противится природе. А вы больны. — Бонд собрался было возразить, но М. жестом остановил его.

— Да-да, больны, и все оттого, что неправильно живете. Ученые давно уже бьются над тем, как помирить человека с природой, а вы, конечно, впервые об этом слышите. Впрочем, не вы один... К счастью, приверженцы природного метода работают и у нас, в Англии. Путь к здоровью открыт и для нас! — Глаза М. оживленно блеснули.

Джеймс Бонд озадаченно смотрел на него. Что такое со стариком? Не годы ли сказываются? Но выглядел М., пожалуй, бодрее обычного: холодные серые глаза чисты и прозрачны, от властного морщинистого лица так и веет силой. Даже седины в стальных волосах как будто поубавилось. Что же за чепуху он несет?

М. потянулся за папкой «Входящее» и положил ее перед собой.

— У меня все, Джеймс. Мисс Пеннишиллинг уладила все формальности. За две недели вас приведут в порядок — вернетесь как новенький.

— Откуда, сэр?!

— Из санатория «Лесной». Это в Суссексе. Директора зовут Джошуа Вейн — в научных кругах человек известный. И вообще, замечательный человек, в свои шестьдесят пять выглядит на сорок. Вас там подлечат. Новейшее оборудование, лекарственные травы, живописные окрестности... А о службе на две недели забудьте. Отдел я передам пока агенту 009.

Бонд ушам своим не верил.

— Но сэр... Вы серьезно предлагаете мне... в санаторий?

— Я не предлагаю, — холодно улыбнулся М. — Я приказываю. Если, конечно, вы хотите по-прежнему работать в отделе 00. Сотрудники этого отдела должны быть надежны на сто процентов. — М. взялся за пачку бумаг. На Бонда он больше не смотрел — беседа окончена.

Бонд молча поднялся, пересек кабинет и вышел, с преувеличенной аккуратностью прикрыв за собой дверь.

В приемной ему обворожительно улыбнулась мисс Пеннишиллинг.

Бонд подошел и так ахнул кулаком по столу, что подскочила пишущая машинка.

— В чем дело, Пенни?! — взревел он. — Старик что, спятил? Я никуда не поеду!

— Я говорила с директором санатория, — как ни в чем не бывало улыбалась мисс Пеннишиллинг. — Он был очень любезен. Тебя поселят во флигеле, в «миртовой» комнате. Комната очень хорошая, окнами на участок лекарственных трав.

— К черту «миртовую» с травами! Ну Пенни, будь другом, — взмолился Бонд, — растолкуй, какая муха его укусила?

И мисс Пеннишиллинг сжалась: втайне она боготворила Бонда.

— Я думаю, — зашептала она заговорщицки, — это сумасшествие скоро пройдет. А ты, бедняжка, просто под горячую руку попал. У него же навязчивая идея — повысить эффективность нашего Управления. То мы все поголовно спортом занимаемся, то он психоаналитика приглашает — полного идиота. Ты-то в это время был за границей. Представляешь, все начальники отделов рассказывали ему сны. Ну, психоаналитик выдержал недолго:

верно, сны у начальников страшные... А месяц назад у М. случился прострел, и его приятель по Пиковому клубу, — мисс Пеннишиллинг скривила хорошенькие губки, — напел ему про этот санаторий. Человек, мол, что автомобиль — время от времени ставь в гараж, ремонтируй. А М. обожает всякие новшества; съездил на недельку и просто влюбился в этот санаторий. Вчера битый час мне его расписывал. А сегодня утром получаю по почте банки с патокой, пшеницей и еще черт знает с чем. Куда их девать, ума не приложу. Пуделю что ли, бедняжке, скормить? Вот такая история... Но, между прочим, выглядит старик потрясающе.

— Да уж, рекламу можно делать. Но почему он посылает в этот сумасшедший дом именно меня?

— Ценит тебя, сам знаешь. Как прочитал результаты обследования — велел заказать тебе комнату. Джеймс, а правда, зачем ты столько куришь, пьешь? Вредно же... — Она смотрела по-матерински заботливо.

— Пью, чтоб жажду утолить, а курю, чтоб руки занять, — процедил Бонд.

Какой же мерзкий у него сегодня голос! Все, хватит болтать, срочно нужно выпить двойной бренди с содовой.

— А девушки наши жалуются, что тебе руки занять — раз плюнуть, — упрекнула мисс Пеннишиллинг.

— Все, Пенни, отстань! — окончательно разозлившись. Бонд направился к двери, но на полпути обернулся. — И попробуй только пришли еще инструкцию «для ознакомления»! Вернусь из санатория — так отшлепаю, за машинку не сядешь.

Мисс Пеннишиллинг невинно улыбнулась:

— А вот поживи две недели на орешках да лимонном соке — посмотрим, кто кого отшлепает.

Бонд скрипнул зубами и бросился вон.

II. САНАТОРИЙ «ЛЕСНОЙ»

Джеймс Бонд забросил чемодан в багажник коричневого такси допотопной марки и уселся на переднее сиденье рядом с нагловатым прыщавым пареньком в черной кожаной куртке.

Паренек вытащил из нагрудного кармана гребешок, неторопливо причесался, убрал гребешок и только тогда включил зажигание.

Бонд понял так: не больно-то ты, пассажир, мне нужен со своими деньгами. Весь послевоенный молодняк такой — заносятся на пустом месте. Взять этого мальчишку — прилично зарабатывает, на родителей плевать хотел, бредит ковбоями. Впрочем, что ж, он родился в богатой стране, в эпоху атомных бомб, космических полетов и высокого спроса на рабочую силу — вот и живет припеваючи.

— А до «Лесного» далеко? — спросил Бонд.

— За полчаса доберемся. — На перекрестке водитель дал газу и четко, но довольно рискованно обогнал грузовик.

— Ловко ты со своей Синей птицей управляешься.

— Управляйся не управляйся — все равно старое корыто. А папаша говорит: «Я двадцать лет на ней ездил, и ты еще двадцать поездишь». Так что я сам деньги коплю. Половину уже скопил.

«Славный парень, — подумал Бонд, даром, что сначала выкаблучивал. »

— А на какую копишь? — спросил он.

— На «Фольксваген». До самого Брайтона буду возить.

— Здорово. Дело денежное.

— Это точно! Я туда съездил разок, привез в Лондон двух лошадиников, со шлюхами... Десять фунтов плюс пять шиллингов чаевых. Конфета!

— Неплохо. Но в Брайтоне держи ухо востро, шпаны там хватает. О банде «Миска крови» слыхал?

— Во всех газетах писали... — Пареньку говорилось легко, как с ровесником. — А вы а «Лысый» лечиться или в гости?

— Почему это — «Лысый»?

— А там и леса-то настоящего нет. Обычно туда ездят всякие толстухи да старые козлы. Только и зудят: не гони, да не трясси, а то у них в заднице какой-то ишиас, или как его... Вы-то совсем другой...

Бонд рассмеялся:

— Но тоже еду. Ничего не поделаешь, придется отдохнуть.

Машина свернула с Брайтонской дороги; вскоре по правую руку мелькнул указатель: «Санаторий „Лесной“. Путь к здоровью. Первый поворот направо. Просим соблюдать тишину». Показалась высокая стена, вычурный, с башенками и зубцами въезд, сторожка; из трубы, теряясь меж тихих деревьев, тянулся к небу дымок. Гравийная дорожка петляла в густых зарослях лавра. Справа открылась лужайка: аккуратным бортиком высажены цветы, чинно прогуливаются больные... Поодаль высилось огромное старинное здание из красного кирпича, с застекленной террасой.

Затормозили у величественного подъезда. Подле лакированной, обитой гвоздями двери поблескивала высокая урна; над ней надпись: «В помещении не курят. Просим выбросить сигарету». Бонд вышел из машины, вытащил из багажника чемодан. Чаевых он дал десять шиллингов. Паренек принял как должное:

— Спасибо. Захотите поразвлечься — звоните. У нас тут и девочки есть. А в чайной на Брайтонской дороге прилично кормят. Ну, пока. — И дал задний ход.

Бонд взял чемодан, с тоской поднялся по ступеням, толкнул тяжелую дверь.

В просторной, отделанной дубом приемной было жарко и тихо. За столом сидела хорошенькая девушка в белом накрахмаленном халате. Он расписался в книге прибывающих, и девушка повела его обставленными темной мебелью залами, а потом белым стерильным коридором в заднюю часть здания. Оттуда они прошли во флигель, длинный и низкий, выстроенный явно на скорую руку. По обе стороны —

двери с названиями цветов, растений. Девушка завела его в «миртовую», сказала, что директор примет через час, то есть в шесть, и ушла.

Комната была самая обычная: яркие занавески, одеяло с электрическим подогревом. На столике подле кровати — ваза с тремя маргаритками и книжка «О природном методе лечения». Бонд выключил отопление, распахнул окно. В глаза бросились ровные рядки безымянных травок. Он распаковал чемодан, устроился в кресле и принялся читать о выведении из организма вредных веществ. Добрался до главы о многочисленных видах и подвидах массажа, и тут зазвонил телефон: через пять минут мистер Вейн ждет его в консультационной «А».

Мистер Вейн велел Бонду раздеться до трусов.

— Боже, да вы настоящий воин! — воскликнул он, увидев многочисленные шрамы.

— Да, я воевал, — равнодушно ответил Бонд.

— Война — штука страшная... Ну-с, дышите поглубже.

Пока Бонд одевался, мистер Вейн что-то быстро писал за столом. Закончив, он сказал:

— Ничего серьезного я не нахожу. Давление немного повышено, легкое остеопатическое повреждение верхних позвонков — оттого и голова у вас болит — и правая подвздошная кость несколько смещена назад. Вы, вероятно, когда-то сильно ушиблись.

— Вероятно, — согласился Бонд и подумал, что «ушибся» он, прыгнув на полном ходу с поезда во время венгерского восстания в 1956 году.

— А посему вот что: строгая диета в течение одной недели, массаж, горячие и холодные ванны, остеопатическое лечение, растяжение — и вы здоровы. И, конечно, отдыхайте, мистер Бонд, расслабьтесь, забудьте о службе. — Он поднялся и протянул Бонду листок. — Через полчаса открываются процедурные, так что приступайте прямо сегодня.

— Спасибо, — Бонд заглянул в листок. — А что такое растяжение?

— Процедура на механическом устройстве для растягивания позвонков,

— любезно пояснил директор. — Кое-кто из больных называет устройство «дыбой». Но вы не тревожьтесь, это местная шутка.

Бонд вышел в коридор. Всюду пожилые люди, в основном женщины — многие в уродливых стеганых халатах. Жара, духота — Бонду нестерпимо захотелось на воздух.

Вдыхая кислый запах лавра и «золотого дождя», он уныло брел по узкой аккуратной дорожке. Выдержит ли он тут две недели? Он глубоко задумался и вдруг почти нос к носу столкнулся с девушкой в белом халате — она выскочила из-за поворота, скрытого густым кустарником. Девушка смущенно улыбнулась и пошла было своей дорогой, но тут из-за того же поворота вылетел легковой автомобиль — еще мгновение, и она была бы под колесами... Бонд прыгнул, поймал ее за талию, провел неплохую «веронику» и вывернул девушку буквально из-под капота. Автомобиль с визгом затормозил. А грудь у нее упругая — это он успел ощутить. Девушка ойкнула и изумленно уставилась на него.

— Спасибо... — выдохнула наконец она и обернулась к подошедшему водителю.

— Простите меня, пожалуйста, — безмятежно начал тот. — Вы не сильно ушиблись? — Тут он как будто узнал девушку, и голос его стал вкрадчив. — Ба, да это же наша милая Патриция! Здравствуйте, Пат! Вы по мне скучали?

Красавец-мужчина. Бронзово-смуглый, изящные усики, рот вычерчен гордо. Наверняка сердцеед. Правильные черты лица — испанец или латиноамериканец — и смелые, живые карие глаза; уголки глаз странно или, как сказала бы женщина, таинственно приподняты. Высок, крепок, отлично одет. Блестящий мерзавец, подвел

черту Бонд, покоряет всех женщин подряд, а может, еще и живет за их счет.

Девушка окончательно опомнилась.

— Ездить нужно осторожнее, граф Липпе, — сказала она строго. — Тут гуляют больные. Если бы не этот джентльмен, — она улыбнулась Бонду, — вы бы меня просто задавили.

— Ну, простите, милочка, я спешил. А вам, сэр, — чуть свысока обратился он к Бонду, — я весьма признателен. У вас хорошая реакция. А теперь прошу меня извинить... — Он сел в автомобиль и уехал.

— Я тоже опаздываю! — воскликнула девушка, и они с Бондом пошли к зданию.

По дороге разговорились. Она работает в «Лесном» уже три года. Ей нравится. А не скучает? Нет, катается на машине, гуляет. Здесь красивые места. И столько новых, интересных людей! Например, этот граф Липпе, он так увлекательно рассказывает о Востоке, Китае... Сам он из Макао, это рядом с Гонконгом, верно?

«Вот почему приподняты уголки глаз, — подумал Бонд, — китайская кровь. И, возможно, португальская, раз из Макао».

Они вошли в натопленную приемную.

— Я побегу. Спасибо вам еще раз. Надеюсь, вам у нас понравится, — она улыбнулась и быстро зашагала по коридору.

Бонд посмотрел на часы и спустился по лестнице в процедурную «Для мужчин»; там его встретил мускулистый массажист в майке. Бонд разделся, обмотался вокруг пояса полотенцем и зашел в одну из кабинок, разгороженных между собой пластиковыми занавесками. В кабинке — два стола для массажа, на одном беспомощно колышется под мощными ударами молодой, очень толстый мужчина. Бонд размотал полотенце, лег лицом вниз...

Так сильно его еще никогда не массировали. Болели мускулы, каждая косточка, шумело в голове, но он все же различил, что толстяк сошел с соседнего стола, и место занял другой. Тому, новенькому, сказали:

— Извините, сэр, но часы придется снять.

Знакомый, хорошо поставленный вкрадчивый голос ответил уверенно:

— Чепуха, милейший. Я здесь не первый раз и часов никогда не снимаю.

— Извините, сэр, — вежливо, но твердо сказали ему, — у меня пациенты всегда снимают часы. Иначе при массаже нарушится ток крови в руке. Разрешите...

Граф Липпе помолчал. Бонд почти физически ощутил, как тот разъярен.

— Снимайте... — наконец с ненавистью прошипел Липпе.

Бонду даже стало смешно. «... Черт вас возьми!» — ясно читался конец фразы.

— Благодарю, сэр.

Станный спор, подумал Бонд. У массажиста всегда снимают часы. Почему граф противился? Как ребенок...

— Перевернитесь, пожалуйста, сэр, — это уже ему самому. Бонд повиновался. Посмотрел направо. Граф Липпе лежал на спине, со стола свисала левая рука, загорелая, с белой полоской вокруг запястья. На белой коже четко выделялась татуировка: молния с двумя вертикальными черточками. Так вот что он прятал... Интересно, кто же носит такой знак? Не позвонить ли в Архивный отдел?..

Прошел час. Бонда как будто выпотрошили, выжали все соки. Он оделся и, проклиная М., с трудом потащился вверх — точно из царства грубо-телесного варварства к утонченной цивилизации. Зайдя в одну из двух стоящих у входа в главный зал телефонных будок, он соединился через коммутатор со Штабом, попросил Архивный отдел; в трубке характерная пустота — значит, подслушивают. Назвавшись, он задал свой вопрос. На том конце велели подождать и через несколько минут снова заговорили:

— Это знак группы «Красная молния». Члены, как правило, чистокровные китайцы, никаких религиозных мотивов, исключительно преступные акции. Станция X

однажды столкнулась с этой группой. Сама станция находится в Гонконге, а штаб на другой стороне залива, в Макао, поэтому за большие деньги была организована курьерская связь с Пекином. Все шло без сучка, без задоринки, переправлялась важная информация — и вдруг страшный провал, высшее руководство станции рассекречено! Оказалось, что один из сотрудников вел двойную игру, работал на «Красную молнию». Потом группа всплывала в делах о наркотиках, контрабанде золота в Индии, торговле рабами. Группа мощнейшая, будем рады выслушать любое сообщение о ней.

— Спасибо за информацию, — сказал Бонд. — Пока сообщать нечего, но если что — нибудь узнаю, свяжусь с вами. До свидания.

Бонд в раздумье повесил трубку. Так что же этот тип делает в «Лепном»? Бонд вышел из будки и в соседней заметил графа Липпе; тот стоял спиной и как раз снимал с рычага трубку. Долго ли он стоит? А вдруг слышал, что Бонд сказал в конце разговора? Или даже, о чем спрашивал? Скверно... Но делать нечего. Бонд посмотрел на часы — половина восьмого — и отправился «ужинать»...

В день ему полагался стакан теплого лимонного сока, тарелка овощного супа и две чашки чая. И, конечно, массаж, ванны... А на третий день прибавилось «остеопатическое лечение и растяжение». Вяло, безропотно (он тут совсем раскис — думал только, чего бы съесть) он толкнул дверь процедурной; за ней наверняка ждет очередной здоровяк с волосатыми ручищами. И застыл на пороге. У койки стояла Патриция — девушка, с которой он встретился в первый день.

— Не может быть! — сказал Бонд. — На такой тяжелой работе — и слабая женщина?

— Женщин на нашей работе двадцать процентов, — ответила она сухо: надоели вечные мужские комментарии! — Раздевайтесь. Очень скоро Бонд убедился, что сил у девушки хоть отбавляй — у него только суставы похрустывали. Она управилась с ним, тренированным, мощным, играючи.

— А теперь полчаса порастягивайтесь, — сказала она под конец.

Бонд взял одежду, вышел вслед за девушкой в коридор и едва не столкнулся с кем-то. Граф Липпе! Бонда он будто и не заметил, а Патриции улыбнулся и сказал с легким поклоном:

— Иду к вам на заклятие. Может, сегодня будете чуточку понежнее? — Глаза у него искрились.

— Разденьтесь пока, пожалуйста, — сказала Патриция. — Я сейчас вернусь, только отведу мистера Бонда на растяжение. — И она пошла по коридору, Бонд — следом.

Заведя его в небольшую комнатку, она велела положить одежду на стул и отодвинула пластиковую занавеску. За занавеской оказался хирургический стол, обитый кожей, поблескивающий алюминием, — зрелище не из приятных. Бонд с подозрением оглядел медицинское чудище. На полу

— электрический мотор с табличкой «Механическое растяжное устройство „Геркулес“, сам же стол разделен на три секции с ремнями, каждая соединена с мотором отдельным приводом. Возле приподнятого подголовника — круговая шкала тяги, размеченная до двухсот единиц. Начиная со ста пятидесяти цифры красные. К подголовнику приделаны рукоятки; кожа на них в темных пятнах, наверное, от пота.

— Ложитесь лицом вниз, — девушка держала ремни наготове.

— И что будет?

— Потянет немного спину, — нетерпеливо пояснила она. — Это очень полезно и совсем не больно, даже наоборот, приятно, многие засыпают.

— Ну уж я не засну! — уверил Бонд. — А сильно будет тянуть? И почему цифры красные? Не разорвет?

— Что вы!.. Сильно тянуть, конечно, опасно, но мы-то с вами начнем

всего-навсего с отметки девяносто. Минут через пятнадцать я зайду и прибавлю до ста двадцати. А теперь ложитесь. Меня ждет больная.

Бонд неохотно улегся, голова его утонула в мягкой кожаной подушке и он пробормотал:

— Разорвет — подам на вас в суд.

Заурчал мотор. Ремни то натягивало, то отпускало — Бонда словно мял великан в огромных, но нежных лапищах.

— Ведь хорошо, правда?

— Хорошо.

Он слышал, как за Патрицией захлопнулась дверь. Под щекой его мягкая подушка, спину приятно потягивает, мотор гудит мирно, усыпляюще. А он-то, дурак, боялся!

Минут через пятнадцать снова хлопнула дверь, отодвинули занавеску:

— Ну, как вы тут?

— Отлично.

Девушка потянулась к переключателю. Бонд поднял голову: стрелка подползала к ста двадцати. Потянуло сильнее, мотор загудел громче.

— Еще пятнадцать минут, — сказала Патриция.

— Ладно, — неуверенно ответил он, примериваясь к окрепшему великану. Задержали занавеску, и хлопка двери он уже не различил в шуме мотора... И скоро привык к новому ритму.

Еще через пять минут щеку вдруг обдуло ветерком, и Бонд приоткрыл глаза. К переключателю тянулась мужская рука. Жмет на рычажок... И тут рвануло, дернуло так, что он завопил от боли, его словно вздернули на «дыбу». Рука выпустила рычажок: мелькнула маленькая красная молния с двумя вертикальными черточками. И в ухо ему шепнули:

— В другой раз, милейший, не будешь вмешиваться не в свое дело.

Ревел и рычал мотор, ремни рвали тело; Бонд слабо стонал, пот капал с кожаных подушек на пол.

А потом наступила ночь.

III. МЕСТЬ

Хорошо, что тело не помнит боли. Иное дело приятные воспоминания — запах, вкус, поцелуй... Их сладость не забывается. Бонд медленно приходил в себя и удивлялся, что боли нет. То есть, конечно, болела спина, каждый позвонок — точно отколотили палкой — но это боль изведенная, знакомая, ее можно превозмочь. Ревущий же смерч, крутивший его, глушивший сознание, стих. Что же именно чувствовал он, Бонд, в тех мучительных объятиях? Помнилось лишь, что был он ничтожней пучка травы в тигриной пасти...

— А теперь расскажите, как это случилось, — попросила Патриция. — Случайно задела переключатель? Вы нас так напугали! Никогда ничего подобного не было, в принципе устройство совершенно безопасно.

— Понимаете, мне захотелось устроиться поудобнее, я потянулся и, кажется, задел за что-то рукой. Больше ничего не помню. Мне повезло, что вы быстро вернулись. — Он честно смотрел ей в глаза.

— Теперь все позади. У вас, слава Богу, серьезных повреждений нет, еще два дня, и будете как огурчик.

И действительно, через два дня Бонд вернулся в тихий мирок «природного метода». И сразу же холодно и энергично принялся наводить справки о графе Липпе — как сделал бы во время войны, отслеживая вражеского агента в Стокгольме или

Лиссабоне. Он стал разговорчив и любопытен. Болтал с Патрицией: «А этот Липпе что, серьезно болен? Ах, он худеет! Наверное, принимает специальные ванны? Говорите, в турецкой бане... Нет, я там еще не был, обязательно схожу». С массажистом: «Что-то этот силач давно не показывается, граф — как его, Риппе, Хиппе? Да-да, Липпе. В полдень, говорите? А что, пожалуй, это удобно... Я от вас еще в турецкую баню зайду, погреюсь». Так он невинно беседовал и постепенно выстраивал план, по которому они с Липпе останутся с глазу на глаз в звуконепроницаемой процедурной.

Одновременно, по скудным сведениям, Бонд пытался представить, что это за человек. Хотел ли он только припугнуть Бонда на «дыбе» или — ведь Липпе не знал, чем закончится пытка — убить? Но зачем? Что за тайну он бережет? Ясно одно — тайна есть, и нешуточная...

Сообщать о происшествии в Штаб Бонд не собирался. Покушение в санатории «Лесной»! Глупо, смешно. Он, умелый солдат, выставляется дурачком. Туза Управления разведки и контрразведки поят теплым соком да овощным супчиком, потом привязывают к какой-то «дыбе», чуть-чуть сдвигают рычажок — и герой сотен сражений вопит от боли и просит пощады! Нет, он отомстит Липпе сам.

К четырнадцатому, последнему дню у Бонда все было продумано: где, когда и как.

В десять утра, после прощального обследования у мистера Джошуа Вейна (диагноз: давление в норме, лишний вес сброшен, позвоночник подлечен), Бонд спустился на последнюю процедуру.

Он лежал на столе массажиста лицом вниз и поджидал жертву. Наконец, мимо прошлепали босыми ногами и сказали громко, уверенно:

— Доброе утро, Бересфорд. Баня готова? Сделай сегодня погорячей.

— Слушаюсь, сэр. — Слышен печатный шаг Бересфорда, старшего массажиста, и прежнее шлепанье; идут по коридору к дальней комнате, электрической турецкой бане. Хлопнула дверь. Через несколько минут хлопнула еще раз — Бересфорд проводил графа Липпе, возвращается. Прошло двадцать минут. Двадцать пять. Бонд слез со стола.

— Довольно, Сэм, спасибо, — сказал он. — Я еще душ приму. А ты иди обедай. Не волнуйся, я сам справлюсь.

Бонд обмотался вокруг пояса полотенцем и вышел в коридор. Массажисты закончили работу и заторопились в столовую. По-унтерски командует Бересфорд: «Билл, закрой окна! Лен, после обеда принесешь из прачечной полотенца. Тед! Ушел уже? Тогда ты, Сэм, — присмотри за графом Липпе, он в турецкой бане».

Целую неделю Бонд слушал эти команды и примечал, кто уходит на обед пораньше, а кто работает добросовестно, до конца. Теперь он ответил из душевой басом Сэма:

— Присмотрю, сэр.

Печатный шаг по линолеуму, короткая пауза — Бересфорд в самом конце коридора, его не слышно — и, наконец, далекий скрип двери. Тихо, только гудят вентиляторы. Теперь в процедурных никого. Джеймс Бонд и граф Липпе одни. Бонд выждал минуту, затем вышел из душевой, тихонько открыл дверь в турецкую баню. Он заходил сюда дважды — осмотреться, и с тех пор ничего не изменилось.

Стены выкрашены белым, посередине ванна — огромный короб из металла и светлого пластика. Боковая грань открывается наподобие дверцы, пациент забирается внутрь, садится, голову высовывает в отделанную поролоном дыру в верхней грани. Внутри короба тело греют несколько рядов электрических лампочек; на задней грани — температурная шкала.

Липпе сидел спиной к двери. Заслышав шаги, он проворчал:

— Черт возьми, Бересфорд... Семь потов уже сошло.

— Сами просили погорячей, сэр, — подражая голосу Бересфорда, откликнулся Бонд.

— Не пререкайся, черт тебя возьми! Выпусти сейчас же.

— Мне кажется, сэр, вы недооцениваете благотворное влияние жара на организм...

— Не болтай. Выпусти, говорят тебе.

Бонд посмотрел на шкалу: стрелка показывает 120. На сколько же поставить? Максимальная отметка — двести градусов. Так он, пожалуй, изжарится заживо. А нужно лишь наказать, не больше. Наверное, 180 будет в самый раз. Он повернул переключатель.

— С полчаса вам будет по-настоящему жарко, сэр. А загорись — подавай в суд, — добавил он своим настоящим голосом и двинулся к двери.

— Тысяча фунтов, и квиты, — тихо, с ноткой отчаяния предложил граф. Скрипнула дверь. — Десять тысяч. Ладно, пятьдесят!

Бонд плотно прикрыл за собой дверь и быстро зашагал по коридору. Сзади приглушенно позвали на помощь. Ничего, помучается недельку в больнице — вылечат. Но вот что не ясно: пятьдесят тысяч предлагает либо миллионер, либо тот, кого ждет неотложное, важное дело. Чтобы просто избавиться от боли, столько не отдашь.

Джеймс Бонд был прав. Они с Липпе схватились, как глупые дети, — и выверенный до последней секунды заговор против западных держав сбился с ритма.

IV. «СПЕКТР»

Бульвар Османа — улица длинная и скучная, но, пожалуй, самая благопристойная в Париже. Здесь много жилых домов — и репутация обитателей безупречна — две церкви, небольшой музейчик, и, что вполне уместно, конторы разнообразных благотворительных организаций. Под номером 136-бис, например, располагается, как написано на скромно поблескивающей медной табличке. Международная Ассоциация Сопротивления (МАС). Если вы заинтересуетесь Ассоциацией (вы, скажем, неисправимый идеалист или, наоборот, торговец конторской мебелью), нажмите звонок, и вам откроет самый обычный французский консьерж. Если дело у вас серьезное, вас впустят в довольно пыльный вестибюль, поднимут в причудливом, с виду ненадежном лифте-клетке и подведут к высоким двойным дверям. За ними окажется большая обшарпанная комната с грязноватыми светлыми стенами: с десятков дешевых столов, за которыми пишут или печатают, папки для «входящего— исходящего», старинные телефоны, каких много в этой части Парижа, картотеки с выдвинутыми ящичками — обстановка самая типичная. Наблюдательный человек, однако, отметит, что все служащие ровесники — всем лет тридцать-сорок — и нет среди них ни одной женщины, хотя в любой конторе, как правило, имеются секретарши.

Встретят вас слегка настороженно, ведь в такие конторы нередко заходят сумасшедшие и бездельники, но быстро сообразят, что вы — человек серьезный, и станут любезны, услужливы. Цели нашей Ассоциации? Наша цель, мсье, сохранить идеалы борцов военного Сопротивления. Нет-нет, мы вне политики. На какие средства существуем? На посильные взносы членов Ассоциации и других сочувствующих лиц. Ах, ваш родственник входил в группу Сопротивления? Конечно, поищем, мсье. Как его имя? Эй, Жюль! Другой служащий, Жюль, подойдет к картотеке и через несколько минут сообщит: такой-то погиб 21 октября 1943 года во время бомбежки Центрального штаба. Весьма сожалеем, мсье. Чем еще можем быть

полезны? Тогда возьмите буклеты — здесь сведения о нашей организации. Простите, что не могу побеседовать с вами подробнее, сегодня так много работы. До свидания, мсье. Что вы, не за что...

Внеочередная встреча членов правления МАСа была назначена на семь часов вечера. Часов с пяти в дом номер 136-бис начали съезжаться делового вида мужчины (а в правлении были только мужчины) — входили и через парадную дверь, и со двора, кто по одному, кто вдвоем. На такие встречи они собирались со всех концов света, но каждый знал, и когда именно обязан прибыть, и с какого хода войти. Консьержи теперь стояли у обеих дверей. Были приняты и менее заметные меры предосторожности: работали системы предупреждения, оба входа просматривались с телеэкранов. Кроме того, на первом этаже всегда хранились тома поддельных протоколов МАСа, подробно отражающих текущие дела Ассоциации. Возникни необходимость, и встреча «членов правления» мгновенно превратится из тайной в открытую, встанет в один ряд с прочими деловыми встречами на бульваре Османа.

Ровно в семь часов в строгий зал заседаний на четвертом этаже зашли — кто уверенно, а кто робко — двадцать человек, оплот сообщества. Председатель был уже на месте. Никто не поздоровался. Председатель считал, что в их сообществе искренне здоровья не пожелаешь, да и время дороже любых пожеланий. За столом расселись по номерам, от первого до двадцать первого. Номер был единственным именем, да и тот, секретности ради, каждый месяц в полночь первого числа изменялся на две единицы по кругу. Никто не закурил — ни курящих, ни пьющих тут не было — и не взглянул на лежащую на столе поддельную МАСовскую повестку. Напряженно, почтительно, но не подобострастно — для этого они и сами были людьми слишком высокого полета — собравшиеся вглядывались в Председателя.

Ко Второму (так в этом месяце звался Председатель) все, и давно его знавшие, и впервые встретившие, относились в известной степени одинаково. Он подчинял себе. Таких людей встречаешь в жизни редко, один-два раза. Их три главных качества: необычная внешность, спокойная самоуверенность и мощнейшее обаяние. Таковы были и многие исторические личности: Чингиз-хан, Александр Македонский, Наполеон... Толпа же всегда чует хозяина. Не потому ли и Гитлер, личность вообще-то ничтожная, так безгранично властвовал над талантливейшим восьмидесятимиллионным европейским народом; чем иным объяснить эту власть? Таким человеком был и Второй, его отличил бы любой — и уж конечно, отличали двадцать избранных. С другими они были черствы и циничны, но его, пусть даже против своей собственной воли, почитали хозяином, почти богом.

Звали его Эрнст Ставро Блофельд. Родился он в Гданьске, отец его был поляк, мать — гречанка. Двадцати пяти лет поступил младшим служащим в Министерство почты и телеграфа. Станный выбор для столь одаренного юноши, но Блофельд уже к тому времени понял: хочешь властвовать — знай недоступное прочим. Такова была теория, и пока он лишь присматривался к проходящим через его руки телеграммам и радиограммам. А потом в Польше началась мобилизация, хлынул поток военных заказов, дипломатической переписки. Будущий противник заплатил бы за эти документы любые деньги. Сперва неумело, потом ловчее он стал снимать копии с телеграмм; постепенно составил списки мелких служащих, адресатов секретной переписки — их он выдаст за своих агентов. Младший шифровальщик в английском посольстве, переводчик, работающий с французами, секретарша крупной компании... Он назвал выдуманную агентуру «Ястреб» и передал немецкому атташе несколько документов на пробу. За Блофельда ухватились, положили хорошие деньги (ведь приходится оплачивать столько агентов, объяснил он), и скоро он уже подумывал, не расширить ли рынок. Стал информировать американцев и шведов, и тут уж деньги полились рекой. Потом он сообразил, что рано или поздно благоденствие кончится: он ведет двойную игру, да еще получает деньги за несуществующих агентов — где—

нибудь да сорвется. Двести тысяч долларов он заработал, пора выходить из игры.

Он сделал это мастерски. Информировать стал раз от раза скуднее; перевел капитал в Цюрих; съездил в родной город, побывал у архивариуса и в церкви, где вырезал из книг страничку со своим именем и датой рождения; затем сообщил связным, что раскрыт, купил паспорт на имя канадского моряка и уплыл в Швецию. Пожил немного в Стокгольме, прикинул, чем закончится война, и улетел, по настоящему польскому паспорту, в Турцию. Туда же перевел деньги. Потом Польша, как он и рассчитал, пала, и он попросил убежища. Кое-кому заплатил — и стал турецким подданным. Мастерство его пригодилось и тут — учел недостатки «Ястреба» и создал новую агентуру. К концу войны он был знаменит и богат: в швейцарском банке лежало полмиллиона долларов. По шведскому паспорту он уехал в Южную Америку — отдохнуть, поправить здоровье и подумать о будущем...

Сейчас, в тихом доме на бульваре Османа, Эрнст Блофельд неторопливо оглядывал свою двадцатку: не прячет ли кто глаза. Двадцать человек смотрели на Блофельда и ждали его слова. Они были разных национальностей, но во многом походили друг на друга: всем от тридцати до сорока, все крепкие, ловкие, и почти все смотрят живо, жестоко, хищно — так выглядит добычу волк или ястреб... По-другому смотрели лишь двое ученых — физик Котце (пять лет назад приехал из Восточной Германии и за скромную пенсию и жительство в Швейцарии выдал несколько секретных проектов) и поляк электронщик Кандинский. Остальные восемнадцать делились по странам и одновременно крупнейшим преступным и подрывным организациям на шесть троек. Три сицилийца — из главных в «Сицилианском Союзе», мафии; три корсиканца из «Корсиканского Союза», сходного с мафией секретного сообщества, в чьих руках почти вся организованная преступность во Франции; три бывших офицера СМЕРШа, советской организации для уничтожения шпионов и врагов народа; три уцелевших высших чина гестапо; три югослава, раньше служивших в секретной полиции у маршала Тито, и три турка из прежних агентов Блофельда. Все восемнадцать владеют тончайшими приемами конспирации, секретной связи и действия и, кроме того, умеют молчать. И каждый безупречно прикрыт — действительный паспорт с визами в ведущие страны, чистое досье в Интерполе и своей национальной полиции. Уже за одно это — крупный преступник, и чист — можно принимать в «Спектр», Специальный Комитет по Терроризму и Разведке.

Учредил и теперь направлял это частное предприятие, нацеленное на частное обогащение, Эрнст Ставро Блофельд.

V. ФИАЛКОВЫЙ АРОМАТ

Блофельд, наконец, оглядел всех: опустил глаза только один. Блофельд знал, что опустит именно этот — донесение дважды перепроверено, — но своим глазам и чутью он доверял больше. Не торопясь, он убрал руки со стола. Одну положил на колени, а другой вытащил из кармана плоскую золотую коробочку. Отколупнул ногтем крышку, выловил зернышко с фиалковым ароматом и сунул а рот. Говорить предстоит о неприятном, и пусть, как всегда в таких случаях, от него пахнет фиалкой.

Блофельд затолкнул зернышко под язык и произнес спокойно, звучно, выверенно:

— Сегодня я буду говорить о важнейшем деле — об операции «Омега».

— Он не сказал: «Господа!» или «друзья», «коллеги»; к чему словесные побрякушки! — Комитет согласится, что наши первые три года прошли успешно. Все тройки действовали удачно, на нашем счету полтора миллиона фунтов. Удастся операция «Омега» — будет гораздо больше; мы сможем тогда распустить Комитет, и

каждый, с весьма крупными деньгами на руках, займется, чем пожелает. Вопросы?

На сей раз глаз не опустил никто, все молча смотрели на него. Лица непроницаемы, каждый себе на уме. Комитет и правда работает неплохо, но что об этом толковать, это известно и без Председателя. А они ждали новостей.

Блофельд бросил в рот второе зернышко и продолжил:

— Несколько слов о предыдущей операции. — Он остановил взгляд на сидящем в дальнем углу стола. — Седьмой, встаньте.

Мариус Доминго, член «Корсиканского Союза», медленно поднялся. Он стоял неподвижно, держа руки по швам, и смотрел прямо в глаза Председателю.

— Операция, как вы помните, заключалась в следующем, — сказал Блофельд. — Мы выкрали семнадцатилетнюю дочь Магнуса Бломберга, владельца гостиницы в Лас—Вегасе, и морем переправили на Корсику. Выполнено корсиканской тройкой. Выкуп назначили в один миллион долларов. Бломберг согласился и, как потребовал «Спектр», в сумерках от итальянского берега оттолкнули надувной плотик с деньгами. Ближе к ночи плотик подобрало наше судно. Находившаяся на борту сицилийская тройка своевременно обнаружила в плотике транзисторный передатчик, по которому полиция могла бы выследить судно. Мы получили выкуп и вернули девушку — на первый взгляд, целую и невредимую — родителям. Но только на первый взгляд... Недавно я узнал от нашего человека в полиции, что на Корсике девушку изнасиловали. Так утверждают родители. Возможно, девушка вступила в половое сношение и по собственной воле — это неважно. Комитет обещал вернуть ее целой и невредимой; насильно или нет, но ее, я бы сказал, целостность, нарушена. Мне не нужна ваша нравственность, но мне нужна дисциплина. Организация боеспособна, пока надежен каждый, оступись один — погибли все. Вам известно, как я поступаю в подобных случаях. С семьей я уже рассчитался: отослал назад половину выкупа и извинился. Остается виновный. Я нашел его. И избрал наказание.

Блофельд разглядывал Седьмого. Мариус Доминго тоже не спускал с Председателя глаз. Он знал, что виновный — другой. Непонятно, зачем подставили его, Доминго, но Председатель так решил, и Председатель всегда прав.

Блофельд видел, что Седьмой не трусит, и знал почему. Он видел также, что одиноко сидящий в торце стола Двенадцатый сильно вспотел. Отлично! Лучше закончат...

Правой рукой он повернул под столом переключатель.

Двенадцатый выгнулся в кресле, точно его ударило в спину; его, и вправду, ударило — тысячевольтовым кулачищем. Черные жесткие волосы вздыбились, лицо скрутило гримасой — пугало со щеткой на голове. Глаза вспыхнули и тотчас погасли, в оскал рта высунулся обуглившийся язык. От рук, лежащих на подлокотниках, от спины и ляжек тонкой струйкой потянулся дымок... Электроды были спрятаны в кресле, закончало хорошо. Блофельд выключил ток. Свет в комнате вспыхнул ярче; в минуту казни он горел вполне накала — тускло, желто, зловеще. Запахло паленым. С громким стуком Двенадцатый упал лицом на стол.

Блофельд посмотрел на Седьмого. Стоит все так же неподвижно, невозмутимо. «Надежный человек, — подумал Блофельд, — крепкие нервы. »

— Садитесь, Седьмой, я вами доволен. — Это высшая блофельдовская похвала. — Двенадцатого нужно было отвлечь, он знал, что его подозревают.

Кое-кто согласно кивнул. Блофельд, как всегда, прав. Казнь здесь никого особенно не расстроит, даже не удивит. Хозяин и раньше вершил суд у всех на глазах. Осуждены уже двое, тоже за нарушение дисциплины. Они заслужили смерть, как заслужил ее и этот, третий. Забыв о трупе, мужчины устроились в креслах удобнее — пора к делу.

Блофельд захлопнул золотую коробочку, убрал ее в карман.

— После операции «Омега» корсиканцы подыщут Двенадцатому замену, — сказал он. — Теперь о самой операции. Нанятый немецкой тройкой агент Н. допустил крупный промах, и операцию придется начать позже. Агенту было приказано обосноваться в одном из южных санаториев и оттуда держать постоянную связь с летчиком Петаччи, чья эскадрилья бомбардировщиков расквартирована неподалеку. Н. должен был сообщить, как летчик себя чувствует, как настроен, и в час «Д» отправить «Письмо». К сожалению, этот глупец ввязался в санатории в ссору — подробности я опускаю — и теперь лежит в Брайтонской центральной больнице с ожогами второй степени. Таким образом, «Письмо» он отправит, в лучшем случае, через неделю... Сам замысел, к счастью, не пострадал, всем даны новые указания. Летчику переправили пузырек с вирусом гриппа: эту неделю он будет болен, и испытывать самолет будут пока без него. Члены Комитета соответственно позже вылетят в район «Зет». Что же до агента Н., — и Блофельд посмотрел на бывших гестаповцев, — то он ненадежен. Пусть отправит «Письмо», а лотом, в течение двадцати четырех часов, немецкая тройка уберет его. Ясно?

— Да, сэр, — кивнули трое.

— В остальном же, — продолжил Блофельд, — все идет по плану. Первый с хорошим прикрытием обосновался в районе «Зет». В легенду о поисках сокровищ там верят. Экипаж яхты тщательно подобран и прекрасно выполняет конспиративные требования. Выбрана и наземная база, участок отдаленный, безлюдный. Ваше прибытие в район «Зет» расписано по минутам. Летите вы из разных мест — одежду прикрытия получите в районах «ф» и «Д». Одеты будете точно по легенде: вы — пайщики, решили посмотреть, как идут дела, и сами поучаствовать в поисках. Не миллионеры, но люди вполне состоятельные, предприимчивые, расчетливые, вас вокруг пальца не обведешь. Вложили деньги, решили искать сокровища

— значит, нужно проследить, чтобы ни один золотой в чужой карман не попал. Каждый свою роль знает, и, надеюсь, знает хорошо. — За столом сдержанно кивнули. — Кроме того, все тройки учатся плавать с аквалангом. Как идут дела? — Блофельд взглянул на сидящую по левую руку югославскую тройку.

— Удовлетворительно, — ответили югославы.

— Удовлетворительно, удовлетворительно... — эхом повторили тройки.

— Далее. Как готовится передача золота? Сицилийская тройка, доложите.

— Мы тщательно изучили выбранный район, — начал один из сицилийцев, — и остались довольны. Председатель и члены Комитета получают план местности и подробнейший расчет времени, поэтому я буду краток. Район «Т» расположен на северо-западном склоне Этны, над полосой растительности, на высоте две-три тысячи метров. Район примыкает к кратеру вулкана и необитаем, земля покрыта лавой, не обрабатывается; ниже по склону — селение Бронте. Поисковая группа отметит факелами участок примерно в две тысячи квадратных километров, в центре поставит сигнальное устройство наведения. Думаю, слитки золота лучше сбрасывать с пяти грузовых самолетов «Марк IV», с высоты десять тысяч футов при скорости триста миль в час. Каждый слиток нужно тщательно обернуть поролоном и сбрасывать на нескольких парашютах. Упаковку и парашюты выкрасить фосфоресцирующей краской, легче будет найти.

— Подробнее о поисковой группе, — приказал Блофельд.

— Глава местной мафии — мой дядя. У него восемь внуков, и он их любит. Я сказал, что нам известно, где они живут, и он понял намек. Одновременно, как мне и было приказано, я предложил миллион фунтов за поиск и доставку груза в порт Катания. Для мафии деньги немалые, и он согласился. Я сказал, что мы грабим банк, да он, впрочем, и не расспрашивал. Отсрочка операции нам не помешает, луна все еще будет полная.

Блофельд долго молчал. Потом кивнул:

— Хорошо, я доволен. Далее золотом займется агент 201, человек проверенный. Теплоход «Меркуриал» загрузится в Катании и через Суэцкий канал направится в Гоа, в португальскую Индию.

По пути, в Аравийском море, он встретится с судном крупнейшей бомбейской компании по торговле золотом. Она купит слитки по обычной цене и расплатится в самой надежной валюте. Эту весьма крупную сумму поделят так, как мы делим всегда, самолетом развезут по швейцарским банкам и положат в именные сейфы. Ключи от сейфов члены получают в конце сегодняшней встречи. Деньгами все распоряжаются по собственному усмотрению, но, конечно, благоразумно и осторожно, — Блофельд медленно оглядел всех. — Таков план. Есть ли сомнения?

Заговорил Восемнадцатый — поляк электронщик Кандинский.

— Я, конечно, в этом не разбираюсь... Но, по-моему, корабли заинтересованных держав могут напасть на «Меркуриал» и захватить золото. Державы понимают, что из Сицилии слитки должны быть вывезены и будут сторожить и с моря, и с воздуха.

— Вы забываете, — терпеливо объяснил Блофельд, — что мы обезвредим первую и — если дойдет и до нее — вторую бомбу только после того, как положим деньги в банк. Так что державы не нападут, их бояться нечего. В принципе, могли бы напасть какие-нибудь вольные охотники за золотом, но я полагаю, что правительства будут держать дело в полнейшей тайне, так как любые слухи вызовут панику. Еще вопросы?

— Вы говорили, что в районе «Зет» непосредственно командует Первый. Предоставляете ли вы ему всю полноту власти — назначаете ли его, так сказать, главнокомандующим? — спросил кто-то из немцев.

«Типично немецкий вопрос, — подумал Блофельд. — Всегда выполняют приказ, но должны точно знать, кто командует. »

— Я уже разъяснял Специальному Комитету и повторяю: Первый займет мое место в случае моей смерти или болезни. Комитет сам проголосовал за это единогласно. По операции же «Омега» Первый — мой заместитель и одновременно, так как я остаюсь в Штабе и слежу за воздействием «Письма», — главнокомандующий «Спектра» в районе «Зет». Подчиняться ему, как мне. Надеюсь, теперь все ясно?

— Ясно, — подтвердили за столом.

— В таком случае, — сказал Блофельд, — встреча окончена. Останками Двенадцатого займется похоронная команда. Восемнадцатый, соедините меня с Первым на частоте двадцать мегагерц. С восьми часов почтовая служба Франции этой частотой пользоваться не будет...

VI. ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ!

Джеймс Бонд допил йогурт. Десять дней назад он вернулся из «Лесного» и чувствовал себя превосходно. Уж на что ненавидел писанину, а теперь и она в радость; строчит, как пулемет, завалил все отделы толковыми, четкими служебными записками. Сотрудники сначала дивились такому рвению, а потом заворчали: надоел этот Отдел 00. Просыпался Бонд рано, являлся свеженький, как огурчик, на службу и засиживался допоздна. Тут уж заворчала и секретарша, тишайшая Лоэлия Понсонбай: никакой у нее личной жизни! Она решилась даже посоветоваться со своей лучшей подругой по службе мисс Пеннишиллинг, секретаршей М. Та, подавив ревность, успокоила Лоэлию:

— Не волнуйся, Лил. С моим стариком после этого проклятого санатория было то же самое. Две недели работал, как автомат. А потом подвернулось сложное дело,

он разнервничался и пошел в Пиковый клуб, немного отвлечься. Наутро, сама понимаешь, чувствовал себя отвратительно... Переключился, в общем, с природного метода на винный. Для мужчин — самый лучший метод. Пить, конечно, вредно, но так они хоть люди как люди, а с автоматом попробуй сработайся...

Позавтракав, Бонд закурил — он перешел с крепчайших, какие курил с юности, на самые слабые — и раскрыл газету. Громко зазвонил телефон — красный, для прямой связи со Штабом. Не отрываясь от газеты, Бонд снял трубку. Время теперь спокойное, холодная война пошла на убыль — наверняка ничего интересного ему не сообщат. Ну, отменяются сегодняшние стрельбы...

— Бонд слушает.

Звонил начальник Штаба. Бонд выронил газету, теснее прижался к трубке.

— Приезжайте немедленно, Джеймс. Вызывает М.

— Меня одного?

— Всех. Срочно и совершенно секретно. Все дела на ближайший месяц отменяйте. Сегодня вечером вылетайте.

Раннее утро — машин еще немного, да и дорожной полиции не видно. Через десять минут Бонд уже поднимался в лифте на девятый, последний этаж внушительного здания.

Он шел по крытому ковром коридору. Похоже было, что дело серьезное: рядом с кабинетом М. располагался отдел связи и там, за серыми, плотно закрытыми дверями, без умолку выбивали морзянку радисты, строчили машинистки, щелкали клавишами шифровальщики. Не общая ли тревога? Что же стряслось?

Подле мисс Пеннишиллинг стоял начальник Штаба с толстой пачкой бумаг.

— ... И отправьте побыстрее, голубушка, — уловил Бонд. — Почты будет сегодня много, жаркий денек.

Мисс Пеннишиллинг бодро улыбалась. Она любила такие, как она выражалась, «убийственные» деньки — вспоминалась молодость, шифровальный отдел... Она включила внутреннюю связь:

— Пришел 007, сэр. — И посмотрела на Бонда. — Ты сегодня улетаешь.

— Пристегните ремни! — усмехнулся начальник Штаба.

Над дверью в кабинет зажглась красная лампочка, и Бонд вошел.

Здесь было тихо. М. сидел в кресле, боком к столу и смотрел в широкое окно: Лондон поблескивал в солнечных лучах.

— Садитесь, 007. Возьмите эти фотокопии. — М. протянул ему лачку листов. — Прочтите внимательно.

И М. принялся набивать трубку. Бонд взял верхний лист: сфотографирован с обеих сторон большой конверт.

— Курите, — предложил, не поднимая глаз, М.

— Благодарю, сэр. Я почти бросил.

М., хмыкнув, сунул трубку в рот, раскурил и глубоко затянулся. Поудобнее устроился в кресле. Снова уставился в окно, но серые зоркие глаза смотрели мимо домов, улиц...

Письмо адресовано премьер-министру. Сверху на конверте приписано: «Срочно. Лично в руки». Адрес написан правильно, подробно, шрифт у машинки четкий, изысканный. Штамп брайтонский, восемь тридцать утра, третье июня. Вчера... На оборотной стороне видны отпечатки пальцев, сургуча нет. В самом письме, тоже безукоризненно грамотном и красиво отпечатанном, значилось:

«Уважаемый г-н Премьер-министр!

Начальник Штаба Военно-воздушных сил, вероятно, уже сообщил Вам (или в ближайшее время сообщит), что 2 июня сего года из ночного учебного полета не вернулся британский самолет с двумя атомными бомбами на борту. Речь идет о «Защитнике» производства компании «Вильярс» из Пятой экспериментальной

эскадрильи Королевских Военно-воздушных сил. Атомные бомбы числятся в Министерстве обороны под следующими номерами: МОС/бд/654/Мк В и МОС/бд/655/Мк В. У нас имеются также номера, под которыми бомбы числятся в Военно-воздушных силах США, но мы не станем утомлять Вас цифрами.

Самолет выполнял тренировочный полет по программе НАТО, на борту было пять человек экипажа и один наблюдатель. Запас топлива на десять часов лета со скоростью 600 миль в час при средней высоте 40 тысяч футов.

Указанный самолет, а также две атомные бомбы находятся в настоящее время в руках нашей организации. » Экипаж и наблюдатель погибли, о чем рекомендуем уведомить родственников. Этим Вы подкрепите версию о крушении самолета и сохраните в тайне то, что произошло на самом деле, а тайна не только в наших, но и в Ваших интересах.

Самолет будет выдан в обмен на слитки высокопробного золота общей стоимостью в 100 миллионов фунтов стерлингов. План передачи золота прилагается.

Если в течение трех дней, начиная с 17 часов 3 июня 1959 года (то есть до 17 часов 6 июня 1959 года) наши требования не будут выполнены, мы предпримем следующее. Сразу же по истечении срока при помощи атомной бомбы уничтожим собственность западных держав стоимостью не менее уже упоминавшихся 100 миллионов фунтов, причем будут и человеческие жертвы. Если же и после этого предупредительного удара Вы в течение 24 часов не проявите готовности принять наши условия, мы без дополнительного предупреждения уничтожим один из крупных городов мира. Человеческие жертвы будут огромны. Кроме того, организация оставляет за собой право, нанеся предупредительный удар, сообщить всему миру о 24-часовом сроке. Во всех крупных городах вспыхнет паника, что, вероятно, Вас поторопит.

Таково, г-н Премьер-министр, наше единственное и окончательное слово. В любую минуту ждем Вашего ответа на частоте 16 мегагерц.

«Спектр»,

Специальный Комитет по Терроризму и Разведке».

Джеймс Бонд дважды прочел письмо и аккуратно положил на стол. Взял следующую страничку, план передачи золота. «Северо-западный склон Этны на Сицилии... сигнальное устройство наведения... между полночью и часом ночи... грузы весом в 250 килограммов обернуть толстым слоем поролона... не менее трех парашютов на каждый груз... тип самолета и маршрут сообщим на частоте 16 мегагерц... Любая попытка пресечь передачу золота считается нарушением договора и ведет к атомному удару. » Та же подпись. И заканчиваются обе страницы одинаково: «Копия Президенту Соединенных Штатов Америки; отправлена одновременно».

Бонд осторожно положил листок поверх остальных. Вытащил из кармана металлический портсигар, взял сигарету, закурил, глубоко затянулся и задумчиво, длинной струей выпустил дым.

М. повернулся в кресле, посмотрел Бонду в лицо:

— Что скажете?

Всего месяц назад глаза у М. были ясные, живые, а теперь все в красных прожилках, усталые. Есть от чего...

— Если самолет действительно пропал, то дело серьезное, сэр, — ответил Бонд. — Не розыгрыш.

— Военный министр тоже думает, что это не розыгрыш. — М. помолчал.

— Так же думаю и я. Потому что самолет действительно пропал. И номера бомб указаны верно.

VII. ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ

— Что известно о похитителях, сэр? — спросил Бонд.

— Почти ничего. О «Спектре» слышим впервые. Впрочем, в Европе есть какая-то мощная, самостоятельная организация, она кое-что делала и для нас, и для американцев. Деньги запросила огромные, но поработала отлично... Теперь слушайте. Бонд. В письме все подробности изложены верно. «Защитник» выполнял учебный полет по программе НАТО над южной Ирландией и Атлантическим океаном. — М. раскрыл пухлую папку, полистал. — Вот... Шестичасовой полет с восьми вечера до двух ночи. На борту пятеро летчиков Королевских Военно-воздушных сил и натовский наблюдатель, итальянец Джузеппе Петаччи — командир эскадрильи итальянских ВВС. Вроде бы, отличный офицер, справки о нем сейчас наводят. На «Защитнике» учатся лучшие натовские летчики, самолет, видимо, войдет в ударные силы дальнего действия... Короче. — М. перелистнул страничку. — За самолетом наблюдали, как обычно, с экрана; к западу от Ирландии, при высоте в 40 тысяч футов, он вдруг изменил маршрут, снизился до 30 тысяч и затерялся над Атлантикой. Командование бомбардировочной авиации попыталось связаться с «Защитником» по радио, но безуспешно. Сначала решили, что произошло столкновение с гражданским, но из авиакомпаний об аварии не сообщили, военного самолета ни одна служба не видела. Исчез, и все.

— А американцы ничего не заметили, у них же есть система дальнего обнаружения? — спросил Бонд.

— Американцы-то, единственные, и заметили какой-то самолет... Милых в пятистах восточнее Бостона он повернул с трассы «Европа — Америка» на юг. Но на юг идет много самолетов — с севера, из Монреаля к Бермудам, Багамам, в Южную Америку. Диспетчеры решили, что это канадский или британский трансатлантический.

— На это, наверное, угонщики и рассчитывали: над Атлантикой затеряться легко. А может, где-нибудь посреди океана самолет повернул на север, к России?

— На север, на юг — куда угодно? — с силой сказал М. — Радаром прослеживаются только прибрежные пятьсот миль, а океан-то велик. Ищи теперь по всему миру...

— Но такая махина не на всякий аэродром приземлится, особая посадочная полоса нужна.

— Вчера к полуночи мы связались со всеми подходящими аэродромами. Нигде нет. Правда, начальник штаба ВВС говорит, что можно сесть и аварийно, в пустыне или в море на мелководье.

— А бомбы при этом не взорвутся?

— Нет. Они без запала. Такие даже если сбросить, взорвется только тротиловая начинка, а не сам плутоний.

— А как же их взорвать? Спектровцы смогут?

— У военного министра об этом говорили. Всего я, конечно, не понял... — М. развел руками. — В общем, атомная бомба похожа на обычную. В носовой части у нее тротил, а в хвосте плутоний. Между двумя отделениями — отверстие, и туда, как пробку, вставляют запал. Бомба ударяется оземь, взрывается тротил, и от него, через запал — плутоний.

— Но для этого бомбу нужно сбросить?

— Не обязательно. Любой толковый физик заменит обычный тротиловый взрыватель в носовой части бомбы на взрыватель с часовым механизмом. Бомба по размеру невелика, кладешь ее, Скажем, в багажник, оставляешь машину где-нибудь в городе и включаешь часы. И через два часа как раз отъезжаешь миль за сто, сам в безопасности — а она взрывается!

Бонд опять полез в карман за портсигаром. Может, ему все снится? Ведь именно

такого преступника с ужасом ожидало его Управление и все разведывательные службы мира. Незаметного человека в плаще. Он оставит в камере хранения, в машине или в городском парке большой чемодан, спортивную сумку... И его ни за что не поймаешь. А через несколько лет, если правы ученые, такие преступники появятся всюду, самая нищая страна соберет у себя на задворках атомную бомбу. Бомба больше не тайна, трудно ведь только придумать. Ломали же когда-то голову над винтовкой, пулеметом, танком, а сегодня они есть у всех. Завтра или послезавтра у всех будет и атомная бомба. И вот за нее впервые требуют выкуп; заплати — и молва разнесется по свету, умельцы возьмутся за плутоний.

— А не найдем преступника — придется платить, — додумал Бонд вслух.

— Вот именно, — согласился М. — Придется даже с точки зрения политической — до взрыва доводить нельзя, иначе премьера и президента тут же попросят в отставку. Впрочем, последствия будут самые дурные не только в политике... Единственный выход — найти самолет и угонщиков. Премьер-министр и президент договорились, что английская и американская службы работают вместе, в нашем распоряжении самолеты, корабли, подводные лодки-все, что угодно. И, конечно, любые деньги. Кабинет министров образовал специальный штаб по операции — кстати, она названа операцией «Гром». Полной тайны, конечно, не сохранить — прессе сообщаем, что «Защитник» с бомбами пропал, но строго держимся того, что дело ограничивается пропажей. О письме знать не должен никто. Расследование по нему проведут Скотланд-Ярд, ФБР, Интерпол и разведывательные подразделения НАТО. Самолет же ищет наше Управление и ЦРУ. Две эти группы — следовательская и поисковая — работают как бы совершенно отдельно, никакой связи между ними не должно быть заметно. Аллеи Даллес и я привлекаем всех сотрудников. Я объявил общую тревогу.

Бонд опять прикурил — уже третью за час.

— А что поручите мне, сэр? — спросил он как можно равнодушнее.

М. недоуменно глянул на Бонда, словно только сейчас заметил. Потом повернулся в кресле и снова уставился в окно невидящим взглядом.

— Я нарушил слово, 007. Я обещал премьеру никому не рассказывать о письме. А рассказал потому, что есть у меня мысль, догадка... И я хочу, чтобы эту догадку проверил... надежный человек. Американцы с их системой дальнего обнаружения сообщили о каком-то самолете — над Атлантикой повернул с трассы «Европа — Америка» на юг, к Бермудам и Багамам. Сообщение никого не заинтересовало; я же решил предположить, что это и есть тот самый самолет. И засел за карту западной Атлантики. Поставил себя на место «Спектра», вернее, на место его хозяина, моего, так сказать, коллеги, и вывел следующее. Цель для бомбы находится скорее в Америке, чем в Европе. Во-первых, американцы больше нашего боятся бомб и, следовательно, легче сдадутся, если пригрозить второй бомбой. Во— вторых, собственность стоимостью выше 100 миллионов фунтов также проще найти в Америке. И, наконец, сам «Спектр», полагаю, организация европейская — такова стилистика письма, и написано оно, кстати, на голландской бумаге, и замысел по— европейски жесток — это тоже подсказывает, что американская цель вероятней. Далее. Сесть в самой Америке или в прибрежных водах нельзя — засечет береговой радар, поэтому ищем место посадки по соседству. И находим Багамы. — М. взглянул на Бонда и снова отвернулся. — Многие острова необитаемы, мелководье, песчаное дно... Всего одна маленькая радарная станция — следит только за гражданскими самолетами, сотрудники из местных. Южнее, ближе к Кубе, Ямайке, Карибскому морю, нет подходящих островов, да и до Америки далековато. То же и севернее, к Бермудам. От ближайшего же из Багамских островов до американского берега каких—нибудь 200 миль.

— Как же так, сэр, садятся у американского берега, а письмо отправляют не

президенту США, а британскому премьеру?

— Запутывают след. А кроме того, пропал ведь наш, британский самолет, и послать письмо нам — значит, ударить в больное место. Вероятно, они рассчитывают, что мы выложим деньги сразу и взрывать бомбу не придется. А им только того и надо, ведь взрыв их так или иначе выдаст; им бы получить поскорее деньги да закончить операцию. На этом мы и сыграем. Впереди два, почти три дня, будем тянуть до последнего — вдруг чем-нибудь себя выдадут. Надежда, конечно, слабая. Но если я догадался правильно... И если вы не подведете... Короче. — М. строго взглянул на Бонда. — Вам все ясно? Тогда поезжайте. До Нью-Йорка на любом сегодняшнем самолете — билеты уже заказаны, а дальше атлантическим рейсом. Можно было бы отправить вас военным самолетом, но лучше приехать незаметно. Вы — богач, желаете купить участок, потому и разгуливаете по всему острову. Ясно?

— Так точно, сэр. — Бонд поднялся. — Хотя я бы лучше поехал, например, куда-нибудь к «железному занавесу». Сдается мне, мелкая группа такую операцию не потянула бы, это скорее русские. Захватили новейший самолет с бомбами и морочат нам голову с этим «Спектром». Узнаю почерк. Впрочем, у русских самолет или нет, разберутся наши восточные резиденты. Какие еще указания, сэр? С кем связаться в Нассау?

— С губернатором. ЦРУ тоже посылает своего человека, с рацией и всем, что нужно. Техника у них получше нашей... Вы возьмете шифровальную установку с тройным набором. Обо всем происходящем докладывать лично мне. Понятно?

— Понятно, сэр, — сказал Бонд и направился к двери. У Управления, может быть, за всю историю не было задания важнее, а его, Бонда, ставят а последний ряд кордебалета. Ну и пусть. Загорит на славу, а спектаклем полюбуется из-за кулис.

С шифровальной установкой — аккуратным кожаным чемоданчиком, с виду похожим на дорожную кинокамеру, Бонд вышел на улицу. Человек в светлом «фольксвагене» бросил почесывать под рубашкой обожженную грудь, в десятый раз поправил подвешенный под мышкой длинноствольный пистолет и включил зажигание. «Фольксваген» стоял за машиной Бонда. Что это за внушительное здание рядом, человек и не подозревал. Выйдя из брайтонской больницы, он узнал в «Лесном» домашний адрес Бонда, приехал в Лондон, под чужим именем взял напрокат машину и с тех пор неотступно следовал за Бондом. Сделает, что задумал, — и сразу в Лондонский аэропорт и ближайшим самолетом на континент, в любую страну. Граф Липпе не сомневался в успехе. Рассчитаться с обидчиком — дело привычное, легкое. Мстить в жизни приходилось часто, и он, не дрогнув, убирал людей могущественных, опасных. А узнают о сегодняшнем в «Спектре», не попрекнут. Там, в санатории, он подслушал телефонный разговор и понял, что его маску ухватили за кончик: докопались, что он член «Красной молнии», стали бы копать и дальше и рано или поздно вышли бы на «Спектр». А кроме того, у агента Н. есть и личные счета...

Бонд сел в машину, захлопнул дверцу. Из двух выхлопных труб его «бентли» (Бонд специально поставил два глушителя) вырвался голубоватый дымок. Тронулась и машина агента Н.

А позади «фольксвагена», на другой стороне улицы, Шестой из «Спектра» опустил защитные очки, завел мотоцикл и рванул с места, помчался, лихо обходя машины, — когда-то Шестой был профессиональным испытателем. Пристроился позади «фольксвагена». Почему агент Н. следует за «бентли» и кто в этом «бентли» сидит, мотоциклиста не интересовало. Из переброшенной через плечо кожаной сумки он вытащил огромную, вдвое больше обычной, гранату и, прикидывая, как потом удирать, посмотрел на передние машины.

Прикидывал и агент Н. Не сможет проскочить между машинами — вон там за

фонарем вырулит на тротуар... Теперь машин впереди немного. Он нажал на газ, левую руку оставил на руле, а правой вытащил кольт. Вот он у заднего бампера «бентли», вот поравнялся. Профиль Бонда четок, недвижим — отличная мишень. Липпе быстро глянул вперед и поднял пистолет.

Бонд обернулся на мерзкое дребезжанье — у «фольксвагена» двигатель с воздушным охлаждением — и в ту же секунду у самой щеки свистнула пуля. Нажми Бонд тут же на газ, его настигла бы вторая, но он неизвестно отчего нажал на тормоз и с размаху врезался подбородком в руль; в глазах потемнело от боли. Взвизгнули тормоза, «бентли» стал, а вместо третьего выстрела прогремел взрыв. Бонда осыпало осколками ветрового стекла... Вокруг испуганно гудели, кричали. Бонд тряхнул головой, осторожно выпрямился. Впереди лежал на боку «фольксваген»: одно колесо еще крутится, крыша снесена, в машине и рядом на дороге — кровавое скользкое месиво. Пламя лижет дверцу, краска пузырится. Собирались любопытные. Бонд взял себя в руки, выскочил из машины.

— Назад! — рявкнул он. — Бак взорвется!

Тут же глухо ахнуло, в черных клубах дыма взвилось пламя. Вдали завывала сирена. Бонд протиснулся сквозь толпу и быстро пошел назад, в Штаб. Хорошенькая история!

Бонду пришлось пропустить два нью-йоркских рейса. Полицейские потушили пожар, отвезли в морг останки, убрали изуродованную машину. Следствие располагало лишь туфлями и ключьями одежды убитого, номером пистолета и машины. В бюро по прокату вспомнили, что посетитель был в темных очках, предъявил водительское удостоверение на имя Джонстона, дал щедрые чаевые. Машину взял три дня назад на неделю. Мотоциклиста видели прохожие, но задних номеров не разглядели — может быть, номера и сняты. Промчался, как вихрь...

Ничего не добавил и Бонд. У «фольксвагена» крыша низкая, водителя не разглядел, только высунулась рука, блеснул пистолет.

Копию протокола Управление по разведке и контрразведке запросило у полицейских и отправило в штаб операции «Гром». М. еще раз переговорил с Бондом — коротко и раздраженно, будто в нападении виноват сам Бонд. Посоветовал не тревожиться: вероятно, это хвост прошлых дел, полиция разберется. Главное сейчас — операция «Гром».

VIII. БРАТСКАЯ МОГИЛА

Операция «Омега» шла без сучка, без задоринки: три ее этапа завершены были точно в срок.

В Джузеппе Петаччи Блофельд не ошибся. Во время войны, восемнадцати лет, тот уже был вторым пилотом сторожевого бомбардировщика немецкой марки, а немцы редко доверяли свои самолеты итальянцам. Летал над Адриатикой. Их эскадрилью даже оснастили новейшими немецкими минами нажимного действия, но военное счастье вскоре улыбнулось союзникам, и Петаччи решил позаботиться о себе: что нужно делать, он знал. Во время очередного патрульного облета он пристрелил, по пуле в затылок, командира и штурмана и, над самой водой, на бреющем, под зенитным огнем, долетел до взятого союзниками порта Бери. Вывесил из окна кабины рубашку и сдался английским летчикам. Контрразведчикам он рассказал красивую сказку: поступил-де в итальянскую военную авиацию, чтобы вредить фашистам.

И после войны считался доблестным героем Сопротивления. Жизнь покатилась легко: несколько лет летал вторым пилотом и командиром экипажа в гражданской

авиации, потом вернулся в Военно-воздушные силы полковником, а еще спустя время его приписали в НАТО и назначили вместе с другими пятью итальянцами в передовое оборонительное соединение. Однако ему уже стукнуло тридцать четыре, и он решил, что пора уступить место молодым, пусть и они повоюют... А он — он всю жизнь любил вещи броские, первосортные, дорогие. И владел всем, о чем мечталось: у него было два золотых портсигара, массивные золотые часы на золотом же гибком браслете, белая машина с откидывающимся верхом, модная одежда... Женщины тоже мог добиться любой. Теперь ему хотелось купить другую машину, особенную, гладкую, вытянутую каплей, — он видел такую на Миланской автомобильной выставке. А пуще всего хотелось зажить по-новому, никогда больше не видеть светло-зеленых натовских коридоров, не летать; все сменить — и страну, и имя, уехать, скажем, в Рио-де-Жанейро... Но для этого нужен новый паспорт, деньги и чья-нибудь помощь.

Итальянец по фамилии Фонда, Четвертый из «Спектра», искал — по парижским ночным клубам, куда захаживают натовцы, — именно такого человека. Целый месяц Четвертый тщательно готовил снасти, прикармливал рыбину, наживлял крючок и, наконец, забросил удочку. Рыбина так поспешно клюнула, что в «Спектре» даже решили проверить, не двойная ли игра. Но Петаччи оказался чист, и ему предложили следующее: во время учений он угоняет «Защитника». Об атомных бомбах не говорилось вообще, угнать якобы просит кубинская революционная группа — так она привлечет внимание к себе и своим целям, лучшей рекламы не придумаешь. Петаччи притворился, что верит — какая разница, для кого угонять. Он должен был получить миллион долларов, паспорт на любое имя и с любым гражданством и билет от места посадки самолета до Рио-де-Жанейро. Угон был продуман во всех подробностях, и утром второго июня Петаччи был собран, спокоен; «Защитник» с ревом разбежался на полосе и взмыл в небо.

На учениях в огромное нутро военного самолета, сразу за кабиной, обычно ставили два кресла от гражданского. С час Петаччи просидел в таком кресле, а пятеро летчиков, склоняясь над приборами, вели самолет. Когда придет время, он справится и один, с автопилотом: будет лишь проверять высоту, держаться ровно 32 тысячи футов, как раз над трансатлантическим коридором. Сойти с направления «Европа — Америка», повернуть на юг, к Багамам, одному трудновато... И садиться страшно, но за миллион долларов перетерпит — посадка обдумана, расписана по минутам, записная книжка в кармане.

В десятый раз он взглянул на часы. Пора! Спрятавшись за перегородку, проверил кислородную маску, вытащил из кармана баллончик с красным ободком, повторил про себя, сколько раз повернуть клапан, положил обратно и пошел в кабину.

— А вот и Джузеппе! Проходи, гостем будешь! — Командир любил итальянца — много летали вместе, попадали в переделки.

— Спасибо, спасибо...

Петаччи задал несколько вопросов, проверил курс, скорость, высоту. Уже перешли на автопилот, и летчики расслабились, их потянуло ко сну. Петаччи встал спиной к металлической полке, где хранились бортовой журнал и карты, опустил руку в карман, три раза повернул клапан, вытащил баллончик и сунул его на полку, между карт. Потом широко зевнул и сказал весело:

— Задам-ка я храповицкого. — Это словечко он приготовил заранее и произнес легко, естественно.

— А по-итальянски как? Храповиццио? — засмеялся штурман.

Петаччи добродушно усмехнулся. Вышел из кабины, уселся в кресло и, нацелив кислородную маску, стал ждать.

Ему говорили — подействует максимум через пять минут. И точно, минуты через

две сидевший у самой полки штурман вдруг схватился за горло, захрипел и упал. Радист выронил наушники и двинулся было к нему, но и сам рухнул на колени, завалился набок. Трое других тоже задыхались. Бортинженер и второй пилот слепо вцепились друг в друга, вместе сползли с кресел. Командир что-то пробормотал, нашарил микрофон, привстал и медленно обернулся: через открытую дверь он успел еще взглянуть на Петаччи и упал замертво.

Петаччи посмотрел на часы. Прошло ровно четыре минуты. Выждав еще минуту, он достал из кармана резиновые перчатки, надел и вошел в кабину; к лицу он прижимал кислородную маску, мягкий шнур тянулся следом. Нашел на полке баллончик, завернул клапан, проверил курс на автопилоте, включил наддув и вернулся в кресло.

По инструкции на проветривание полагалось пятнадцать минут, но он выждал двадцать пять. Снова, не сняв маски, вошел в кабину и по одному отволок летчиков в хвост самолета. Потом в опустевшей кабине достал из кармана пузырек и посыпал из него на пол; порошок не изменил цвета. Чуть сдвинув маску, он осторожно вдохнул — как будто ничем не пахнет. Взялся за штурвал, снизился до 32 тысяч, выправил курс — но маски все же не снял...

Темнело. Горели желтые глаза приборов, было тепло, тихо. Огромный самолет плыл почти бесшумно, только пели еле слышно двигатели. Он щелкал клавишами приборов, и каждый щелчок отдавался выстрелом... Наконец, Петаччи откинулся в кресле. Проглотил тонизирующую таблетку и задумался. В валяющихся на полу наушниках громко заверещало. Он взглянул на часы. Должно быть, вызывает Ирландское военно— воздушное управление, за последние полтора часа «Защитник» не вышел на связь уже третий раз. Из управления, конечно, сообщат в спасательную службу, в командование бомбардировочной авиации, в Министерство ВВС — но не сразу. Скачала несколько раз запросят Южный спасательный центр; на это уйдет еще полчаса, а самолет к тому времени будет уже далеко над Атлантикой.

В наушниках смолкло. Он встал, подошел к радарному экрану: иногда там вспыхивала точка — «Защитник» обгонял кого-то, идущего ниже. А замечают ли его самого снизу, из воздушного коридора? Вряд ли, у гражданских самолетов радар слабый. Разве только американцы засекут через систему дальнего обнаружения, да и те решат, что это гражданский, просто забрался повыше.

Петаччи вернулся на место. Снова быстро проверил приборы и, взявшись за штурвал, тихонько качнул самолет вправо, влево. Слушается отлично, как надежный автомобиль. Он вспомнил тот миланский полугоночный... Какой выбрать цвет? Он всегда любил белый, но теперь вся жизнь его переменится, и нужен другой цвет, более спокойный, благопристойный — например, темно-синий, а вдоль корпуса узкая красная полоса...

Он тряхнул головой: замечтался! «Защитник» летит уже четыре часа со скоростью 600 миль в час, американский берег должен быть на экране. Да, берег прекрасно виден: вот темнеет Бостон, вот серебряным ручейком петляет Гудзон. Самолет летит точно по курсу, скоро поворачивать на юг.

Петаччи сел в кресло, проглотил еще одну тонизирующую и сверился с картой. Руки он держал на штурвале; гирокомпас загадочно подмигивал ему. Пора! Круто повернул и снова выпрямил штурвал, вывел самолет на новый курс, включил автопилот. Теперь он летит точно на юг, это последний участок пути, еще три часа. А там — посадит ли?..

Он вытащил записную книжку. «По левому борту увидите огни острова Большая Багама, по правому — Флориды. Сбрасываете топливо. За пятнадцать минут до расчетного конца полета начинаете снижаться и ждете позывных с яхты Первого: „точка-точка-тире, точка-точка-тире“. Снижаетесь до тысячи футов, тормозите, снова сбрасываете топливо. Когда на яхте зажгут красный маяк, заходите на посадку.

Закрылки опускайте только на контрольной высоте при скорости 140 узлов. Глубина моря — 40 футов. Выходите через аварийный люк, вас подберет яхта Первого. В восемь тридцать утра вылетаете из Багамского аэропорта а Майами, дальше — местными рейсами. Первый передаст вам деньги в тысячедолларовых купюрах или в чеках, а также паспорт на имя Энрико Валли, директора компании. »

Он проверил координаты, курс, скорость. Было три часа ночи по Гринвичу, то есть двадцать один по местному времени. Вышла полная луна, осветила облачную снежную поляну внизу. Он повернул клапан, сбросил тысячу галлонов топлива, и самолет сразу потянуло вверх. Снизил до прежних 32 тысяч... Лететь оставалось двадцать минут. Нужно понемногу снижаться...

Вниз, сквозь облака, почти вслепую... Светит луна, серебрится море, редкие огоньки внизу еле теплятся. На море совсем тихо — оно гладкое и твердое, точно сталь. Петаччи настроился на шестьдесят седьмой канал: «точка-точка-тире, точка—точка-тире». Он начал тормозить, сбавил тягу, и самолет круто заскользил вниз, стрелку высотомера резко повело. Петаччи поглядывал то на грозную стрелку, то на отблескивающее ртутью море. На мгновение он потерял горизонт — море сверкает, путает, но вот мелькнул внизу темный островок, и Петаччи, уверившись, что высота, как и показывает стрелка, две тысячи, выровнял самолет.

Теперь позывные Первого слышались громко, четко. Скоро мелькнул красный маяк, до него, наверное, каких-нибудь пять миль. Петаччи снова направил огромную машину вниз, море все близилось... Ничего, он сядет! Он перебирал клавиши нежно, чутко, словно ласкал женщину. Пятьсот футов, четыреста, триста, двести — смутно обрисовалась яхта, огни у нее потушены, горит только красный маяк, и самолет идет точно на яхту! Врежется! Спокойно, спокойно... Не забыть сразу выключить двигатели... Толчок! Самолет задрал нос, прыгнул. Снова толчок! И еще!

Петаччи сложил на коленях дрожащие руки и тупо глянул в окно, где пенились волны. Он сел... Браво, Джузеппе Петаччи! Аплодисменты!! Где благодарная публика?!

Самолет медленно погружался, шипели раскаленные двигатели, позади металлически скрежетал сломанный хвост. По щиколотку в воде, Петаччи вышел из кабины. В глубине салона, в неверном лунном свете мокро блеснуло белое мертвое лицо одного из летчиков. Петаччи сорвал пломбу с аварийного бокового выхода, открыл дверцу и ступил на крыло.

К самолету подплывала большая шлюпка, в ней сидело шестеро с выбеленными луной, бесстрастными лицами. Петаччи замахал, радостно завопил, но в шлюпке лишь кто-то один вяло поднял руку. Поддельваясь под сдержанность и деловитость сообщников, Петаччи скомкал улыбку. Крыло уже почти погрузилось в воду, и из шлюпки на него легко выбрался низенький, толстый человек. С опаской, широко расставляя ноги, пружиня коленями, коротыш шел по скользкому крылу и смотрел на Петаччи в упор.

— Добрый вечер! Доставлен один самолет в хорошем состоянии, — сказал Петаччи, как придумал заранее. — Распишитесь в получении. — И протянул руку.

Коротыш встал потверже, крепко сжал ему руку и рванул на себя. Голова у Петаччи откинулась, и прямо в душу ему глянула луна; сверкнув, нож вошел в подбородок, в мягкое горло, достал до мозга. Петаччи успел удивиться, почувствовать боль — и в глазах ярко вспыхнуло...

Еще несколько мгновений убийца придерживал нож в ране, и летчикова щетина колола ему руку. Потом он опустил тело на крыло, высвободил нож, сполоснул в море, насухо вытер о спину Петаччи. Отволол тело к аварийному люку и сбросил в воду.

Осторожно ступая, убийца прошел по крылу, прыгнул в шлюпку и молча поднял большой палец. Четверо в шлюпке уже натянули акваланги и теперь стали по одному неловко переваливать за борт. Когда все нырнули, рулевой спустил на воду

огромный подводный прожектор, потравил трос. Потом включил свет, и тотчас засверкало море и в нем — огромный тонущий самолет. Рулевой завел мотор и дал задний ход; отъехав подальше от бурлящей воронки, он выключил мотор, вытащил из комбинезона пачку сигарет, предложил убийце. Тот взял сигарету, аккуратно переломил: одну половинку сунул за ухо, другую закурил. Убийца боролся с дурными привычками.

IX. ЯХТА «ЛЕТУЧАЯ»

На борту яхты Первый вытащил из кармана белого, акульей кожи пиджака пахнувший дорогим одеколоном платок, вытер пот со лба. На яхте прождали целых полчаса, самолет опоздал. Зато с летчиком управились быстро, так что теперь они отстают от графика только на четверть часа: если поисковой группе не придется резать металл — нагонят. Первый сошел с мостика, спустился в радиорубку и велел соединиться со Вторым.

Мозг яхты заработал, он открылся любому звуку, вслушивался, искал. Радист пробивался сквозь звуковые волны, трогал клавиши, нежно подкручивал настройку. Вот его быстрые руки замерли, он прибавил громкость, поднял большой палец. Первый надел наушники.

— Я Первый.

— Я Второй, — донеслось слабо, прерывисто. Это Блофельд, Первый узнал бы его скорее, чем родного отца.

— Все в порядке, этап завершен. В двадцать два сорок пять приступаем к следующему. Ждите доклада. Конец связи.

— Спасибо. Конец связи.

Разговаривали всего несколько секунд, за такое короткое время и на этой частоте вряд ли кто-нибудь перехватит. Теперь все мысли — о следующем этапе. Первый прошел в каюту и склонился над картой.

Сорокалетний Эмилио Ларго, он же Первый, не был обделен ни красотой, ни силой. Родом из Рима, он и походил на какого-нибудь своего пращура: длинное, крупной лепки лицо, гордый, с заметной горбинкой нос, тяжелый подбородок — такие профили чеканили на монетах. От всей его высокой, мускулистой фигуры веяло мощью, но особенно поражали огромные, даже по его стати несоразмерные кулаки; в могучих волосатых ручищах, рыскающих теперь по карте, линейка и измерительный циркуль казались игрушечными, до смешного ненастоящими.

Ларго был прирожденный хищник — волк, задирающий овец. Лет двести назад быть бы ему разбойником, только не сказочно-благородным, а Синей Бородой, кровавым головорезом, идти бы по трупам к золоту. Но Синяя Борода в своем злодействе плебей, Ларго же — патриций: умен, изворотлив, вылощен, удачлив в любви. Лучшего главнокомандующего по операции «Омега» нельзя и желать...

В каюту заглянул, постучав, матрос:

— Со шлюпки дали сигнал. «Торпеда» с прицепом пошла...

— Хорошо, — сказал Ларго. Его присутствие всегда охлаждало горячие головы. В самой рискованной ситуации, когда враг насаждает со всех сторон. Ларго оставался спокоен и тверд, вдумчиво, как дзюдоист, выбирая момент для решительного удара. На подчиненных эта его манера действовала безотказно; принесут радостную ли, худую весть — а он лишь кивнет невозмутимо, словно все наперед знал. С таким шефом бояться нечего. А весть матрос принес замечательную! Ларго с нарочитой неторопливостью принялся измерять что-то по карте. Наконец, выдержав, как ему казалось, необходимую паузу, он встал и вышел из каюты в теплую душную ночь.

К качающейся неподалеку шлюпке полз под водой червячок Света. Это и была

подводная самоходная «Торпеда», какими пользовались в войну итальянцы. Она тянула остроносый прицеп, специально приспособленный для перевозки грузов по дну. Световой червячок растаял в луче прожектора, а через несколько минут появился вновь — теперь он полз назад, к яхте. Другой на месте Ларго спустился бы в трюм, к подводному люку, посмотрел бы, как будут выгружать бомбы. Он, по своему обычаю, не пошел. Вскоре световой червячок снова пополз к шлюпке. На прицепе помещался огромный рулон непромокаемого брезента, выкрашенного в цвета здешней подводной местности — белый песок, кораллы: брезентом покроют самолет, края надежно закрепят. Ларго представил, как восемь человек — четверо с яхты и четверо со шлюпки — работают там, внизу. Сколько же сил положено, как искусно сплетен этот замысел — «Омега»!

Рядом со шлюпкой мелькнул огонек, потом еще — группа всплывала. Луна посверкивала в стеклянных масках, и Ларго пересчитал: все восемь человек. Они подплыли к шлюпке, забрались по лесенке; рулевой и немец убийца Брандт помогли затащить «Торпеду», прицеп. Подводный прожектор выключили и тоже взяли на борт. Взревел мотор, шлюпка помчалась к яхте. Здесь ее зацепили краном и подняли на палубу.

К Ларго подошел капитан, высоченный, тощий и мрачный. Он был уволен из канадского флота за пьянство и нарушение субординации, а на яхте стал как шелковый: однажды не выполнил приказ, и Ларго собственноручно изломал об него стул.

— Когда отправляемся? — спросил капитан.

— Через пять минут. Найдите мне Котце.

Глаза у физика Котце блеснули, его трясло, как в лихорадке.

— Что, хороши игрушки? — спросил Ларго.

— Не то слово!.. Я еще таких бомб не видел. Простые, надежные — ребенку дай, не подорвется.

— В спусковые салазки они поместились? Вам работать не тесно?

— Абсолютно не тесно! — Котце чуть в ладоши не хлопал. — Снимем носовые взрыватели, ввинтим часовой механизм. Кандинский подбирает резьбу.

— Запалы тоже доставлены?

— Да. Я их уже проверил — надежные. Хранить все же будем отдельно от бомб...

— Значит, все в порядке?

Котце постепенно успокаивался. Как он волновался все это время! Вдруг у бомб оказался бы какой-нибудь неизвестный ему секретный предохранитель? Теперь-то ясно, что волновался зря.

— Все в порядке. Пойду работать, — ответил он буднично и побрел по палубе.

Ларго проводил взглядом худенькую фигурку. Чудаки эти ученые, кроме своей науки ничего не знают. Для Котце вся работа — гайки завинчивать... Впрочем, для жаркого дела он и не годится. Хорошо бы вообще от него избавиться, но пока рано — вдруг придется взрывать бомбы.

Ларго поднялся на капитанский мостик и бросил:

— Полный вперед.

«Летучая» — моторная яхта на подводных крыльях. Построили ее в Италии, специально для «Спектра». Корпус — из сплава алюминия и магния, два четырехцилиндровых двигателя с турбонагнетателями; «Летучая» могла делать около пятидесяти узлов с запасом хода при такой скорости в 4 тысячи миль. Стоила она дорого, но в Багамских водах «Спектру» нужно было именно такое судно — скоростное, вместительное, с небольшой осадкой. Кроме того, суда такого класса не вызывают изменений магнитного поля и почти не создают волны, что весьма полезно, случись погоня — а в жизни «Летучей» погоня вполне могла случиться.

Вот уже полгода яхта служила предметом всеобщего восхищения и на Флориде, и на Багамах, и Ларго слыл достойнейшим из местных «миллионеров», которых в этой части света немало. Постепенно тайна яхты раскрылась: владелец хочет поднять с затонувшего судна сокровища. Закончится зимний туристский сезон, приедут пайщики и в самом начале лета тихой спокойной порой к поискам приступят по-настоящему. И действительно, однажды в Нассау съехались — с Бермудских островов, из Нью—Йорка и Майами — девятнадцать пайщиков. А через два дня, в сумерках, мягко заурчали двигатели, и сине-белая красавица яхта вышла из гавани и взяла курс на юго-восток, что прекрасно видели все гулявшие в ту пору по набережной.

Однако, уже в открытом море, яхта круто развернулась к западу и вдали от любопытных глаз, с потушенными бортовыми огнями, устремилась как раз к тому месту, которое теперь, встретив самолет, покидала. До Нассау всего сотня миль, два часа ходу: но в обратный путь пускаться еще не время, есть еще одно важное дело, и в гавань яхта вернется лишь с рассветом.

Первые два этапа операции прошли гладко, на этом, третьем, тоже нельзя ошибиться. Ларго склонился над картой: вроде, идут правильно, до Собачьего пятьдесят миль, будут там через час.

Островок Собачий размером не больше двух теннисных площадок. Это сплошь мертвый коралл, лишь в одном месте пробитый песчаной отмелью, — там, в соленоватых дождевых лужицах растет морская трава да чахлые скрюченные пальмы. Коварную отмель, Собачью Банку, знают все, от нее стараются держаться подальше даже рыбаки.

«Летучая» подошла на большой скорости, потом сбавила обороты и еще поскользился, медленно оседая. Остановилась в кабельтове от островка. Плеснули, всхлипнули короткие волны, якорь ушел на сорок футов и закрепился. В трюме, возле подводного люка ждал Ларго и четверка стоящих попарно пловцов — каждая пара держала за края кусок полотна, где, как в люльке, покачивалась в грязновато—сером резиновом мешке огромная сигара. Все в аквалангах, у Ларго фонарь.

Скоро хлынула вода, затопила трюм; аквалангистов подняло с места, и они скользнули в люк, плыли в легком серебристом тумане. Сначала внизу было мутно и пусто, потом показалась островная отмель, круто уходящая вверх. Коралловые ветви расходились тугим веером, как снасти, корабельные серые заросли таинственно переливались в лунном свечении, манили... Новичок испугается этих невинных подводных хитростей, оттого Ларго и повел группу сам. Одно дело, в открытом море при свете прожектора спуститься к затонувшему самолету — оказываешься точно в огромном цеху; здесь же, под самым островом в таинственно мерцающем царстве, страшно, и нужен пловец тертый, бывалый.

Островок был сильно подмыт волнами и, если взглянуть снизу, напоминал громадный гриб. На ножке гриба темнела широкая расщелина. Ларго подплыл ближе и зажег фонарь: под «шляпкой» было совсем темно. Желтым фонарным лучом высветилась здешняя жизнь: колыхался лес водорослей, водил желто-синими усиками лангуст, над бледными морскими ежами и жгуче-черными икринками суетливо носились рыбы-бабочки и «морские ангелы»... Ларго стал на дно, переступил для верности лапами и посветил спутникам. Через расщелину все прошли по одному в тесную, длиной шага в три, подводную пещерку. Пещерка было точно дно колодца — из дальнего ее конца узкий ствол вел на самый верх, на воздух, и в колодец заглядывала сейчас луна. В шторм из отверстия, приходящегося прямо на середину острова, бьет фонтан, но в такое время вблизи Собачьего безлюдно... В стену пещерки они вбили железные опоры, уложили на них бомбы а резиновых мешках, накрепко привязали ремнями и не спеша вернулись на яхту.

Завелись двигатели, и «Летучая», едва касаясь воды, понеслась — а скорее,

именно полетела — домой.

Ларго разделся, обмотался вокруг пояса полотенцем и пошел в радиорубку. Полночную связь он пропустил, времени было час пятнадцать, а у Блофельда — семь пятнадцать утра. Радист настраивался на волну, а Ларго думал пока о Втором. Тот, наверное, сидит, ждет — измученный, небритый, перед ним чашка кофе; какая по счету? Ларго даже услышал кофейный запах...

— Я Первый.

— Я Второй.

— Третий этап завершен, все в порядке. Конец связи.

— Я доволен.

Ларго стащил наушники и подумал: «Я тоже. Дело почти сделано, теперь никто не помешает, разве что сам дьявол».

Х. ДОМИНО

Ярко-синяя открытая машина пронеслась вниз по Парламентской улице; на перекрестке загорелая девушка за рулем ловко переключила скорость и, глянув направо, вывернула перед скособоженным ветхим фургоном на Бухтовую. Видавший виды коняга сердито мотнул мордой, возница звякнул огромным колокольцем, но девушка лишь махнула рукой и, в секунду промчав всю улочку, резко затормозила возле «Трубки мира», лучшей в Нассау табачной лавки. Не открывая дверцы, прямо через низкий борт соскочила на землю, небрежно оправила светлую плиссированную юбку, в прыжке задравшуюся чуть не до пояса. Фургон остановился неподалеку, и возница громко пожаловался:

— Тихоходу-то моему в самую морду въехала. И куда спешат?..

Девушка подбоченилась.

— Сам ты тихоход, под ногами путаешься! Вам обоим не по дорогам ездить, а на травке ластись.

Старик-негр открыл было рот, но передумал и сказал примирительно:

— И верно — пора на покой...

Стегнул конька, тронулся, обернулся еще раз на обидчицу, но той уже и след простыл.

— Эх, хороша! — неожиданно вывел старик и пустил конька рысью.

В эту минуту Джеймс Бонд подходил к лавке. Мысленно согласившись с возницей, он прибавил шаг и вслед за девушкой вошел в тесноватое прохладное помещение.

— Дайте мне самых плохих сигарет! — сказала незнакомка продавцу.

Багамец давно уж не удивлялся сумасшедшим туристам.

— Одну минуту, мадам, — он невозмутимо повернулся к полкам.

— Для тех, кто бросает курить, есть два сорта сигарет... — назидательно начал Бонд.

— А кто вы, собственно, такой? — оборвала она.

— Джеймс Бонд, признанный мастер по борьбе с курением. Считайте, что вам повезло.

Девушка оглядела его: лет тридцати пяти, высок, недурен собой, только сквозит в чертах какая-то жесткость, даже суровость, серо-голубые глаза пронзительны, цепки; на правой щеке еле заметно бледнеет шрам, загар совсем легкий — значит, на острове недавно, то-то прежде они не встречались... Явно набивается в ухагеры. Ну что ж, пусть потрудится.

— И какие же это два сорта? — холодно спросила она.

— Самые слабые и самые крепкие. Вам рекомендую слабые. Пожалуйста, «Герцог» с фильтром, — обернулся он к продавцу.

— Я сама заплачу...

Но Бонд уже бросил деньги на прилавок.

На улице стояла страшная жара; сверкающие витрины, мазанные известкой дома, белая дорожная пыль сливались в одно слепящее месиво.

— Любитель покурить обычно не прочь и выпить, — сказал Бонд. — Может, посидим где-нибудь?

— Какое неожиданное предложение, — усмехнулась девушка. — Впрочем, я согласна, мистер э... Бонд. Только не в городе, здесь слишком жарко. Знаете ресторанчик «Причал»? Поехали, я на машине.

Обтянутое белой кожей сиденье раскалилось, точно сковородка. Но Бонд не роптал. Ему повезло — первый раз вышел в город и сразу познакомился с той, которую час назад решил непременно отыскать. А она к тому же оказалась красавицей...

Среди вороха анкет для приезжающих, которые Бонд просмотрел нынешним утром, была и заполненная этой девушкой. Доминетта Витали, 29 лет. Актриса — если верить написанному в графе «профессия». Приехала шесть месяцев назад на яхте «Летучая», не исключено, что любовница владельца. «Потаскушка», — в один голос презрительно сказали полицейский комиссар Харлинг и начальник таможенной службы Питман; Бонд же, потаскушками считавший только уличных профессионалок да обитательниц борделя, осторожно заметил, что с выводами торопиться не стал бы. Сейчас он видел, что был прав. Витали — девушка самостоятельная, решительная, с сильным характером. Может, и спит со многими — но условия при этом диктует сама...

Женщины водят машину либо совершенно безалаберно, либо чересчур осторожно. Эта вела по-мужски: не отрывалась взглядом от дороги, следила в зеркале за тем, что происходит сзади, ловко переключала скорость, плавно тормозила — словом, тонко, любовно чувствовала машину. С Бондом она не разговаривала, будто и вовсе не замечала; лицо у нее стало вдохновенным, почти страстным, глаза сузились в темные щелочки, но в лавке Бонд хорошо успел разглядеть: они у нее темно-карие, с золотистой искоркой, смотрят прямо и дерзко; чуть вздернутый нос, резко очерченный подбородок, гордая посадка головы — во всем царственное, непреклонное. Четкую линию нарушают лишь легкие, беспорядочно разметавшиеся волосы да нежные ямочки на щеках; улыбается, наверное, очаровательно, с хитрецей. Посмотреть бы... Впрочем, о чем он думает?..

Мелькнул дорожный указатель: «До башни Синей Бороды — 1 миля», за ним другой: «Ресторан „Пороховой причал“ — первый поворот налево». Когда-то на Багамы заходили знаменитейшие пираты, теперь романтичными названиями приманивают туристов.

Они оставили машину в тени казуарины и через небольшой зальчик вышли на террасу, устроенную на развалинах каменного причала. Растущие на террасе миндальные деревья были подстрижены под зонтик.

— Вам крепче или послабее? — спросил Бонд.

— Послабее. Двойную «Кровавую Мэри».

— Ничего себе! Что же, в таком случае, вы считаете крепким напитком?

— Водку со льдом...

Себе Бонд заказал водку с тоником.

— Слушаюсь, сэр, — сказал официант с типично багамской невозмутимостью и неспешно удалился.

— Вы на острове совсем недавно, не так ли? — спросила девушка.

— Сегодня утром приехал. А вы?

— Уже полгода. Заметили в гавани яхту «Летучая»?
— Конечно, — игрушка... Так это ваша?
— Не совсем — одного моего родственника.
— Наверное, вы и живете прямо на яхте?
— Нет, снимаем участок.
— А я, знаете ли, хочу купить здесь землю, можно и с домом...
— Да? Кажется, наш хозяин собирается продавать. А мы как раз на днях уезжаем — так что попробуйте счастья.

Бонд со значением

— Непременно. И не только с участком, — заглянул ей в глаза.
— Пошляк! — Вдруг она рассмеялась, ямочки углубились. — Простите, я не хотела так резко. Понимаете, надоели эти песни — тут ведь публика все больше в преклонных годах, состоятельная, а старичкам лишь бы кого помоложе. Просто проходу не дают... А вы наверняка покорите старух-миллионерш; роскошные дамы — все как одна маскируют седины голубой краской...

— И питаются вареными овощами?

— Запивая морковным соком...

— Ну нет, с миллионершами дружба врозь, мое любимое блюдо — суп из моллюсков.

Она удивленно взглянула:

— А вы, оказывается, знаете местное поверье?

— О том, что суп из моллюсков — любовное зелье? В это верят везде, где водятся моллюски. Такой супчик обычно подают перед первой брачной ночью. Впрочем, на меня не подействовало...

— Так вы женаты, мой рыцарь?

— Нет, — улыбнулся Бонд. — А вы замужем, моя королева?

— Тоже нет.

— Отчего бы, в таком случае, нам вместе не отведать этого волшебного супа?

— Должна заметить, мистер Бонд, что вы мало чем отличаетесь от моих менее юных поклонников — по крайней мере, в остроумии...

Бонд решил, что пора переходить к делу.

— Вы отлично говорите по-английски, но все же есть какой-то акцент. Итальянский?

— Угадали. Кстати, меня зовут Доминетта Витали. Я училась в Англии, в Королевской академии драматического искусства, родители настаивали на таком образовании. После их гибели в железнодорожной катастрофе я бросила учебу, вернулась домой и поступила на сцену. Как выяснилось, английская школа в итальянском театре не ценится, пришлось переучиваться — один язык и остался...

— Почему же богатый родственник, владелец яхты, не одолжил денег на учебу?

— Он... не совсем родственник. Скорее, опекун, друг. На Багамы приехал за сокровищами, представляете?

— Что вы говорите! Наверное, у него есть какая-нибудь пиратская карта?

— Может быть, но мне ее не показывают и в море меня с собой не берут. Спасибо, что в казино приглашают — кстати, там сегодня собираются все пайщики.

— Чем же вы целый день занимаетесь?

— Гуляю, хожу по магазинам, плаваю с аквалангом...

— Возьмите меня как-нибудь поплавать.

— Посмотрим. — Она поднялась. — Мне пора, спасибо за угощение. К сожалению, обратно в Нассау вас отвезти не смогу, мне в другую сторону. Вызовите такси.

Бонд проводил ее до машины.

— Увидимся вечером в казино, Доминетта?

— Если не будете называть меня Доминеттой. Меня обычно зовут Домино.
Колеса выплюнули гравий, и маленькая синяя машина понеслась по дорожке; на перекрестке остановилась — и повернула направо, к Нассау.
— Вот шельма! — усмехнулся Бонд и пошел расплачиваться.

ХІ. ЧЕЛОВЕК ИЗ ЦРУ

Бонд вызвал такси и поехал в аэропорт: в час пятнадцать прилетал сотрудник Центрального разведывательного управления — некий Ф.Ларкин. Не хотелось бы, чтоб он оказался каким-нибудь мускулистым юнцом с модной стрижкой и пренебрежительным отношением к англичанам вообще и к их маленькой отсталой колонии в частности... Впрочем, наплевать, лишь бы привез рацию — для автономной связи с Лондоном и Вашингтоном, да счетчик Гейгера, тоже новейший, переносной: тем ЦРУ и ценно, что прекрасно оснащено... Так рассуждал Бонд, поглядывая в окно такси.

Нассау, столица Багам, располагается на песчаном острове Нью-Провиденс: здешние желтые пляжи считаются красивейшими в мире, но больше на острове ничего интересного нет — чахлый кустарник, казуарины, фисташковые деревья, ядовитые растения, большое солоноватое озеро. По побережью, в великолепных садах миллионеров, растут тропические цветы и пальмы, летают пестрые птицы — но все это вывезено с Флориды, и в глубинной части острова из выжженной бесплодной земли торчат лишь скорбные кресты ветряков...

Сам Бонд прилетел сегодня в семь утра. Приняв душ и позавтракав, он отправился, на встречу с полицейским комиссаром, начальником таможенной службы и заместителем губернатора. Лондонские сверхсрочные и совершенно секретные телеграммы возымели действие — все трое выразили готовность к услугам, однако Бонд ясно увидел, что занятие его они считают пустым. Рыжеусый заместитель губернатора Роддик блеснул пенсне и сказал осторожно:

— По нашему мнению, капитан Бонд, Такой огромный самолет в колонии спрятать невозможно. Единственное подходящее место для приземления — столичный аэропорт. Посадка же в прибрежные воды исключена — мы запросили все острова, нигде ничего не замечено. У нас постоянно работает радар...

— И ночью? — перебил Бонд.

— Резонный вопрос, — вступил в разговор полицейский комиссар Харлинг, подтянутый, военного вида мужчина. — Ночью, действительно, за радаром никто не следит, рейсы у нас все дневные, работники в основном из местных, сами понимаете... Да честно говоря, и на радар-то надежда плоха — старенький, маломощный...

— Комиссар, капитану Бонду вряд ли интересны наши внутренние проблемы, — поспешно перебил Роддик. — Мистер Питман, что вы можете сказать о гостях острова?

Начальник таможенной службы, холеный багамец с живыми карими глазами, тронул лежащий на коленях портфель:

— Вы просили представить данные за последние две недели

— вот, все анкеты у меня с собой... Подозрительных лиц нет.

— Меня интересует группа людей, европейцев, внешне ничем не выделяющихся, вполне благопристойных. Но держатся они, скорее всего, вместе, возможно, есть свое судно или самолет, — сказал Бонд.

— Такой группы не припомню... Разве что очередные искатели сокровищ?

— Бросьте, Питман, — поморщился Роддик. — Обыкновенные богатые

бездельники...

Но Бонд все же ухватился за эту ниточку, прочел, обращая особое внимание на обитателей яхты, все анкеты и пошел погулять по городу...

Приехав на такси в аэропорт, он купил «Нью-Йорк Тайме»: заголовки кричали о пропаже «Защитника», Бонд увлекся передовой, и тут ему в самое ухо шепнули:

— Вас приветствует агент 000...

Бонд порывисто обернулся — да это же Фэликс Лейтер, старый знакомец! Копна белокурых волос, широченная улыбка, вместо правой руки

— металлический протез.

— Феликс, старина!.. Ты знал, что работаешь со мной?

— Пора запомнить: ЦРУ знает все!

Лейтера ждала заранее заказанная в бюро по прокату машина. За руль сел Бонд: Лейтер, видите ли, еще не привык к «проклятой английской манере водить машину задом наперед», как он обозначил левостороннее движение.

— Ну, выкладывай, Феликс, — потребовал по дороге Бонд, — ты же в частные сыщики ушел, почему спать в ЦРУ?

— Очень просто — призвали. В резерв ЦРУ, Джеймс, не записывают только в одном случае: если на грани провала не сожрал шифр-блокнот... Протрубили, понимаешь, тревогу: все бросить, явиться в двадцать четыре часа. Я уж думал, русские напали. Явился, а мне говорят: кидай в чемодан плавки, картишки и лети в Нассау. И что мне там делать, спрашиваю, играть в бридж и плясать танец «ча-ча-ча»? Нет, отвечают, работать с Бондом. Ну, я спорить не стал, раз этот ваш любимый Н. или М. послал тебя, значит, жареным пахнет. Рад тебя видеть, чтоб ты пропал!..

В гостинице «Королевская Багамия», в лейтеровском номере, они спросили два сухих martini и меню. Обед, дорогой и невкусный, принесли только через полчаса.

— Это не отбивная, а подметка, и притом старая! — возмущался Лейтер. — А от луковых колец по-французски француза бы просто стошнило. Что будем делать, Ястребиный Коготь? — Он смотрел воинственно.

— Обедать где-нибудь в городе. — Бонд встал. — А сейчас — не посетить ли нам «Летучую»? Проверим, нет ли радиации. Ты счетчик-то привез?

— А как же! — Лейтер раскрыл чемодан. — Смотри: вроде бы обыкновенный фотоаппарат в футляре и столь же обыкновенные часы. Вешаешь фотоаппарат на левое плечо, надеваешь часы, проводочки от них тянешь вверх под рукавом, потом вниз вдоль тела и через дырку в кармане выводишь наружу, втыкаешь в гнезда аппарата. — Он расстегнул футляр. — Объектив, как у настоящего, даже кнопка есть, а начинка, конечно, другая. Эта штука реагирует на радиацию, а дополнительная стрелка на часах показывает, сколько единиц. Старые счетчики надо было слушать чуть не в наушниках, а тут — только посмотреть, который час... Короче, садимся в «Трясучую» и едем на «Летучую»...

— Трясучей» человек из ЦРУ обозвал моторную лодку, что давали на прокат при гостинице.

XII. МЕНЯ ЗОВУТ ЭГЛИЛИО ЛАРГО

Покинув гавань, они повернули на запад, миновали Серебряную и Долгую отмели, Шотландский остров, обогнули мыс Делапорт. Миль пять плыли вдоль побережья, любовались особняками.

— Участки на побережье страшно дорогие, — сказал рулевой, — четыреста фунтов за фут пляжа.

Обойдя мыс Старого форта, они сразу увидели сверкавшую на солнце

бело-синюю яхту — она стояла вдали от берега, на двух якорях. Лейтер присвистнул:

— Вот это лодочка! Купи мне такую, мамуля, я буду пускать ее в ванне!

— Лодочка итальянская, на подводных крыльях, — сказал Бонд. — Раскладывает крылья, задирает нос и почти летит, в воде только винты, да часть кормы. Полицейский комиссар говорит, в штиль она делает пятьдесят узлов. Конечно, годятся такие яхты только для прибрежных вод, зато могут перевозить до ста пассажиров. На «Летучей» размещается около сорока человек, есть еще большая капитанская каюта, грузовой отсек. Стоит яхта, наверное, чуть не четверть миллиона...

— На Бухтовой болтают, будто она вот-вот за сокровищами уйдет, — вмешался рулевой. — Пайщики-то все съехались, да и выходили уж раз в море на всю ночь, видно примеривались... Затонувший корабль, говорят, лежит где-то у южных островов — у Мертвого или у Сан-Сальвадора. Там еще Колумб высаживался, слышали, небось? В одна тысяча четыреста девяносто забыл каком... Вообще, у нас тут где хочешь сокровища можно найти — у Скалистых островов, скажем, или у Разбойничьего. Но яхта, та на юг выходила, даже на юго-восток. Сам видал. — И рулевой аккуратно сплюнул за борт. — Сокровища-то там, верно, и вправду есть, потому что сколько эта яхта денег жрет! Одна заправка — пятьсот фунтов.

— А когда же это она в море на ночь выходила? — как бы невзначай спросил Бонд.

— Два дня назад. Как заправилась, так вечером, часов в шесть и вышла.

Они уже различали поблескивающие иллюминаторы. Матрос, драивший медные перильца вокруг башенки капитанского мостика, через люк поднялся на мостик и сказал что-то в микрофон. На палубу вышел высокий человек в белых парусиновых штанах и просторной сетчатой майке, навел на лодку бинокль. Потом крикнул что-то матросу, и тот сошел с мостика, стал на правый борт, у лесенки. Когда лодка подошла ближе, матрос сложил руки рупором и крикнул:

— По какому вы делу? С кем хотите поговорить?

— С мистером Ларго, по поводу его участка в Пальмире. Меня зовут Джеймс Бонд, я из Нью-Йорка, а это мой поверенный.

— Сейчас доложу. — Матрос исчез и через минуту вернулся с прежним человеком в белых штанах и майке. Теперь Бонд узнал его по полицейскому описанию.

— Причаливайте! — радушно пригласил человек и махнул матросу. Тот спустился по лесенке, помог причалить. Бонд с Лейтером выбрались из лодки и поднялись на палубу.

— Меня зовут Эмилио Ларго, — протянул руку хозяин. — Мистер Бонд, не так ли? А вы, простите?..

— Это Ларкин, мой нью-йоркский поверенный. Сам я англичанин, но кое-какие денежные дела есть и в Америке. — Они пожали друг другу руки. — Извините, что побеспокоили, но мне хотелось бы поговорить об участке, который, если не ошибаюсь, вы снимаете в Пальмире у некоего Брюса.

— Не ошибаетесь. — Ларго добродушно улыбнулся, сверкнул безукоризненными зубами. — Прошу в каюту. Простите, что не одет. — Он смущенно махнул волосатой ручищей. — Если бы вы предупредили по телефону... А теперь уж не обессудьте. — Через низкий вход они прошли к лесенке, поднялись, он пропустил их в каюту и мягко прикрыл за собой дверь.

В каюте было просторно, красиво: стены обиты панелями из красного дерева, бордовый ковер, удобные синие кожаные кресла, большие квадратные иллюминаторы. Видно, что хозяин каюты занят серьезными мужскими делами: длинный стол завален бумагами, морскими картами; в застекленных шкафах — пистолеты и ружья; в углу повис безвольно, точно мертвое чудовище, черный

резиновый костюм для подводного плавания, рядом акваланг. Жужжал кондиционер, было прохладно, и Бонд с наслаждением почувствовал, как потная рубашка отстает от спины.

— Садитесь, закуривайте. — Ларго небрежно сдвинул карты, бумаги и бросил на стол пачку сигарет. — Выпьете чего-нибудь? — Он подошел к холодильнику. — Джин с тоником, пиво? Напрасно вы поехали в такую жару в открытой лодке. Позвонили бы — я бы выслал за вами шлюпку с тентом.

Оба попросили просто тоника.

— Извините, что не предупредили вас о приезде, мистер Ларго, — начал Бонд. — Я и не знал, что с берега на яхту можно звонить. Мы приехали на Багамы только сегодня утром, и всего на несколько дней, вот и решили сразу заняться делом. Видите ли, я хотел бы купить участок...

— Это правильно, тут места превосходные! — Ларго поставил на стол бокалы, бутылку тоника и сел. — Я прожил на острове полгода и готов остаться навсегда. Вот только цены!.. — Ларго воздел руки. — Ни стыда, ни совести у этих бандитов с Бухтовой улицы. И тем более, у здешних миллионеров. Правда, теперь конец сезона, спрос падает, и, возможно, продавцы образумятся.

— На это я и рассчитываю. — Бонд прикурил и откинулся в кресле; сиделось хорошо, уютно. — Вернее, на это рассчитывает мой поверенный, он наводил справки и выяснил, что в разгар сезона цены здесь сумасшедшие. — Бонд вежливо повернулся к Лейтеру, пусть тоже примет участие в беседе. — Не так ли, мистер Ларкин?

— Невиданные цены, просто невиданные! Таких не просят даже на Флориде. Соглашаться — чистое безумие...

— Да-да, конечно. — Ларго явно считал предмет исчерпанным. — Так что вы хотели узнать насчет Пальмиры?

— Ходят слухи, что вы скоро уезжаете. Знаете, на маленьком островке ничего не скроешь... А ваш участок мне вроде бы подходит, и, кажется, Брюс готов продать за сходную цену. Я вот о чем хотел попросить... — Бонд взглянул смущенно. — Позвольте нам как-нибудь осмотреть участок. Разумеется, когда вам удобно, ни в коем случае не хотелось бы помешать...

— Пожалуйста. В любое время! — широко улыбнулся Ларго. — Там живет только моя племянница со слугами, да и ее целыми днями нет, так что вы никому не помешаете. Позвоните ей, договоритесь. А участок в самом деле хорош, да и дом отличный. У Брюса и деньги есть, и вкус.

Бонд поднялся, за ним Лейтер.

— Вы очень любезны, мистер Ларго. А теперь мы откланяемся. Может быть, еще встретимся в городе, пообедаем вместе. Хотя, — Бонд старался говорить восхищенно, почтительно, — вам, наверное, и на берег сходить не хочется. Лучше вашей яхты, должно быть, во всей Атлантике нет. Кажется, яхта этой марки курсировала между Венецией и Триестом?

— Точно. — Ларго польщенно улыбнулся. — А еще на таких ходят в Италии на озерах. Теперь эти яхты покупают для Латинской Америки: очень хороши в прибрежных водах, осадка при работающих подводных крыльях всего четыре фута.

— Но, наверное, у вас тесновато?

Болезненная любовь к своим вещам — свойство скорее мужское, чем женское. Ларго был увлечен.

— Тесновато?! Вы очень торопитесь? На борту как раз много народу — экипаж и все пайщики, мы ведь ищем сокровища, вы, наверное, слышали? — Он взглянул настороженно: не усмехнутся ли гости? — Ну да дело не в сокровищах, а в том, что на яхте сейчас сорок человек. Вот и смотрите, тесно нам или нет. Прошу. — Ларго указал на дверь.

Лейтер засомневался:

— Вы помните, мистер Бонд, что на пять часов у нас назначена встреча с Гарольдом Кристи?

Но Бонд отмахнулся:

— Кристи милейший человек, подождет нас немного. Я с удовольствием осматриваю яхту.

— Много времени это не займет. А Кристи я знаю, он мой приятель и действительно человек необидчивый... Прошу! — Ларго распахнул дверь.

Бонд так и знал, что их, гостей, будут пропускать вперед. Но тогда Ларго пойдет сзади и наверняка заметит, что Лейтер то и дело поглядывает на часы...

— Нет-нет, ведите нас, пожалуйста, — твердо сказал Бонд. — А то у вас и лоб расшибешь...

Ларго любезно улыбнулся и вышел первым.

В общем-то все суда, даже самые современные, похожи друг на друга: по обе стороны от моторного отделения тянутся коридоры, куда выходят двери душевых и кают (все каюты заняты, рассказывал Ларго); камбуз (где двое веселых итальянцев хохотали над шутками Ларго и с удовольствием отвечали гостям); огромное моторное отделение (главный механик с помощником, кажется, немцы, оживленно рассказывали о двигателях и гидравлике подводных крыльев) ... Короче, именно это и увидит гость на любом судне, и так же побеседует с экипажем, и польстит хозяину.

На юте теснились маленький двухместный гидросамолет, сине-белый, как и сама яхта, шлюпка человек на двадцать и электрический подъемный кран. Бонд прикинул водоизмещение «Летучей», высоту надводного борта и спросил между прочим:

— А в трюме тоже каюты?

— Нет, грузовой отдел. Там же и баки с топливом. Яхта — дорогое удовольствие, топлива приходится возить с собой несколько тонн. На таких судах важен правильный балласт: если нос задирается, топливо перемещается к корме. Поэтому для равновесия у нас баки длинные, бортовые, — Ларго говорил уверенно, быстро. Они как раз проходили мимо радиорубки, и Бонд снова спросил:

— Значит, с берега на яхту можно позвонить? А еще какое у вас оборудование — наверное, обычные приемники? Можно посмотреть? Я очень интересуюсь радио.

— Знаете, как-нибудь в другой раз, — вежливо отказал Ларго. — Радист ждет метеосводку. Нам сейчас нужно точно знать погоду.

— Конечно, конечно...

Они поднялись на мостик, и Ларго коротко рассказал, как яхта управляется. Потом снова спустились на узкую палубу.

— Вот такая моя «Летучая»... И она, уверяю вас, и в самом деле, летает. Как-нибудь прокачу вас. Но это попозже, а пока мы очень заняты, — он заговорщицки подмигнул.

— Ну как же, из-за сокровищ! Твердо надеетесь найти?

— Твердо не твердо... Я бы вам подробнее рассказал, но, к несчастью, я, как говорится, нем. Вы понимаете...

— Разумеется: пайщики просили молчать... Я, кстати, и сам бы не прочь вступить в долю. Не возьмут, конечно?

— Увы. Паи, как они выражаются, полностью расписаны. Жаль, но взять вас никак нельзя. — Ларго протянул руку. — Я вижу, мистер Ларкин уже поглядывает на часы, вы опаздываете. Приятно было познакомиться, мистер Бонд. И с вами также, мистер Ларкин.

Распрощавшись, они спустились по лестнице к лодке и отчалили. Ларго махнул последний раз и исчез в люке, ведущем на мостик.

Они уселись подальше от рулевого.

— Счетчик не реагирует, — покачал головой Лейтер. — Есть немного радиации около моторного отделения и радиорубки, но это обычное дело. Да и вообще, ничего странного я не заметил, а ты?

— Я тоже. Членов экипажа, правда, почти не видать, но те, кого мы видели, либо тоже люди самые обыкновенные, либо великолепные актеры. Но две мелочи я все же заметил. Во-первых, нигде нет спуска в трюм. Может, конечно, туда ведет люк, спрятанный где-нибудь под ковром, но как тогда яхта загружается — ведь Ларго говорил, там грузовой отсек? Надо бы уточнить, сколько же на борту топлива... А во-вторых, мы не встретились ни с одним пайщиком. Приехали мы на яхту часа в три — неужели все девятнадцать как один спали после обеда? И даже еще одна, третья странность: ты заметил, Ларго не курит, и вообще на яхте нигде табаком не пахнет. Сорок мужчин — и ни одного курящего?! Между прочим, в крепких преступных организациях дисциплинка поставлена: не пьют и не курят. Но улики у нас пока нет: мало ли что, ну не курит никто на яхте... А систему наведения и эхолот заметил? Жутко дорогие штучки! На большой яхте они, конечно, нужны, ничего тут удивительного, но почему Ларго про них ни звука? Такими игрушками не грех и похвастать. Впрочем, это я уже придираюсь. На «Летучей» решительно нет ничего подозрительного... И все-таки, что у них в трюме? Как-то уж слишком бойко Ларго болтал о топливе и балласте, тебе не показалось?

— Пожалуй. Трюм-то у него с пол-яхты, какое топливо... Просто пускать не хотел. Но это можно объяснить: скажем, там устройства для подъема сокровищ, и он не хочет их показывать. А кстати, помнишь историю с торговым судном в Гибралтаре во время войны? Оно еще оказалось базой итальянских водолазов-разведчиков? В корпусе под ватерлинией был потайной люк...

— Помню эту историю. — Бонд пристально посмотрел на Лейтера. — Судно «Ольтерра». Самая крупная неудача нашего Управления во время войны. — Он помолчал. — «Летучая» стоит на глубине сорок футов. «Что если бомбы они закопали в песок под яхтой? Счетчик бы среагировал?

— Вряд ли. У меня есть и подводный, как стемнеет, можно сплавать, померить. Но знаешь, Джеймс, — Лейтер нахмурился, — это уж какая-то сумасшедшая идея: закопали в песок... Это уж — вор под кроватью мерещится. Против Ларго никаких улик, разве что одет по-пиратски и женщинам наверняка проходу не дает. Ты запросил Архивный отдел?

— Запросил... Послал срочную телеграмму из Правительственного дома. К вечеру получим ответ. И ничего не сумасшедшая идея... «Летучая» — быстроходное судно, на ней сорок никому не известных людей, и у них к тому же есть самолет. Больше во всей округе — ни одной мало-мальски подозрительной группы, ни одного человека. Правда, и на самой яхте в общем-то нет ничего подозрительного, обычная поисковая экспедиция. Но представь на минуту, что Ларго врет — тонко, складно, но у угонщиков и должно быть все до тонкостей продумано. Смотри, что выходит: все так называемые пайщики прибыли до второго июня — раз; в ночь на третье яхта вышла в море и вернулась только к утру — два. «Защитник» садится на мелководье, они встречают его, снимают бомбы и прячут их в надежном месте — хоть и в песок зарывают, под яхтой. Как тебе такая версия?

— Пока она ни на чем не основана, Джеймс, — угрюмо пожал плечами Лейтер. — Давай, конечно, потянем за ниточку... Но лично я скорее застрелюсь, чем доложу эти фантазии начальству. — Он усмехнулся. — Если уж валять дурака, то втихую. Ладно, что делаем дальше?

— Ты берешь рацию и налаживаешь связь, а я пока выясняю, сколько топлива у яхты на борту. Лотом звоню этой Домино, она приглашает, и мы едем смотреть Пальмиру. Потом в казино — поглядеть на пайщиков. А уж потом, — Бонд глянул на Лейтера, — я плыву с подводным счетчиком к «Летучей».

— Начинаются боевые выходы! Впрочем, Джеймс, я согласен, проверим твою версию. Только умоляю, не наступи на морского ежа, не повреди ногу! Завтра идем в танцевальный зал — надо выучиться танцевать «ча-ча-ча», а то, чувствую, о Багамах и вспомнить будет нечего...

Ожидавший в гостинице губернаторский курьер, увидев Бонда, ловко взял под козырек и протянул конверт. Бонд расписался в получении. В конверте была телеграмма Министерства колоний на имя губернатора с припиской «Для Бонда». Телеграмма гласила:

«ПО ЛИЦАМ УКАЗАННЫМ В ВАШЕМ ЗАПРОСЕ 1107 У АРХИВА НЕТ НИЧЕГО ПОВТОРЯЕМ НИЧЕГО ТОЧКА ПО ОПЕРАЦИИ ГРОМ ВСЕ АГЕНТЫ ДОКЛАДЫВАЮТ ОТРИЦАТЕЛЬНО ТОЧКА ЖДЕМ ВАШЕГО ДОКЛАДА».

Подписано: «ПРИЗМА», а это значит, что диктовал сам М.

Бонд показал телеграмму Лейтеру.

Тот прочитал и сказал:

— Видишь теперь, что я прав? Разваливается твоя версия. А нету нам на Багамах работы — будем отдыхать. Ну, я пошел, встретимся в баре «Ананас», выпьем по martini — хоть там наверняка плавают маслиница величиной с кулак. А в Вашингтон я отправлю открытку с видом на море, да попрошу выслать доску для серфинга...

XIII. МАРТИНИ

Целиком выполнить бондовский план не удалось. Домино Витали сказала по телефону, что сегодня в Пальмиру приехать нельзя, Ларго привозит гостей. А вот в казино они встретятся: вечером «Летучая» придет из Пальмиры в гавань, станет на якорь. Только как Бонда узнать? У нее отвратительная память на лица! Пусть вденет в петлицу цветок.

Бонд засмеялся. Ничего, он ее сам узнает. По прекрасным голубым глазам, их он хорошо запомнил. Лет через пятьдесят к таким глазам очень подойдет голубая старушечья краска для волос. На том конце прыснули, и Бонд положил трубку. Вдруг сильно захотелось увидеть Домино.

А то, что яхта меняет стоянку, это здорово. В гавани легче будет ее осмотреть: и плыть не так далеко, и нырнуть можно незаметно, с полицейского причала. Кроме того, теперь можно исследовать дно под прежней стоянкой. Хотя будь бомбы зарыты там, разве отвел бы Ларго яхту? Конечно, оставил бы, сторожил бомбы...

В номере Бонд написал донесение для М. Общий смысл: догадка не подтверждается, на Багамах ничего подозрительного. М., конечно, расстроится. Не намекнуть ли, что кое-какие подозрения все же есть? Нет, рано. Вот когда будут настоящие доказательства... Разведчик не должен угождать начальству, выдавать желаемое за действительное. Бонд ясно представил, как обрадуются такому намеку в штабе операции «Гром». М. сообщит в штаб осторожно: «Не исключено, что мы ухватились за ниточку. Пока ничего определенного сказать не могу, но этот агент редко ошибается. Конечно, запросим, пусть доложит подробнее». И пойдут разговоры: «У М. есть надежда, его агент вышел на угонщиков. Надо сообщить премьер-министру». Бонд содрогнулся. Вот когда посыпались бы на него сверхсрочные телеграммы: «Доложите точнее», «Премьер-министр ждет подробнейшего доклада», и так без конца... Лейтер будет получать такие же из ЦРУ, Нассау превратится в сумасшедший дом. А на бондовские жалкие «представляется вероятным» и «по свидетельству местных жителей» ответят оскорбительно: «Удивлены отсутствием доказательств. Полагайтесь исключительно на факты». А

потом и совсем добьют: «Ввиду необоснованного сигнала и его последствий в дальнейшем все, повторяем, все донесения должны быть совместными, с подписью представителя ЦРУ».

Бонд вытер пот со лба. Раскрыл чемоданчик с шифровальной установкой, зашифровал донесение и отправился в полицию. За рацией уже сидел Лейтер, мокрый и злой. Через десять минут он снял наушники.

— Сначала сплошные помехи, и я еле-еле нахожу запасную волну. — Лейтер вытерся насквозь промокшим платком. — И на ней отвечает мне какой-то болтун — вот, целый роман наговорил, разбирай теперь! — Он сердито потряс листами в закорючках шифра и склонился над своей установкой.

Бонд быстро передал короткое сообщение. Ему увиделось, как на девятом этаже, в шумном отделе связи Управления ленту с расшифровкой принимают из машины, отдают начальнику, он надписывает: «Лично М. Копии в Отдел 00 и в Архивный отдел», и посыльный спешит по коридору, а из папки у него торчат желтые шуршащие полоски... В конце сообщения он спросил, нет ли дополнительных приказаний, и подписался. Лейтер остался расшифровывать, а Бонд потел к комиссару.

Харлинг сидел без пиджака и диктовал что-то сержанту. Сержанта он скоро отпустил, придвинул к Бонду пачку сигарет и тоже прикурил.

— С чем поздравить? — добродушно-насмешливо улыбнулся он.

Бонд рассказал, что на запрос о Ларго и пайщиках ответ получил отрицательный, что они с Лейтером съездили на яхту, прошлись там со счетчиком и ничего не намерили. Но у него, Бонда, все же остались подозрения насчет яхты. Хотелось бы узнать, сколько у нее на борту топлива и как именно располагаются топливные баки. Комиссар добродушно кивнул и, сняв трубку, велел соединить его с сержантом Молони из берегового отделения полиции. Повторил вопрос Бонда, выслушал ответ, поблагодарил и повесил трубку.

— Максимальная вместимость — пятьсот галлонов дизельного топлива. Второго июня она столько и взяла. Еще на борту сорок галлонов смазочного масла и сто питьевой воды. Хранятся все баки в средней части яхты, перед моторным отделением. Вы это хотели знать?

А Ларго говорил, несколько тонн топлива, и хранится в трюме! Соврал все-таки. Не исключено, что прячет какие-нибудь поисковые и подъемные устройства, но ведь что-то да прячет. То есть, может мистер Ларго и искатель сокровищ, но человек при этом скрытный, увертливый, искренним только притворяется. И Бонд окончательно решил: корпус яхты надо осмотреть. Ведь Лейтер недаром вспомнил про «Ольтерру»?

Бонд осторожно рассказал комиссару о предстоящей подводной разведке. Не найдется ли хорошего акваланга и полицейского в помощь?

Помявшись, Харлинг спросил, разумно ли вообще проводить такую разведку, ведь яхта — частная, пайщики — люди вполне добропорядочные, находятся под защитой закона. Устроят скандал — хлопот не оберешься. А если еще выяснится, что полиция замешана...

— Что делать, комиссар, — твердо сказал Бонд. — Я вас понимаю, но придется рискнуть. У меня важное задание, а вы действуете по приказу министра внутренних дел. Если хотите, я сейчас же свяжусь с ним или с премьер-министром.

Харлинг покачал головой и улыбнулся:

— Зачем же из пушек по воробьям, капитан Бонд... Конечно, сделаем, как вы считаете нужным; мое дело предупредить. Я дам вам констебля Сантоса — надежный парень и отличный пловец. Он и акваланг для вас принесет. А теперь давайте-ка поподробнее...

В гостинице Бонд принял душ, выпил двойной бурбон и упал на постель. Он

вконец изнемог — долгий перелет, жара... А вдруг он действительно ошибается с этой яхтой и, значит, какого дурака валяет и перед комиссаром, и перед Лейтером, и перед самим собой; да еще предстоит опасное и, может, совсем ненужное плавание, так не хочется... Он должен побыть один, отдохнуть. Он уснул мгновенно, и снилась ему Домино — за ней гонится акула с ослепительно белыми зубами, акула превращается в Ларго, и Ларго поворачивается и идет на него, тянется ручищами. Все ближе, ближе, вот уже хватает за плечо... И тут раздается гонг, раунд окончен, но в гонг бьют и бьют...

Бонд нашарил трубку. Лейтер. Пора выпить martini с маслиной, времени — девять вечера. Какого черта Бонд возится, молнию ему, что ли, на спине застегнуть?

Стены в «Ананасе» были выложены бамбуком и покрыты противотермитным лаком. На столах и вдоль стен стояли кованые подсвечники-ананасы, горели толстые красные свечи; светились встроенные в стены аквариумы и под потолком люстры в виде розовых морских звезд. Сиденья белые, на бармене и двух официантах алые сатиновые рубашки и черные штаны.

Бонд подсел к Лейтеру за угловой столик. Лейтер заказал два martini и заранее поморщился:

— Сейчас увидишь...

Martini принесли, Лейтер взял бокал и велел официанту позвать бармена. Надутому бармену он сказал так:

— Дружище! Я заказывал martini, а отнюдь не маслину в соусе. — Коктейльной вилочкой он выудил маслину из бокала; с маслиной бокал был полон на три четверти, а теперь осталась половина. — Этот фокус со мной проделывали, когда вы, уважаемый, еще пили исключительно молоко. А когда перешли на кока-колу, я уж весь секрет разгадал. В бутылке джина ровно шестнадцать порций — настоящих, двойных, других я и не пью. Каждая порция на треть разбавляется водой, и их уже двадцать одна

— двадцать две. Берется бокал с толстым дном и банка вот этих здоровых маслин, и порций выходит уже двадцать восемь. За два бокала вы просите доллар шестьдесят — столько стоит целая бутылка джина. На банку маслин и каплю вермута идет, скажем, доллар, так что чистой прибыли — двадцать долларов с бутылки. Не многовато ли, дружище? И когда бы не лень мне было снести этот бокальчик к директору гостиницы или в туристическое бюро... Короче, сделайте нам два хороших martini без маслин, да отдельно на блюдечке тонко порежьте лимончик...

Так Лейтер вещал, а бармен успел и возмутиться, и проникнуться уважением, и испугаться, а под конец совсем сник. Пытаясь сохранить достоинство, он выдал: «Слушаюсь, сэр», щелкнул пальцами официанту и понуро удалился.

— Феликс, а ты не ошибся? — спросил Бонд. — Я знаю, конечно, что обманывают, но неужели приварок — двадцать долларов с бутылки?

— Юноша, когда я ушел из ЦРУ в частные сыщики, у меня просто открылись глаза. В гостиницах и ресторанах не то, что обманывают, а обдирают без всякой совести. Возьми хоть сегодняшний обед — семь долларов и пятнадцать процентов наценки, а в рот не возьмешь. И официант тебе еще в глаза заглядывает, дай ему пятьдесят центов за то, что это рвотное тебе в номер на лифте поднял! Чертовщина какая-то! — Он взъерошил белокурые вихры. — Давай о чем-нибудь другом поговорим, а то лопну со злости.

Принесли martini. Крепкий, неразбавленный. Лейтер успокоился и заказал по второму бокалу.

— Давай позлится по другому поводу, — он усмехнулся. — Например, по такому: вот скажи, что мы с тобой вынюхиваем в этой песчаной дыре? Какие тут к черту угонщики?! Глупость одна, жалованье только зазря идет... Честно тебе скажу, Джеймс, на яхте я себя с этим счетчиком чувствовал идиотом. А ты? Мирное время, а

мы все в военные игры играем.

Бонд с сомнением покачал головой:

— Для вас, американцев, может, и мирное, а Англия по-прежнему воюет, то тут стычка, то там — Берлин, Кипр, Кения, Суэц, а со смершевцами сколько хлопот... Теперь вот «Защитник» пропал... С яхтой, сдается мне, дело все же нечисто. Я проверил, сколько топлива на борту, а Ларго-то нам соврал. — Бонд рассказал подробно. — Ночью нырну, посмотрю. Замечу что-нибудь — возьмем полицейский гидросамолет и полетаем над морем, поищем. Такую машину, как «Защитник», даже под водой трудно спрятать. Ты самолетом управлять умеешь?

— А что там уметь, — пожал плечами Лейтер. — Да полечу я с тобой, полечу! Дай-то бог что-нибудь найти, а то от сегодняшнего сообщения я прямо чуть с ума не сошел...

Так вот отчего он весь вечер злится...

— Что за сообщение? — спросил Бонд.

Лейтер отпил немного и мрачно уставился прямо перед собой.

— Пентагоновское. Генералы делают красивый жест... «Всем, занятым в операции, сообщается: сухопутные войска, Военно-морской флот и Военно-воздушные силы готовы оказать ЦРУ любую поддержку. „Как тебе нравится? — Он сердито глянул на Бонд“. — Это значит, всю армию приведут в боевую готовность. Деньжищ ухлопают! Да мне одному, в личное подчинение, знаешь что дается? — Он хрипло хохотнул. — Пол-эскадрильи истребителей-бомбардировщиков „Суперсильные“ из Пенсаколы, а в придачу — „Мантa“! Представляешь?! „Мантa“ — новейшая атомная подводная лодка! Каково? — Бонд улыбнулся его горячности, и Лейтер чуть сбавил тон. — фантастически дорогая техника — в подчинение мичману Лейтеру, штаб командования в номере 201 гостиницы „Королевская Багамия“. Бред! Но Бонд лишь пожал плечами: — Просто президент относится к делу серьезнее, чем его агент в Нассау. Наши военные наверняка тоже подготовились. Лишние штыки, Феликс, нам не помешают: чуе́т мое сердце, первую бомбу спектровцы подложат в багамское казино... Кстати, что думают в ЦРУ по поводу цели для бомбы? У нас в округе есть только ракетная база, на острове Большая Багама, что примерно в ста пятидесяти милях отсюда.

— А у нас — мыс Канаверал и база ВВС в Пенсаколе, а для второй бомбы — Майами. Вот только как угонщики доставят бомбы до цели и как взорвут?

— Если забрали с самолета запалы, взорвут запросто, нужен только знающий физик. Да и доставят на чем угодно — хоть на шлюпке. А хоть и на яхте. Вот «Летучая», например, в полночь может оставить бомбу у Большой Багамы, а к утру уже снова стоять на якоре у Пальмиры. Все против «Летучей», тебе не кажется? — улыбнулся он.

— Чепуха, — отрезал Лейтер. — Придумай что-нибудь поинтересней. А лучше пойдем поужинаем яичницей, долларов за сто. Черт с ними, с деньгами — «Мантa», небось, в секунду на столько топлива жжет. А потом зайдем в казино, поглядим, с какими пиратами мистер Ларго режется в карты.

XIV. МОРЯК ИЗ МЕЧТЫ

На территории Британского содружества существовало непонятным образом, вопреки закону, одно-единственное легальное казино — в Нассау. Казино сдавалось в аренду канадскому игорному синдикату и в удачный сезон давало 100 тысяч фунтов дохода. Играли тут в рулетку, в банк и «железку». Устроено казино было в богатом

доме на Бухтовой улице на манер клуба: кроме игорного зала — просторный танцевальный, ресторан с оркестром, уютный бар.

Предъявив доставленные губернаторским курьером членские билеты, Бонд с Лейтером сначала вместе посидели в баре, выпили кофе, коктейль, а потом в игорном зале разошлись к разным столам.

Ларго сидел за «железочным». Перед ним высилась груда стодолларовых жетонов, лежало штук пять тысячедолларовых. Домино Витали, покуривая, наблюдала со стороны, — в квадратном вырезе ее платья поблескивал на тонкой цепочке крупный бриллиант. Ларго играл широко, часто шел ва-банк, и каждый раз выигрывал, но головы не терял, не рисковал без нужды. Партнеры улыбались ему, аплодировали удачной игре — он явно был всеобщим любимцем. Домино же смотрела угрюмо, скучала. Дама, сидевшая справа от Ларго, поставив ва-банк, и крупно проигравшись, встала из-за стола. Бонд быстро подошел и занял освободившееся место. Каждый кон Ларго увеличивал ставку, в банке у него было уже восемьсот долларов. Счастье переменчиво, напомнил сам себе Бонд и произнес вслух:

— Иду ва-банк.

— А-а, мой старый знакомый! — Ларго протянул руку. — Теперь игра пойдет сильная. Может, вам сразу передать банк? Впрочем, вам я даже проиграю с удовольствием. — И любезно улыбнулся.

Потом легонько надавил рычажок устройства и, ухватив карту за высунувшийся в щель розовый язычок, бросил ее Бонду. Следующую взял себе, выдал еще по одной. Бонд посмотрел первую и выложил, открыв, на стол — бубновая девятка:

— Неплохо для начала. Беру вторую.

Открыл и бросил рядом с девяткой — десятка пик! Если только у Ларго тоже не девять или девятнадцать очков, Бонд выиграл!

Тот засмеялся, но несколько натужно, и открыл карты: червонная восьмерка и король пик. Тоже комбинация, но у Бонда лучше. Ларго проиграл на одно очко, так обидней всего проигрывать.

— Кому-то надо быть и вторым, — громко сказал он. — Так и знал, что вам повезет.

Крупнее пододвинул Бонду кучку жетонов. Бонд кивнул на груду подле соперника и заметил:

— Вас тоже счастье не обходит. Предлагал же я взять меня в долю.

Тот рассмеялся:

— А давайте еще раз сыграем. Ставьте, что выиграли, а мы с мистером Сноу пойдем ва-банк.

Мистер Сноу (как было известно Бонду, один из пайщиков) хмуро кивнул. Бонд поставил восемьсот, а они против него по четыреста. И он опять выиграл, и опять на одно очко.

Ларго смотрел зло, но улыбался:

— Все ясно, сдаюсь. Мистер Сноу, играйте-ка дальше сами. Я мистеру Бонду, видно, не соперник.

Сноу пододвинул Бонду выигранные тысячу шестьсот долларов. «А забавно было бы сейчас передать банк, — подумал Бонд, — и пусть новый банкомет проигрывает. » Он снял ставку и сказал:

— Пас.

За столом взволнованно зашумели.

— Что вы делаете! — театрально возопил Ларго. — Хотите, чтоб я перекупил банк и проигрался? А я, и правда, куплю. Поглядим еще, чья возьмет... — Он кинул на середину стола жетонов на тысячу шестьсот.

— Иду ва-банк, — произнес Бонд. Против собственного, только что проданного:

мол, два раза выиграл и в третий играю, никуда, милый Ларго, не денешься!

Тот по-прежнему улыбался, но смотрел с новым, внимательным прищуром.

— Да вы точно подрядились меня обыграть. Что это, кровная месть?

Интересно, а среагирует ли на слово?..

— Что вы, какая месть. Просто мне померещилось особое свечение, спектр. — Бонд произнес это слово легко, без нажима.

Ларго вздрогнул, нахмурился. Улыбка тотчас возвратилась на его лицо, однако он весь подобрался, напрягся, прищурился зорче. Облизнул губы:

— Что-что померещилось?

— Я называю это спектром невезения, он висел, точно облако, у вас над головой. Вот я и решил, что удача от вас отворачивается. — Бонд говорил легко, будто шутя. — Проверим мою примету?

За столом смолкли. Игроки чувствовали: зреет схватка. Шутка оборачивается оскорблением, англичанин задирает соперника. Не замешана ли тут женщина? Все затаили дыхание.

Ларго расхохотался. Он упорно изображал весельчака.

— Все ясно! — возвестил он. — Уважаемый мистер Бонд хочет сглазить мне карты. А мы на это вот так отвечаем! — Он выставил указательный палец и мизинец вилкой и ткнул в сторону Бонда. За столом тоже захохотали, но Бонд видел, что вилка — известный жест мафиози — нацелена по-настоящему, зло, грозно.

— Ну вот, теперь вы меня сглазили, — добродушно рассмеялся он. — Только целить надо было не в лицо, а в карты... Что ж, посмотрим, каков ваш спектр против моего.

На лице Ларго снова мелькнула тень: второй раз это слово — случайность ли? Он надавил на рычажок:

— Два раунда мы отбросировали. Третий, главный!

И быстро выкинул четыре карты. За столом боялись шевельнуться. Бонд взял свои, заглянул. Десятка трэф и червонная пятерка — то есть пять очков. При пяти трудно решиться, брать или нет. Он положил карты не раскрывая. И сказал уверенно, будто у него на руках шесть или семь очков:

— Хватит.

Ларго задумчиво прищурился. С отвращением бросил раскрытые карты на середину стола: у него тоже пять очков. Брать, не брать? Посмотрел на уверенного, невозмутимого Бонда — и взял. Девятка пик. Не возьми он, у них вышло бы поровну, а теперь у Ларго четыре очка против пяти.

Бонд неспешно открылся.

— Говорил же вам, цельте в карты...

Между игроками поднялся шепот:

— Если бы итальянец не взял...

— Я всегда беру при пяти!

— А я никогда!

— Не повезло...

— Играть не умеет!

У Ларго опустились уголки рта, сжались кулаки. Но он овладел собой, улыбнулся, глубоко вздохнул и протянул Бонду руку. Бонд не уклонился от рукопожатия, но большой палец завернул вглубь ладони — вдруг не в шутку придавит лапищей... Но Ларго пожал обыкновенно и сказал:

— Из-за вас мне придется целый вечер отыгрываться. А я-то собрался пригласить племянницу в ресторан. — Он повернулся к Домино. — Дорогая, это мистер Бонд, ты говорила с ним по телефону. Я буду играть весь вечер, так что ищи себе спутника.

— Очень приятно познакомиться, — сказал Бонд. — Кажется, мы виделись

сегодня в табачной лавке?

Девушка нахмурилась и ответила равнодушно:

— Возможно. У меня плохая память на лица.

— А что, если вашим спутником буду я? Благодаря щедрости мистера Ларго я теперь богач, даже по здешней мерке. В карты я сегодня больше не играю, довольно искушать судьбу.

Она поднялась и бросила небрежно:

— Ладно, пойдемте. Играй, Эмилио, тебе снова повезет. А я пока буду есть икру, запивать шампанским, и деньги, что ты проиграл, мистер Бонд все равно потратит на меня.

— Видите, мистер Бонд, — рассмеялся повеселевший Ларго, — вы попали из огня да в полымя. Уж Домино вам не спустит. Ну что же, прощайте, мне по вашей милости нужно крепко поработать.

— Благодарю за игру. Мы будем в ресторане. Выпьем шампанского за мой спектр удачи.

И снова по лицу Ларго пробежала тень. Гадая, можно ли объяснить такую реакцию сугубо итальянской боязнью сглаза, Бонд вслед за девушкой вышел из игорного зала.

В ресторане домино направилась к самому дальнему, тонущему в полумраке столику, и тут Бонд заметил, что она чуть-чуть прихрамывает, вся фигурка ее на миг увидалась трогательной, беззащитной... Это совсем не вязалось с уверенным, ярким обликом «куртизанки высшего класса», как, вероятно, назвали бы Домино французы.

Бонд заказал розового шампанского «Клико» и на пятьдесят долларов белужьей икры (а меньше нет смысла и спрашивать, объяснил он, не заметишь, как съешь).

— Что у вас с ногой? — спросил он. — Ушиблись на пляже?

Она посмотрела серьезно:

— Нет, просто одна чуть короче другой. Вас это огорчает?

— Наоборот, очаровывает. В вас сразу появилось что-то беззащитное, детское.

— Во мне, уже далеко не юной содержанке... Вы это хотели сказать? — Она смотрела с вызовом.

— А вы так о себе думаете?

— Так думают обо мне в Нассау. — Она не отводила глаз, но в них вдруг мелькнула мольба.

— Не слышал... И как бы то ни было, свое мнение я составляю сам. Хотите расскажу, что о вас думаю?

— Какая же женщина откажется? — улыбнулась она. — Только не завирайтесь, а то не буду слушать.

— Вы еще совсем молоды, хоть и притворяетесь опытной, все испытавшей. Росли в достатке, имели, так сказать, кусок хлеба с толстым слоем масла и вдруг остались почти нищей. Решили заработать на хлеб с маслом сами и обнаружили, что просто так не заработаешь, придется драться. Вы женщина и оружие избрали женское — свое тело; это оружие надежное, только пользоваться им надо хладнокровно, оставив в стороне чувства. Вы так и сделали. Но чувства ваши не умерли совсем, вы просто заставили их замолчать. Теперь у вас есть все, вы сорите деньгами, но пожалуй, немного скучаете. — Он рассмеялся. — Добавлю еще несколько штрихов, а то портрет невыразительный. Вы обольстительны, своевольны и жестоки.

— Особой пронизательности вам не понадобилось. Кое-что я сама рассказала, кое— что вы знаете об итальянках как типе. Вот только с чего вы взяли, что я жестока?

— Когда проигрываешься, как Ларго, а твоя спутница все видит, но не утешит,, не подбодрит — она поступает жестоко. Досадно проигрывать на глазах у женщины...

— А мне надоело, что он все время выигрывает, что ему везет! — перебила она. — Мне хотелось, чтоб сегодня выиграли вы, и притворяться я не собиралась. Кстати, вы не упомянули мое единственное достоинство

— честность. Люблю — так люблю, ненавижу — так ненавижу. С Эмилио у нас сейчас что-то среднее... Он знает, что я к нему равнодушна, но он и не ищет любви, а только власти. Отрабатывать же, как вы выражаетесь, хлеб с маслом мне все трудней и трудней... — Она осеклась. — Налейте-ка еще шампанского, выпьем, а то глупый у нас разговор. И купите мне сигареты «Моряк», я соскучилась по своему любимцу.

— По кому вы соскучились? — покупая пачку, переспросил Бонд.

— О, вы же ничего не знаете! — Она вдруг повеселела, горькие складки у рта разгладились, голос зазвенел. — По верному моему любовнику, моряку из мечты! Вот он — нарисован на пачке. Это лучшая картина на свете. Вы, конечно, в нее никогда не всматривались и не замечали, как прекрасен моряк. Он — моя первая любовь. Мы бродили с ним по парку и запирались в спальне, я тратила на него все карманные деньги. А в награду он открыл мне целый мир, что лежал, чужой, непонятный, за воротами Челтенхэмского женского колледжа, воспитал меня, научил не стесняться мальчишек, не поддаваться тоске и страху; он был моим лучшим другом, советчиком. Картинка на первый взгляд непритязательна, но в ней — целая жизнь. Я расскажу вам историю моряка с броненосца «Герой», видите, так написано на бескозырке. — Она сжала Бонду руку. — Сначала он плавал юнгой на парусном суденышке, вот оно нарисовано в углу. Приходилось туго — лазил на самую верхушку мачты, лупили его канатом... Он был белокур, красив и в кубрике не раз отбивался, защищал свою честь, или как это называется у мужчин. Но все выдержал, моря не бросил, он ведь очень упорный — видите складку между бровей, гордый поворот головы? Он возмужал, отрастил усы, стал настоящим моряком. — Она замолчала и залпом выпила целый бокал; глубокие ямочки на щеках не исчезали. — Дальше рассказывать? Вы не скучаете?

— Я ревную... Рассказывайте.

— Он объездил весь свет — был в Индии, Китае, Японии, Америке. У него было много женщин, он часто дрался — и на кулаках, и на ножах. Гуляка... Но матери и сестренке писал отовсюду. Они так хотели, чтоб он вернулся, даже девушку ему присмотрели, женился бы, жил по соседству. Но он не спешил домой. Он мечтал совсем о другой девушке, примерно такой, как я. — Она улыбнулась. — А потом изобрели пароходы, и он поступил на броненосец — вот этот корабль, справа. Дослужился до боцмана, остепенился, бросил гулять, стал откладывать деньги. Чтобы выглядеть старше, отрастил бороду, смотрите, какая замечательная. А однажды купил иглу, цветные нитки и взялся вышивать свой портрет с тем первым парусником и нынешним броненосцем. Закончил портрет — и ушел из флота. Не лежала у него душа к пароходам... Одним прекрасным вечером он вернулся домой. Много он повидал моряком, но такого красивого, тихого заката не видел ни разу и решил непременно вышить вторую картину. На сбережения купил закусочную в Бристоле и каждое утро, до открытия, вышивал. Вот корабль, на котором он — с рундуком, полным шелковых отрезков, морских раковин и деревянных статуэток — плыл домой от Суэца, а вот маяк, мигавший ему из родной гавани в тот чудесный вечер. Здорово вышло, верно? Я вырезала эту картинку из первой в жизни лачки сигарет. Помню, курила тогда в школьном туалете, меня вытошнило... Потом эта картинка порвалась, и я вырезала из следующей пачки.

— А как же картины моряка попали на пачку? — Бонд решил, что надо подыграть.

— Однажды в закусочную к моряку зашел человек в цилиндре, с двумя маленькими мальчиками — Джон Плейер и сыновья. Видите, написано, что их

потомки и сейчас владеют табачной фабрикой... А тогда «роллс-ройс» Плейера, один из первых автомобилей в Англии, сломался как раз у закусочной. Человек в цилиндре, конечно, не пил — бристолевские деловые люди не пьют — и спросил лишь пива и бутербродов о сыром. Плейер и мальчишки ели и любовались двумя картинами на стене. Сигареты тогда только-только придумали, и этот самый Джон Плейер, табачник, решил их делать. Но не знал, как назвать и что нарисовать на пачке. Вот ему в голову и пришла идея. Он предложил моряку сто фунтов за обе картины, и тот согласился: он как раз собирался жениться, и ему нужно было ровно сто фунтов. Табачник сначала хотел, чтоб на одной стороне пачки был моряк с парусником и броненосцем, а на другой — вечер. Но тогда негде было бы поставить торговую марку и написать: «Крепкие, ароматные, табак матросской резки». И Плейер выдумал наложить одну картину на другую. По-моему, славно... Ладно, спасибо, что выслушали. — Домино словно очнулась, голос стал тверже, глуше. — Глупость, конечно. Но в детстве вечно насочиняешь историй... Или привяжешься, например, к какой-нибудь кукле. У мальчишек, кстати, тоже такое бывает. Мой брат носил металлический талисман, который ему еще няня подарила, до девятнадцати лет. Потерял — расстроился до слез. Талисман, мол, счастье приносит! А ведь был уже тогда летчиком, воевал. — Она пожала плечами и добавила иронически: — Впрочем, счастье ему и без талисмана улыбнулось — разбогател. А мне никогда не помогал. В жизни, говорит, каждый сам за себя; вот наш дед, к примеру, браконьер был и контрабандист, а надгробие — в Больцано на всем кладбище богаче не сыщешь. Хотя брат клянется, что из всех Петаччи самое роскошное надгробие будет у него. Он чем угодно денег заработает, даже контрабандой...

Сигарета заплескала в пальцах. Бонд едва унял дрожь. Глубоко затянулся и медленно выпустил дым:

— Так ваша настоящая фамилия Петаччи?

— Да. Витали — сценический псевдоним. Так звучнее. А настоящей фамилии никто не помнит, я и сама о ней почти забыла, как вернулась из Англии — стала Витали. Всю жизнь сменила, не только имя...

— А что же стало с вашим братом? Как, кстати, его зовут?

— Джузеппе. Человек он неважный, но летчик отличный, служит в Париже, получает кучу денег. Может, еще образумится, я за него каждую ночь молюсь. Больше у меня в целом свете никого нет, а он — брат, и, каков бы он ни был, я его люблю... Понимаете?

Бонд ткнул окурком в пепельницу, кликнул официанта и ответил:

— Понимаю.

XV. ПОДВОДНАЯ РАЗВЕДКА

Черные волны, чмокая, обегали ржавые опоры полицейского причала, ярко светила уже убывающая луна, под причалом лежала полосатая тень. Констебль Сантос, огромный мускулистый негр, взвалил Бонду на спину акваланговый цилиндр. Бонд, путаясь в ремнях — на шее уже висел подводный счетчик — застегнулся. Взял в рот резиновый мундштук, подвернул клапан так, чтобы воздуха поступало достаточно, потом вытащил мундштук и перекрыл воздух. Из ночного клуба «Старьевщик» неслись резкие металлические звуки, будто паук-великан отплясывал на ксилофоне — тамошние музыканты играли на кастрюлях и сковородках. — Акулы сюда заплывают? — спросил Бонд.

— Бывает, но чаще — барракуды. В гавани, сэр, эти твари ленивые, сытые — нажираются всяких отбросов. Покуда крови не учуют, не тронут. На дне тут грязь,

бутылки, хлам, но сама-то вода прозрачная, чистая, и луна вон как светит, да и на яхте огни — не заплутаете. Доплывете минут за пятнадцать. Пузырьков с борта не углядят — сегодня малость волнит. Хотя кому там глядеть, на палубе никого и в рулевой рубке...

— Ладно, я пошел, жди через полчаса. — Бонд поправил у пояса нож, закусил трубку. Открыв воздушный клапан, прошлепал ластами по влажному песку и вошел в море. Наклонился, макнул в воду маску — чтоб потом не потела — надел и, переступая по дну, принаравливаясь дышать ртом, медленно тронулся. Скоро вода достала до подбородка, и он нырнул, заработал ластами, прижал руки к бокам, спустился к самому дну, глянул, поднеся руку, на светящийся циферблат — двенадцать десять — и поплыл, мерно толкаясь ластами.

Сквозь зыблящуюся, как бы рифленую поверхность проникал бледный лунный свет, от валявшихся повсюду старых покрышек, консервных банок, бутылок падали неверные тени. Небольшой коричневый осьминог почуял поднятую Бондом волну, тут же посерел и юркнул в укрытие — канистру из-под бензина. Черная бондовская тень летела по дну, и студенистые полипы, по ночам вырастающие, точно цветы из песка, снова прятались. Укрывались, заслышав волнение, и прочие мелкие ночные твари: зарывались в ил, уползали в раковины. Бонд вторгся в чужой мир, где живут загадочные, неведомые существа... Он вглядывался внимательно, стараясь ничего не упустить. Так легче сохранить спокойствие под водой

— наблюдаешь за мирной живностью и уже не думаешь о чудовище, что вот-вот вынырнет из серого зловещего тумана.

Скоро тело привыкло плыть, само делало свое дело, и Бонд, чтобы не сбиться с дороги, лишь подставлял луне правое плечо. Думал он о Домино. Она сестра летчика, который, может быть, и угнал самолет! Просто совпадение, и Ларго об этом не знает? Она же говорила, что ее настоящая фамилия никому не известна, и, кажется, говорила искренне. Но все-таки к прочим полууликам прибавляется еще одна. И как Ларго хмурился при слове «спектр»... Только ли испугался сглаза? Трудно сказать. Явных доказательств нет, но не таков ли айсберг — над водой холмик, а под водой целая глыбища? Сообщать ли в Штаб? И что именно? Как выбрать правильный тон?

Древнее животное чутье в человеке в обыденной жизни дремлет, но в минуту опасности — просыпается. Бонд плыл спокойно, а чувства, помимо его воли, обострились и вдруг скомандовали: «Внимание, опасность!» Бонд напрягся, выхватил нож и обернулся направо — именно направо, так подсказывало чутье.

Барракуда, если она достаточно велика, — опаснейший морской хищник. Туловище у нее гладкое, серебристо-стальное, длинное, точно снаряд; пасть раскрывается чудовищно широко — на прямой угол, как у гремучей змеи; хвост огромен, могуч — в скорости, мощи и свирепости 8 барракудой сравнятся в море не многие. Такая рыбина и вынырнула сейчас из серого, скрывающего даль тумана и поплыла как раз по его границе в одну сторону с Бондом. Она явно охотилась — тигриный черный с золотом глаз пристально и бесстрастно смотрел на Бонда, пасть приоткрылась, в лунном свете посверкивали острейшие клыки — обычно барракуда вырывает из жертвы кусок, заглатывает, рвет следующий...

У Бонда что-то ухнуло в животе, по телу пробежала дрожь. Он осторожно глянул на часы — до яхты плыть еще минут пять. Резко развернулся и пугнул барракуду ножом. Та лениво махнула хвостом и отплыла подальше, но не отстала, а двинулась следом, неотвратимо, неспешно — должно быть, решала, что ухватить вначале — плечо, ногу?

Главное, на выдать страха — барракуда чувствует труса, как собака и лошадь, — вести себя спокойно, уверенно, не дергаться, не спешить. В подводном мире суется и мечется лишь слабый, незащищенный. И Бонд плыл, не останавливаясь, мерно молотил ластами, пусть барракуда видит

— он сильный, неуязвимый.

Дно изменилось, пошли заросли морской травы — она мягко и лениво шевелилась, точно густая шерсть под ветерком. У Бонда закружилась голова. Среди травы чернели мячики мертвой губки — она, пока не испортил грибок, составляла основную статью местного вывоза. Поляна качалась, и скользили по ней две тени: неуклюжая, похожая на летучую мышь, и четкая ликообразная.

Впереди показался целый отряд мальков: рыбки висели рядами, густо и неподвижно, точно привязанные друг к другу — так их и сносило течением. Когда пловцы приблизились, рыбки мгновенно, в двух местах, расступились. Плывая по своему широкому коридору, Бонд сквозь серебристое облако взглянул на барракуду. Та двигалась спокойно и равнодушно, хотя вокруг столько рыбы — так лисица, подстерегая курицу, не смотрит на кроликов. Бонд плыл, как заведенный, не быстрее и не тише: только в размеренности его спасение, только так можно внушить преследовательнице, что он и сам силен, грозен. Рыбки сомкнулись за ними и снова замерли в привычном строю.

Огромный якорь лежал среди волнующейся травы, похожий на какое-то чудище, цепь от него терялась вверх, в тумане. Наконец-то! Бонд даже о барракуде забыл и поплыл вверх. Сейчас он увидит яхту. Вот мелькнуло яркое пятно луны на поверхности.

Посмотрел вниз: барракуды нет — наверное, испугалась якоря и цепи. Вот в тумане наметилось вытянутое днище, яхта повисла над самой головой, как громадный дирижабль. Неуклюже торчали сложенные крылья. Бонд ухватился за правое, огляделся. Слева видны два мощных винта: как будто лишь на минутку стали и вот— вот дернутся, закружат вихрем. Бонд медленно двинулся к ним, поглядывая вверх, на крутой бок яхты. И там... Он затаил дыхание. Край подводного люка! Подплыл поближе, прикинул: большой, в диаметре футов двенадцать. Наглухо задраен. Включил счетчик, поднес к стальной обшивке, и стрелка дрогнула, отклонилась, но совсем немного — Лейтер предупреждал, что она среагирует на мотор, на стальной корпус. Бонд выключил счетчик. Нет так нет. Пора в обратный путь.

Он услышал щелчок у уха, и тут же волной ударило в левое плечо. Он машинально отпрянул от яхты и увидел стрелу, медленно опускающуюся на дно. Резко обернулся: человек в черном резиновом костюме вставлял в пневматическое ружье другую стрелу, резина блестела, точно броня. Бонд бросился к нему, яростно заработал лапами. Но человек уже зарядил и поднял ружье. Не успеть! Мгновенно затормозив, Бонд ушел вниз. Выстрела он не слышал, только задело ноги взрывной волной. Теперь вперед! Он поднырнул под стрелку, взмахнул ножом. Лезвие вошло глубоко, по самую рукоять. Стрелок ударил его прикладом по голове и перехватил трубку акваланга. Задышавшись, невыносимо медленно, как во сне. Бонд отбивался... Кажется, попал: трубку выпустили, по воде поползло что-то черное, тягучее, заволокло маску. Его еще раз ударили прикладом, и, морщась от боли, он отгреб немного в сторону, стал отчаянно тереть стекло. Черное клубилось из живота противника, но тот все же наводил ружье, с трудом, будто весило оно тонну, и в стволе блестела головка стрелы. Противник медленно опускался; Бонд мотнул головой, отгоняя обморок, но ноги не слушались, и сдвинуться с места он не смог. Он разглядел зубы стрелка, впившиеся в мундштук: и вот ружье наведено Бонду в голову, в горло, в сердце... Он прикрылся руками и бессильно, как перебитыми крыльями, пошевелил лапами.

Вдруг противника резко бросило вперед, он распахнул руки, точно для объятия, и выронил ружье, а из-за его плеча поползла новая кровавая туча... Он сумел еще обернуться: что там? Позади длинной серебристо-голубой торпедой зависла барракуда: из пасти торчал кусок резины, а рядом расплывалось тонкое облачко

крови — учуяла кровавой привкус в воде, оттого и напала.

Тигриными глазами она холодно глянула на Бонда, потом на стрелка. Широко раскрыла пасть, дернув мордой, освободилась от резины, неспешно развернулась, вздрогнула всем телом и ринулась вниз. С разгону вцепилась стрелку в правое плечо, яростно рванула и, с кровавым куском в пасти, чуть отплыла... У Бонда горячо подкатило к горлу, но он сглотнул и, едва перебирая лапами, поплыл прочь.

Слева что-то шлепнуло по поверхности, и сверкающее яйцо проскользило, вращаясь, книзу. Бонд не сразу сообразил в чем дело, и через секунду его крепко ударило снизу в живот, отбросило в сторону. От удара Бонд немного ожил и поплыл быстрее — вперед и вниз. Еще несколько раз задело взрывной волной от других гранат, но бросали их, видимо, у самой яхты, там, где всплывала кровь, и волна доходила слабая.

Показалось знакомое дно: уютно колебалась трава, чернели среди зарослей мячики губок. Мелкая рыбешка косяками удирала от взрывов, и Бонд тоже прибавил ходу. Сейчас с яхты спустят шлюпку, нырнут; может быть, и не поймут, что у яхты был чужой. Интересно, сообщит ли Ларго в полицию, что у него погиб матрос? И как объяснит, зачем мирную яхту сторожили?

Бонд плыл из последних сил, голова раскалывалась. Осторожно ощупал

— две здоровые шишки. На земле такие удары, конечно, свалили бы его, он и тут, под водой, едва не потерял сознание. Дышащая травяная поляна кончилась, он в полубреду двигался теперь над бледной загадочной равниной, пугливые жители поспешно зарывались в лесок... Потом сбоку снова ударило волной, и он очнулся. Мимо неслась барракуда, она точно сошла с ума — кувыркалась, изворачивалась и кусала, судорожно зевая, хвост. И, наконец, исчезла в сером тумане. Бонд даже пожалел эту морскую царицу, утерявшую покой и величие. Так жалеешь бывшего чемпиона-боксера: он вот-вот рухнет на ринг, но еще тычет слепо кулаком. Наверное, одна из гранат задела барракуде мозг, повредила важный нерв, и теперь она обречена. Ее,двигающуюся неровно, рывками, приметит более крупный хищник, акула; поплывет вслед и, когда судороги чуть утихнут, с разгону врежется в жертву. Та не успеет увернуться, и акула в три молниеносных приема заглотит ее: сначала голову, потом еще извивающееся туловище, хвост...

Занесенные илом покрывки, бутылки, банки и, наконец, — опоры причала. Бонд доплыл почти до самого берега и стал на колени; на сушу выбраться он не мог — спину тянул акваланг, голову не поднять. Он устал, смертельно устал...

XVI. В ПЕЩЕРЕ У КРАСНОГЛАЗЫХ

Бонд оделся, поблагодарил констебля и побрел к оставленной неподалеку лейтеровской машине. Из гостиничного холла позвонил в номер к Лейтеру, и они вместе поехали в полицию. По дороге Бонд все рассказал. Теперь уже точно нужно сообщить в Штаб, и будь что будет. В Лондоне сейчас восемь утра, до назначенного срока остается чуть больше тридцати часов. Прежде смутные подозрения теперь складываются в довольно четкую картину, молчать дальше нельзя.

— А мы и не будем молчать, — решительно произнес Лейтер.

— Я тоже сообщу в ЦРУ — пусть присылают «Манту», черт ее побери!

— Ты же говорил, мы тут в игры играем, а теперь тебе атомную подлодку подавай? Что это с тобой?

— А ты послушай. Брожу я, понимаешь, по казино да приглядываюсь к пайщикам, к этим искателям сокровищ. Стоят кружочком и притворяются, что им очень весело — ах, какой остров, какие пляжи! Притворяются скверно, одному только

Ларго и можно поверить, остальные выделяются, как шпики в толпе, — даром, что в смокингах да сигары покуривают, шампанское попивают. Пьют, кстати, мало, бокал — другой — как будто напоказ. И все такие спокойные, бесстрастные, думают о чем-то своем — словом, мы-то с тобой, старые сыщики, на таких нагляделись. Правда, никого не признаю. И вдруг смотрю, стоит такой соплячок, лобастый, в очочках, и эдак испуганно озирается, ну точно монах, что попал по ошибке в публичный дом, а подойдет к нему кто-нибудь из своих — краснеет и лепечет, как, мол, здесь красиво обставлено и какая чудная компания. Прямо одними и теми же словами и шпарит — к нему несколько раз подходили, я слышал. Слоняется по залам, не знает, куда приткнуться. И как будто я его видел где-то, а вспомнить никак не могу. Помучился я, помучился да и спустился в вестибюль, подошел к служителю: так и так, встретил бывшего одноклассника, сто лет с ним не виделись, и хоть убей, не помню, как его зовут. Неудобно, мол, помогите. Пошли со служителем в зал, я ему того соплячка показываю, возвращаемся, он роется в членских билетах и находит: Эмиль Траут, из Швейцарии, пайщик с «Летучей». Я как услышал про Швейцарию, сразу догадался. Помнишь Котце, физика из Восточной Германии? На Запад приехал лет пять назад, с целой кучей секретов? Ему хорошо заплатили, он поселился в Швейцарии. Поклясться готов, Джеймс, — это он самый и есть. Я этим Котце еще в ЦРУ занимался, громкое было дело. И вот вопрос: что знаменитый физик делает на «Летучей»?

Они остановились у здания полиции, доложились дежурному сержанту и пошли в радистскую.

— Что будем делать? — спросил Бонд.

— Как что, арестуем всех по подозрению!

— По подозрению в чем? Ларго вызовет адвоката, и всех тут же придется выпустить. У нас демократическая судебная система, ты не забыл? Ларго отведет все улики. Хорошо, скажет, Траут — по-настоящему Котце. Но, господа, мы же ищем сокровища, нам был нужен опытный минералог. Этот человек предложил услуги и назвался Траутом. И ничего удивительного, он же скрывается, боится русских. Еще вопросы?... Да, на яхте есть подводный люк, через него мы будем поднимать на борт сокровища. Осмотреть? Если настаиваете. Прошу — костюмы для подводного плавания, подъемное оборудование, небольшой батискаф... Подводный сторож? А как же — от любопытных отбою нет, мы подходим к делу серьезно. Кстати, что мистер Бонд делал ночью под моей яхтой, он же приехал купить участок?... Петаччи? Впервые слышу. Понятия не имел, что это настоящая фамилия мисс Витали... — Бонд безнадежно махнул рукой. — И что у нас остается? Они ищут сокровища, и все тут, легенда сводит все улики на нет. А Ларго встает в полный рост и говорит: «Благодарю вас, господа, я могу идти, не так ли? Через час я покину гавань, а с вами свяжется мой адвокат по поводу незаконного ареста и нарушения права владения. Желаю всяческих успехов!» — Бонд мрачно усмехнулся. — Нет, Феликс, арестовывать нельзя.

— А что же тогда? — нетерпеливо спросил Лейтер. — По ошибке подложим мину и отправим их к праотцам?

— Нет. Просто подождем. — Лейтер поморщился, но Бонд остановил его жестом. — Смотри. Мы посылаем сообщение в Штаб — очень взвешенное, осторожное, мол, нужна одна только «Манта», а то ведь целую дивизию вышлют. С «Мантой» мы сможем, не выдавая себя, следить за яхтой. Ларго нас пока не подозревает, считает, что не раскрыт — если, конечно, мы правы, и он, и в самом деле что-то скрывает... В этом случае ему очень скоро предстоит доставить бомбы к цели. Вот тут его и нужно брать — либо на яхте, с бомбами на борту, либо у тайника. Думаю, бомбы спрятаны неподалеку. «Защитник» тоже наверняка где-то рядом, на мелководье, утром возьмем гидросамолет, полетаем вокруг, поищем. А сейчас давай

отправим сообщения, а ответа дожидаться не будем, пойдем спать. Советую выключить в номере телефон. Представляешь, какая волна поднимется на Темзе и Потомаке?

* * *

Шесть часов спустя, ранним безоблачным утром. Бонд с Лейтером приехали на Виндзорский аэродром, и команда обслуживания выкатила из ангара небольшой самолет-амфибию. Они забрались в кабину, Лейтер запустил двигатель, и тут на бетонированную дорожку выехал полицейский на мотоцикле. — Взлетай скорее! — крикнул Бонд. — Это курьер! Лейтер отпустил тормоза и направил самолет на полосу. Радио сердито заверещало. Лейтер внимательно оглядел небо — на посадку никто не заходит. Медленно потянул на себя ручку управления, и самолет разбежался по бетонной полосе, подпрыгнул и взмыл над низким кустарником. Радио по-прежнему верещало, и Лейтер его выключил.

Бонд разложил на коленях морскую карту. Они летели на север: посмотрят группу островов возле Большой Багамы, может быть, именно там располагается цель для первой атомной бомбы. Шли на высоте тысяча футов. Скоро в изумрудно-прозрачном море сверкнули желтыми крапинками Мальковые острова.

— Все видно до самого дна, — сказал Бонд. — «Защитника», конечно, давно заметили бы о любого пассажирского самолета, поэтому искать надо вдали от трасс — вот, я отметил на карте. В ночь на третье «Летучая» вышла из гавани на юго-восток; но раз уж мы Ларго не верим, то не поверим и тут. Яхты Не было восемь часов. Часа, скажем, два она стояла на якоре, пока из самолета вытаскивали бомбы, а шесть двигалась со скоростью примерно тридцать узлов: полчасика, маскируясь, на юг, потом обратно, то есть на север, она плыла пять часов. Получается, «Защитник» должен быть где-то между Большой Багамой и островами Бими́ни.

— А с полицейским комиссаром Ты насчет «Летучей» говорил?

— Да. Его люди будут постоянно следить за ней с биноклями. К полудню яхта должна вернуться на стоянку в Пальмиру; если отойдет и оттуда, а мы к тому времени не вернемся, на поиски яхты вышлют самолет. Комиссар жутко разволновался, хотел было губернатору доложить. Не то, что трусил — ответственность на себя одного брать не хочет. Пришлось сослаться на премьер-министра, тогда только согласился подождать, не докладывать. Как думаешь, «Мантa» когда прибудет?

— Сегодня к вечеру, — замямвшись, ответил Лейтер. — Джеймс, а не спяну ли мы ее вызвали? Утро вечера мудренее, и, сдается, с «Мантой» мы вчера наглупили. Атомная подлодка — это уж чересчур... Ладно, вон уже Большая Багама. Над ракетной базой летать, конечно, нельзя, а мы все-таки полетаем. Но крику сейчас будет! — И он включил радио.

Они пролетели еще немного к востоку, вдоль изящной линии побережья; в глубине острова блестели на солнце алюминиевые крыши низких строений, а среди них, как небоскребы, высились пики ракет — красные, белые, серебристые... В радио щелкнуло:

— Внимание, на борту! — сказали скрипуче. — Над ракетной базой летать запрещено. Немедленно поверните на юг! Вы слышите, на борту? Отвечайте.

— Началось, — проворчал Лейтер. — Ладно, повернем, а то на аэродром сообщат, с них станется. Что надо, мы увидели: сто миллионов здешний лом стоит, провалиться мне на этом пилотском месте! А от Нассау до базы каких-нибудь сто миль, для «Летучей» пустяк.

— Внимание, на борту! — вновь проскрипело из радио. — Мы сообщим на Виндзорский аэродром, что вы пролетели над базой и не ответили на наш запрос.

Продолжайте лететь на юг. Конец связи.

— А нам как раз и надо на юг, к островам Бимини, — сказал Лейтер.

— Только бы мимо не промахнуть, это ж кочки просто, а не острова. Ты смотри внимательней, Джеймс, а то так и до Майами долетим.

Через четверть часа внизу показалась россыпь небольших отмелей; они, действительно, едва выступали из воды. Вокруг мелководье, отличная посадочная площадка для «Защитника». Лейтер спустился пониже, закружил над островками. Океан был совсем прозрачный, светло-зеленый, и на фоне ослепительно белого песка Бонд различал крупную рыбу, темные коралловые кущи, водоросли. Тут, пожалуй, не спрячешься. На большем из островков — гостиница для любителей порыбачить. С великолепных катеров и сейчас ловили рыбу; завидев самолетик, весело махали с палуб, а девушка, голышом загоравшая на крыше каюты, поспешно прикрылась полотенцем.

— А блондинка-то настоящая! — крикнул Лейтер, и они полетели дальше на юг, к Кошачьим отмелям, последним островам группы Бимини. Здесь тоже рыбачили.

— Какой черт тут спрячется, — пробурчал Лейтер. — Рыбаки бы давно нашли.

— А ну-ка еще южнее, — попросил Бонд. На карте за Кошачьими отмелями было еще несколько безымянных крапинок. Прозрачные воды сгустились до синевы, а потом посветлели вновь. Ничего — недвижная гладь, слепящий песок, кораллы. Лишь кружат три акулы.

Они пролетели подальше, вода потемнела, и Лейтер сказал угрюмо:

— Пусто. Впереди — остров Андрос, там полно народу, и самолет обязательно услышали бы. Если бы он тут сел вообще... — Он посмотрел на часы. — Половина двенадцатого. Куда теперь, Ястребиный Коготь? Топлива осталось на два часа.

Что-то мешало Бонду сказать: «Домой». Что-то вертелось в голове... Акулы! Откуда они на мелководье? Над чем кружат? Значит, есть тут для них добыча...

— Вернись-ка немного назад, Феликс, — велел Бонд. — Не может быть, чтобы пусто...

Лейтер круто развернул самолет, сбавил обороты, и они заскользили совсем низко над водой. Бонд открыл дверцу, высунулся, навел бинокль. Вот и акулы: две плавают на самой поверхности, даже спинные плавники торчат, а одна поглубже, вцепилась во что-то, тянет... И тут меж пестрых камней Бонд углядел на дне абсолютно прямую линию.

— Еще раз над акулами! — крикнул он.

Самолет снова развернулся. Хорошо бы лететь помедленней! Но Бонд все-таки, заметил и вторую линию, идущую под прямым углом к первой. Он шлепнулся в кресло:

— Феликс, садимся. Там, на дне — «Защитник».

— Что-о? — Лейтер быстро глянул на Бонда. — Попробуем сесть. Вода сверкает, никак горизонт не поймает, черт его дерит...

Он отвел самолет подальше, направил вниз, и вот их легонько подбросило, полозья заскользили по воде. Лейтер выключил мотор, они стали как раз там, где нужно. Акул не спугнули: те невозмутимо проплыли рядом, равнодушно посмотрели — глаза у них круглые, розовые. Бонд вгляделся сквозь вспоротую плавниками поверхность. Конечно же, пестрые камни нарисованы и песок нарисован! Ясно видны прямые края огромного брезента. Третья акула расшатала — видимо, вцепившись зубами в край — вбитые в дно клинья и пыталась теперь плоской мордой подлезть под брезент.

Бонд откинулся в кресле:

— Точно — «Защитник». Посмотри.

Лейтер перегнулся через Бонда, стал всматриваться. «Что же делать? ~ соображал пока Бонд. — Связаться по радио с полицейским комиссаром, пусть

сообщит о находке в Лондон? Нет, нельзя, радист на „Летучей“ наверняка прослушивает полицейскую волну. Пожалуй, нужно спуститься к самолету, выяснить, там ли бомбы да прихватить что-нибудь с борта. А как быть о акулами? Убьем одну, остальные набросятся на труп...»

Лейтер отпрянул от окна.

— Бот это да! — заорал он и хлопнул Бонда по плечу. — Нашли! «Защитник», черт его дер!

Бонд вытащил «Вальтер», проверил, заряжен ли, принял упор на левую руку и стал ждать. Первой приблизилась большая из двух, огромная молот-рыба. Она поглядывала вниз, поводила мерзкой сплюсненной мордой, выжидала добычу; темный ее плавник был расправлен, как всегда у насторожившегося хищника, рыбина мчала, точно под парусом. Шкуру ее пробивает только никелированная пуля. Бонд прицелился в самое основание плавника и спустил курок. Чмокнув, пуля вошла в воду, выстрел гулко раскатился вокруг, но молот-рыба плыла, как ни в чем не бывало. Он выстрелил еще раз. Рыбина выпрыгнула над водой, шумно плюхнулась и заметалась, взбивая пену. Но скоро стихла — пуля, видимо, попала в спинной мозг — и неуклюже поплыла, как и прежде, по широкому кругу; высунула сплюсненную морду, косо зевнула и, на миг перевернувшись, блеснула на солнце белым пузом; тут же как будто выправились, пошла дальше по кругу — хвост машинально гнал вперед уже почти мертвое туловище.

Плывущая следом вторая акула наблюдала. Потом рванула вперед, догнала и в последний момент свернула в сторону. Уверившись, что жертва беспомощна, акула приблизилась вновь, высунула длинную коричневую морду из воды и вцепилась молот—рыбе в бок. Помотала головой, как собака, и вырвала кусок жесткого мяса. Море замутилось кровью, из глубины вынырнула третья акула — еще двигающуюся жертву рвали теперь обе... Скоро жуткую троицу отнесло течением, лишь доносился издали плеск. Бонд отдал пистолет Лейтеру:

— Я нырну. Акулы раньше, чем через полчаса, не вернуться, а если появятся, пристрели одну. Понадобится, чтоб я поднялся — стреляй прямо в воду, ударная волна дойдет.

Едва разворачиваясь в тесной кабине, он разделся, и Лейтер взвалил на него акваланг.

— Я бы тоже нырнул, — мрачно заметил Лейтер, — но с этим чертовым протезом плавать совсем не могу. Надо бы придумать что-нибудь...

— Все равно кто-то должен остаться наверху — смотри, как нас отнесло. Подай-ка назад.

Лейтер нажал на стартер и отвел самолет на прежнее место.

— Конструкцию «Защитника» знаешь? — спросил он. — Где лежат бомбы, взрыватели?

— Знаю, был инструктаж. Ладно, я пошел. Не поминай лихом!

Бонд выбрался из кабины и прыгнул головой вниз. У самого дна так и сновали мелкие плотоядные; перед Бондом, более крупным соперником, они нехотя расступались. Он подплыл к расшатанным акулой клиньям, выдернул два, проверил, висит ли у пояса нож, включил фонарь и скользнул под брезент.

Вода была такая грязная, что его — хоть он и приготовился — затошнило. Он покрепче закусил мундштук и двинулся к самолету, высившемуся как бы в центре гигантской брезентовой палатки. В свете фонаря блеснуло крыло; рядом лежало что — то, покрытое живым ковром из крабов, лангустов, морских звезд. К этому зрелищу он тоже приготовился. Стал на колени и с отвращением принялся за работу.

Скоро он счистил нарост. С изъеденных рук трупа снял золотые часы и браслет, на котором висела золотая пластинка с именем; под подбородком приметил глубокую резаную рану. Посветил на пластинку: «Джузеппе Петаччм. Номер 15932».

Надел обе находки себе на руки и обошел кругом самолет, похожий тут, на дне, на огромную подводную лодку. Хвост сломан — очевидно, при посадке. Он осмотрел весь корпус и через открытый запасной люк забрался внутрь.

В свете фонаря рубиновой россыпью сверкнуло множество красных глаз. Бонд повел лучом: самолет так и кишел мелкими красноглазыми осьминогами, они облепили весь пол, стены, суетливо копошились. Мгновенно подделавшись под цвет фонарного луча, они разбегались теперь по темным углам. Бонд посветил вверх и вздрогнул: под потолком слабо колыхался труп одного из летчиков. Мертвец был весь облеплен осьминогами — они свисали с него, как летучие мыши. Почувяв свет, они кометами срывались вниз, тошнотворно металась по самолету, зловеще сверкали красными глазками, забивались в углы, под сиденья...

Бонд постарался отвлечься от страшного зрелища и принялся за поиски. Подобрал баллончик с красным ободком, пересчитал трупы, заглянул в бомбовый отсек и убедился, что он пуст, увидел вскрытую упаковку из-под запалов. Дел еще оставалось много: снять с летчиков именные пластинки, поймать плавающий в кабине разбухший бортовой журнал, осмотреть приборы — но в этой пещере у красноглазых он больше находиться не мог, нервы сдавали. Скользкие твари лезли ему на голые ноги, он то и дело встряхивался... Он вылез через запасной люк и отчаянно, изо всех сил, поплыл к тонкой полоске света, к краю брезента. Судорожно втиснулся в щель, но акваланг запутался в складках и пришлось пятиться, высвобождаться. Наконец он оказался в чистой прозрачной воде и рванул кверху. В ушах стало сильно давить, и он затормозил, переждал. И вот он наверху! Уцепился за поплавок амфибии, содрал с себя ласты и акваланг, бросил в море. Они медленно опускались на дно, унося на себе мерзостную слизь. Бонд с удовольствием прополоскал рот чистой соленой водой и ухватил протянутую ему руку.

XVII. ЖЕНЩИНА НА ОБЕД

Они приближались к Нассау. Бонд попросил пролететь над Пальмирой — посмотреть на «Летучую». Яхта стояла на том же месте, что и вчера, на палубе никого. Бонд залюбовался: так мирно стояла яхта и стройные ее линии отражались в спокойных водах...

— Смотри-ка, Джеймс) — воскликнул Лейтер. — Видишь, вон там на пляже, у залива, эллинг? А от его дверей до самой воды две полосы по песку? Станные они какие — то, глубокие. Что бы это такое?

Бонд навел бинокль. Действительно, такие две ровные глубокие полосы оставить могло только что-то большое, тяжелое. Неужели?.. У него перехватило дыхание.

— Давай скорее в Нассау, Феликс. Черт их знает, что они тут катили. Если то, что мы думаем, наверняка забросали бы след леском.

— А вдруг забыли? Надо бы все-таки съездить в Пальмиру, поглядеть на этот притон, тем более мистер Ларго любезно приглашал. Пожалуй, съезжу сегодня — от имени своего досточтимого клиента мистера Рокфеллера Бонда.

Они приземлились на Виндзорском аэродроме. Аэродромовское начальство уже с полчаса пыталось связаться с ними по радио, и теперь предстояло объясняться с комендантом. К счастью, подоспел губернаторский помощник: объявил, что власти санкционируют любые действия Бонда и Лейтера, а им самим передал толстый пакет и повез их в Нассау в огромной губернаторской машине.

Из Штаба, как и ожидалось, выговаривали за то, что агенты, отправив донесение, не дождались ответа; требовали новостей («Будут вам новости! — пробурчал

Лейтер); сообщали, что „Манта“ прибывает сегодня в семнадцать часов. Интерпол и итальянская полиция подтверждают, что Джузеппе Петаччи — брат Доминетты Витали; все остальное, рассказанное ею о себе, тоже правда. Материалов на Эмилио Ларго ни в одной полиции нет, однако фигура он известная, подозрительная, видимо, мошенник высочайшего класса. О пайщиках больше ничего узнать не удалось, но сведения о них имеются лишь за последние пять-шесть лет, и, в принципе, не исключено, что сведения эти сфабрикованы „Спектром“. Котце выехал из Швейцарии месяц назад в неизвестном направлении. Несмотря на все это, штаб операции „Гром“ признает улики против Ларго пока недостаточными и намерен продолжать поиск и в других районах; на Багамские же острова, как в важнейший район, для принятия совместного командования над дальнейшими действиями агентов сегодня в девятнадцать часов на президентском „Боинге-707“ прибывают: военный атташе Великобритании в Вашингтоне кавалер ордена „За безупречную службу“, бригадный генерал Фейрчайльд и ответственный секретарь Комитета начальников штабов США контр-адмирал в отставке Карлсон. Встретить и ввести в курс дела. До прибытия указанных лиц ежечасно передавать в Лондон и Вашингтон подробные, совместно подписанные донесения.

Они молча обменялись взглядами.

— Джеймс, давай на донесения плюнем, ежечасно докладывать некогда. Сделаем вот что: я, так и быть, потружусь, передам свежие новости, а в конце прибавлю, что из-за недостатка времени связь пока прерываем. Потом съезжу в Пальмиру, как бы от имени клиента, погляжу на эллинг, на следы. В пять встречаем «Мачту». » А орденосцы и адмиралы пусть сидят в Правительственном доме, в картишки режутся, некогда нам их встречать да ублажать. Идет?

Бонд задумался. Неподчинение — дело а его жизни не такое уж редкое, ко тут-то приказывают премьер-министр и президент... С другой стороны, времени, и правда, нет — ни на встречу начальства, ни на ежечасные донесения. В крайнем случае, его. Бонда, прикроет М. — тот всегда защищал своих агентов, подставлялся под начальничий гнев.

— Идет, — согласился он. — Раз у нас будет «Манта», мы и сами управимся, не нужны нам командиры. Главное — выяснить, когда бомбы поднимут на борт яхты. Есть у меня одна мыслишка, не знаю, получится ли, возьмется ли Витали... Попробую уговорить. Ты езжай в полицию, а я в гостиницу зайду, позвоню Домино. Именную пластинку Петаччи я пока у себя оставляю. Увидимся в пять.

В номере Бонд заказал бутерброд, двойной бурбон со льдом и уселся звонить: сначала полицейскому комиссару. Оказалось на рассвете «Летучая» подошла к причалу, заправилась и ушла обратно в Пальмиру, стала на якорь. А полчаса назад, ровно в половине второго с яхты спустили на воду гидросамолет, туда сел Ларго и еще кто-то, и самолет улетел в восточном направлении. Комиссар сразу же связался с Виндзорским аэродромом, приказал отследить радаром, но самолет летел слишком низко и скоро затерялся над юго-восточными островами. Больше новостей нет. В гавани готовы встретить подводную лодку. А что у Бонда?

Он уклончиво отвечал, что определенно говорить пока рано, но кое-что узнать удалось, поэтому пусть аэродромовские наблюдатели сразу же сообщат, как только самолет вернется на «Летучую», это крайне важно. Лейтер как раз едет в полицию, не расскажет ли комиссар и ему то, что рассказал сейчас? А самому Бонду не даст ли какую-нибудь машину — любую, лишь бы на ходу?

Затем он позвонил Домино в Пальмиру.

— Джеймс? — живо откликнулась она, в первый раз назвав его по имени. — Как хорошо, что вы позвонили. Сегодня вечером яхта выходит за сокровищами — и меня берут, представляете? Но только это секрет, никому не рассказывайте! Когда вернемся, не знаю; Эмилио говорит, заедем потом в Майами. Так что вас к тому

времени, наверное, здесь уже не будет. Хотите поплавать со мной на прощание?

— Конечно. Где вы плаваете?

Она объяснила. Надо проехать чуть-чуть за Пальмиру и свернуть к морю, дорожка выведет прямо на пляж, там еще стоит такая бамбуковая будочка, он не потеряется.

Принесли заказанное. Уставившись в стену, Бонд пил, ел и думал о девушке. То улыбался — вспоминал, как они познакомились и мчали в машине по Бухтовой улице, то хмурился — сейчас он втянет ее в такую скверную историю. Когда бы не эта треклятая служба... Но — за работу.

Он закатал в полотенце плавки, перебрал через плечо ремешок счетчика Гейгера и глянул в зеркало: ничем не примечательный турист с фотоаппаратом. Проверил, лежит ли в кармане браслет с пластинкой Петаччи, и вышел из номера.

Солнце жгло нестерпимо. Бонд еле доехал до пляжа — так накалилась машина. Безумно хотелось окунуться, машину он оставил под казуаринами и пошел к будочке. Бамбуковая, крытая пальмовыми листьями, она одиноко стояла на пляже, как хижина Робинзона Крузо. Внутри перегородка и два отделения — «М» и «Ж». В женском легким ворохом лежала на скамейке одежда, стояла пара сандалий. Бонд разделся и вышел на тесное полукружье пляжа. Ослепительно-белый песок, по обе стороны далеко в море выдаются скалы. Пусто. Вода лишь у самого берега прозрачная, зеленоватая, а чуть подальше уже густо-синяя. Он в три шага прошел мелкую воду и нырнул, пронзил верхний нагретый слой, достиг глубинкой прохлады. Блаженно остывая, задержался у дна, сколько хватило дыхания, вынырнул и лениво поплыл вдаль. Домино нигде не видно. Минут через десять он повернул к берегу. Выбрал на пляжике место поровнее и улегся на живот, подложив под голову руки.

Вскоре он почему-то открыл глаза. И увидел в море тянущиеся к берегу пузырьки. Они пересекли границу меж темными и прозрачными водами, и вот зажелтел акваланговый цилиндр, закрубились черные волосы. Домино полежала, потом приподнялась на локте, стащила маску и сердито крикнула:

— Эй, хватит спать! Помогите мне!

Он поднялся, подошел.

— А что с вами? Плавать одной опасно, неужели акула укусила?

— Бросьте свои дурацкие шуточки. Я наступила на колючки, с аквалангом встать не могу — больно. Снимите-ка. — Она расстегнула пряжку на животе. — Сейчас будете колючки вытаскивать.

Бонд снял у нее со спины акваланг, отнес его в тень, под деревья, вернулся. Девушка уже сидела, разглядывала подошву правой ноги.

— Глубоко вошли...

Он подошел ближе, стал на колени, посмотрел. Под пальцами чернели две точки.

— Быстро не вытащишь, давайте отойдем в тень, — сказал он. — Но наступать на ногу нельзя, а то еще глубже уйдут. Я вас отнесу. — Он поднялся, протянул руку.

— Моряк из мечты! — засмеялась она. — Ладно, только не уроните.

Бонд наклонился и легко поднял ее, она обняла его за шею. Он постоял немного, посмотрел ей в лицо. Да, прочел он в лучистых глазах и приник к полуоткрытым губам.

Она ответила на поцелуй, потом медленно отстранилась и, переведя дыхание, сказала:

— Вообще-то, награду дают после службы...

— Не нужно было так смотреть, — ответил Бонд и понес ее в тень казуарины, положил на песок. Она завела руки за голову, чтобы песок не попал в непослушные волосы, опустила веки; глаз теперь почти не было видно под густыми черными ресницами.

Обтянутые купальником треугольный холмик, высокая грудь... Он с усилием отвел глаза и хрипло приказал:

— Перевернитесь.

Она повернулась на живот. Бонд стал на колени и взял ее правую ступню — точно маленькую теплую птичку. Сдул песчинки и осторожно, как лепестки у цветка, раздвинул пальчики. Наклонился и стал высасывать колючки. Через минуту выплюнул крошечный кусочек.

— Так весь день провозимся. Если я посильней надавлю — потерпите?

Она напряглась, приготовилась к боли:

— Давайте.

Он закусил подушечку вокруг черных точек и, крепко надавив, снова стал сосать. Она дернула ногой. Бонд оторвался, сплюнул. На ступне были отметины зубов, а на месте двух точек выступили капельки крови. Он слизнул: под кожей еще чуть-чуть чернело.

— Никогда не ел женщин. Вкусно!

Она промолчала и снова дернула ногой — уже нетерпеливо.

— А вы молодцом. Домино. Сейчас, там еще на закуску осталось. — Он ободряюще поцеловал пальчики и принялся за работу.

Через несколько минут выплюнул последние крошки.

— Все, теперь надо побережись, чтоб песок не попадал. Давайте еще раз отнесу вас — наденете в будке сандалии.

Она повернулась на спину. На черных ресницах дрожали слезы — было все-таки больно. Она вытерла их ладонью и серьезно посмотрела на Бонда.

— Впервые плачу из-за мужчины. — И потянулась к нему.

Он поднял ее на руки, но не поцеловал, а понес к бамбуковой будке. В какое отделение? Он зашел в мужское, сдернул со стены одежду и поставил Домино на рубашку. Она так и не сняла рук с его плеч, а он расстегнул ей лифчик...

XVIII. СТИЛЕТТО

Бонд приподнялся на локте и заглянул в красивое лицо: раньше властное, оно теперь смягчилось, разгладилось, точно оттаяло в ласках, на висках выступили капельки пота. Влажные ресницы распахнулись, и большие карие глаза удивленно уставились на него. Домино присматривалась к нему, разглядывала, точно впервые видела.

— Зря мы... — сказал Бонд.

Она засмеялась, ямочки на щеках углубились.

— Ты словно девочка после первого раза: боишься, вдруг будет ребенок, тогда маме придется рассказать.

Он наклонился, поцеловал сначала уголки рта, потом прямо в полуоткрытые губы.

— Пойдем поплаваем. — Поднялся и протянул ей руки. Она неохотно ухватилась и встала. Прильнула к нему, потерлась, повела рукой по его животу. Он резко прижал ее к себе.

— Перестань, Домино, пойдем. Ты, кстати, не бойся, песок ноге не повредит, это я наврал.

— Я тоже наврала, будто мне с аквалангом из моря не выйти. Нога почти и не болела. И колючки вытащить я могла сама, как рыбаки делают. Рассказать?

— Да я знаю, — засмеялся Бонд. — Ну, быстро в море. — Поцеловал ее еще раз, отступил на шаг, полюбовался, запомнил. Разбежался и бросился в воду. Домино

пошла следом.

Когда он выплыл, она уже одевалась в будке. Она шутила, смеялась за перегородкой, а Бонд отвечал односложно.

— В чем дело, Джеймс? — почувствовала перемену она. — Что-то случилось?

— Случилось. — Он натянул штаны, в кармане звякнули мелочь, узкий золотой браслет с пластинкой. — Выходи скорее, нам надо поговорить.

Колючки они вытаскивали слева от будки, и теперь Бонду идти туда не хотелось, он сел справа, сцепил на коленях руки. Вышла и Домино, попыталась заглянуть ему в глаза, но он не сводил взгляда с моря. Она села рядом.

— Ты сейчас скажешь что-то плохое. Может, ты уезжаешь? Говори, сцены не будет.

— Нет, Домино, речь о твоём брате.

Она спросила сдавленно:

— Что с ним?

Бонд вынул из кармана браслет, молча протянул.

Она взяла, едва взглянула на пластинку и отвернулась.

— Значит, погиб... Как это случилось?

— История длинная и скверная... Я, видишь ли, здесь вроде как на службе, приехал по тайному заданию. Ты должна помочь мне, иначе погибнут тысячи людей. А чтобы ты мне поверила, я нарушил присягу и показал браслет.

— Так вот почему ты пришел! И вот почему... Надеешься, сделаю теперь, о чем ни попросишь? Ненавижу!..

— Я пришел рассказать, что твой брат убит и что убил его твой друг Ларго, — холодно и ровно ответил Бонд. — А сразу не рассказал, во-первых, потому что ты была так весела, спокойна, и захотелось оттянуть тяжелый разговор, а во— вторых... Я не смог удержаться. Хотя должен был... — Он помолчал. — А теперь, ненавидишь ты меня или нет, слушай внимательно. Ты поймешь сейчас, что в этой истории мы с тобой — ничтожные песчинки. — И, не дожидаясь ответа, Бонд подробно рассказал все с самого начала, умолчав лишь о «Манте» — Но задержать «Летучую» мы можем, лишь когда бомбы поднимут на борт, иначе связи ни с потопленным самолетом, ни со «Спектром» не докажешь, поиск сокровищ — прикрытие безупречное. Задержи мы яхту под любым предлогом прямо сейчас — «Спектр» лишь отложит операцию. Ведь мы не знаем, где спрятаны бомбы. И если Ларго на гидросамолете полетел за ними, он обязательно свяжется с яхтой по радио и, в случае чего, оставит бомбы в прежнем тайнике или перепрячет, потопит где-нибудь на мелководье, а потом, легко отведя обвинения, вернется за ними. Или же «Спектр» вообще выведет «Летучую» из игры и пошлет за бомбами другое судно, самолет... И все начнется по новой — только на этот раз сроку нам дадут, может быть, всего сутки, и условия придется принимать. Пока бомбы у них в руках, покоя не будет. Понимаешь?

— Да. И что ты теперь будешь делать? — Девушка говорила по-прежнему сдавленно, тихо. Она смотрела в упор на Бонда и как бы сквозь него, и глаза у нее мрачно горели. Для нее нет Ларго — умелого конспиратора, мелькнуло у Бонда, а есть — убийца брата.

— Узнаю, когда бомбы поднимут на борт, — ответил он.

— Как?

— Например, с твоей помощью.

— Допустим, — сказала она спокойно, почти равнодушно. — Но как узнаю я и как сообщу? Ларго не дурак. Он сгруппировал только раз — взял на такое дело любовницу. Жить не может без женщины, его хозяева этого не учли...

— Когда ты едешь на яхту?

— В пять. В Пальмиру за мной придет шлюпка.

Он глянул на часы. — Сейчас четыре. Вот держи, это счетчик Гейгера, возьмешь

с собой. Если покажет, что бомбы на борту, зайдешь в каюту и включишь свет. С берега за яхтой наблюдают. Потом бросишь счетчик в море.

— Нет, это не годится, — сказала она. — Днем в каюте свет зажигают разве что в глупых детективах. Давай так. Если бомбы там, я поднимусь на палубу, и с берега меня заметят. А если их нет — буду сидеть в каюте. Так Ларго ничего не заподозрит.

— Ладно, будь по-твоему. Но ты твердо решилась?

— Да. Только бы сдержаться и не придушить Ларго на месте... Но я ставлю одно условие: его непременно должны убить потом. — Она говорила совершенно спокойно, буднично, словно заказывала билет на поезд.

— Нет, это вряд ли. Скорее, всех приговорят к пожизненному заключению.

— Ладно, пусть так, — подумав, согласилась она. — Пожизненное заключение, пожалуй, похуже смерти. А теперь покажи, как работает счетчик.

Бонд показал. Она внимательно выслушала, а потом тихонько тронула его за плечо и тотчас отняла руку.

— То, что я сказала... что ненавижу тебя... Это неправда... Я просто сначала не поняла, да и откуда мне было? До сих пор не верится. Ларго

— преступник, убийца... Мы с ним на Кипре познакомились — красавец, женщины так и льнут, и мне захотелось его отвоевать. Он рассказал про яхту, про сокровища. Все как в сказке! И я, конечно, согласилась. Да кто б отказался? Платить за сказку я была готова... А потом появился ты.

— Она отвернулась к морю. — Я уж было решила, что не поеду с Ларго, а останусь здесь и уеду с тобой. Ты бы взял меня?

— Взял бы. — Бонд погладил ее по щеке.

— Но я все-таки должна ехать на яхту... И что же теперь? Когда мы увидимся?

Этого-то вопроса Бонд и боялся. Отсылая Домино, он подвергал ее двойной опасности. Ее мог заподозрить и тут же убить Ларго. С другой стороны, «Летучая» с бомбами сразу снимется с якоря, «Манта» бросится в погоню и, вполне вероятно, потопит яхту торпедой. Самый правдивый ответ был: «Никогда», но Бонд отказывался даже думать так.

— Как только все кончится, я тебя сам разыщу. Но ты соглашаешься на очень опасное дело, подумай еще раз.

Она взглянула на часы:

— Сейчас половина пятого, мне пора ехать. Попрощаемся здесь, до машины не провожай. И не волнуйся, на яхте я все сделаю, как нужно. Пусть это будет стилет-то ему в спину. Иди сюда. — Она протянула руки.

Через несколько минут заурчал мотор, и ее машина тронулась. Бонд выждал, пока звук стих вдали, сел в свою и поехал следом. Вскоре он увидел ворота из белого камня — въезд в Пальмиру; под ними еще клубилась дорожная пыль. Догнать, сказать, что не надо на яхту... Да он с ума сошел! Бонд стиснул зубы и промчал мимо, путь его лежал к мысу Старого Форта — там, из гаража заброшенного дома, наблюдают за яхтой.

Один наблюдатель, сидя на складном стуле, читал книжку, другой, у окна, неотрывно смотрел в установленный на треноге бинокль; окно закрыто занавеской, оставлена лишь щелочка, с яхты наблюдателя заметить нельзя. На полу — переносная рация в чехле цвета хаки. Бонд дал новые указания, потом по рации связался с Харлингом. Тот передал два сообщения от Лейтера. Во-первых, в Пальмире тот ничего подозрительного не обнаружил, в эллинге лодка с прозрачным дном и морской велосипед, который, видимо, и оставил следы, а во-вторых, через двадцать минут «Манта» прибывает к причалу Принца Георга.

Обычные подводные лодки прогонисты и изящны; «Манта» же с виду была неповоротлива, тупорыла, неуклюжа. Она осторожно приближалась к причалу; ее огромный округлый нос был укутан брезентом — вдруг кто из багамцев подглядит

устройство радара — и не верилось, что этакая толстобрюхая машина может лететь, как утверждал Лейтер, со скоростью сорок узлов.

— У капитана таких сведений ни за что не выпытаешь, — говорил он.

— Там, на лодке, куда ми плюнь — все кругом засекречено, сколько толчков в сортире, и то не добьешься. Сам увидишь, морячки на секретности малость сдвинулись.

— А ты что же, все знаешь о «Манте»? — спросил Бонд.

— Кое-что знаю. Капитану мы, конечно, в этом не признаемся, но сотрудникам ЦРУ даже о секретных атомных лодках немного рассказывают — иначе и агенту не растолкуешь, что выведывать, и сам его донесений не поймешь. Водоизмещение «Манты» четыре тысячи тонн, экипаж около ста человек, стоит примерно 100 миллионов долларов. Плыви на ней, сколько душе угодно, пока жратва да топливо не выйдут — реактор заправляется сразу на 100 тысяч миль. Вооружена шестнадцатью вертикальными пусковыми установками, две батареи по восемь, для твердотопливных ракет «Поларис». Дальность полета — тысяча двести миль. Экипаж называет установки Шервудским лесом, потому что выкрашены в зеленый цвет, стоят, как деревья. Запускают ракеты прямо из глубины. Лодка на это время останавливается, замирает, координаты цели автоматически закладываются в ракету, оператор нажимает на кнопку и ракета выстреливается сжатым воздухом. При пересечении поверхности воды взрываются ступени с твердым топливом, и ракета летит дальше. Оружие отличное!

— А поменьше-то что-нибудь есть? В «Летучую», если придется, чем будут стрелять?

— Есть шесть торпедных установок и, кажется, пулеметы. Только согласится ли капитан стрелять в безоружное гражданское судно, да еще по приказу двух штатских? Не говоря уж о том, что один из них — англичанин?

Огромная лодка осторожно коснулась бортом причала. Бросили конец, спустили трап; из сдерживаемой полицейскими толпы приветственно закричали.

— Здравсьте, причаились, — сказал Лейтер. — А нам с тобой, Джеймс, и встретить нечем. Шляпу бы бросить — так нету шляпы. Я, пожалуй, поклонюсь, а ты уж изобрази реверанс.

ХІХ. СТАВКА СДЕЛАНА

Они поднялись по тралу на верхнюю палубу, спустились по настоящей лестнице внутрь лодки. Просторно и тихо, стены мирно отблескивают бледно-зеленым, лишь под потолком, нарушая почти домашний уют, бегут яркие разноцветные провода. Воздух приятно прохладен. Вслед за дежурным офицером они прошли всю лестницу донизу. Офицер повернул налево и постучал в дверь с табличкой: «Капитан П.Летерсен. ВМФ США».

Капитану было на вид лет сорок. По-скандинавски крупен, сидящие волосы острижены коротко, взгляд веселый и мягкий, а подбородок тяжел, упрям. Он сидел за металлическим столом и раскуривал трубку. На столе

— аккуратные стопки бумаг, пустая кофейная чашка, блокнот. Капитан поднялся, пожал гостям руки, указал на два стула и обратился к дежурному офицеру:

— Стентон, принесите, пожалуйста, кофе, а эту радиogramму срочно отправьте. — Он вырвал из блокнота верхний листок и отдал офицеру. — Что ж, господа, рад видеть вас на борту. А вас, капитан Бонд, особо — как представителя английского Военно-морского флота. На подводных лодках ходили?

— Ходил, — сказал Бонд. — Но только как ценный груз — я служил в разведке

ВМФ.

— Понятно, — засмеялся Петерсен. — А вы, мистер Лейтер?

— А я ни разу не ходил. Правда, была у меня когда-то собственная лодочка, управлялась резиновой грушей и трубкой. Жаль, в ванне было тесновато — так на полную мощность и не испробовал.

— Я свою лодку тоже никак не испробую, только разгонишься — стрелка уже на красной линии. Не дают нашему брату моряку разгуляться. Ладно, рассказывайте-ка, что тут у вас. Меня забрасывают совершенно секретными и сверхсекретными радиограммами, после Кореи такого не было.

Лейтер принялся рассказывать. Через десять минут Петерсен откинулся в кресле, взял трубку и стал рассеянно ее набивать.

— Ничего себе история. Но, между прочим, что-то в этом роде просто должно было произойти. Возьмите хоть меня. Я, Питер Петерсен, капитан атомного корабля, на борту у меня шестнадцать ракет. Взбреди мне в голову — наведу их отсюда, от этого жалкого песчаного островка на Майами, и Соединенные Штаты, как миленькие, заплатят выкуп. Да такими ракетами можно в пыль разнести всю Англию!.. Рисуем мы все-таки страшно с этим атомным оружием. А как подумаешь, что на берегу жена, дети... Но это в сторону. — Он оперся руками о стол. — В вашем плане, господа, есть одна загвоздка. Вы, значит, считаете, что Ларго вот-вот прилетит с бомбами на яхту, а девушка нам просигналит. Тогда мы подходим и либо арестуем яхту, либо топим, так? А если бомбы все же не привезут? Если сигнала нет?

— Тогда до конца отпущенного срока, то есть еще двадцать четыре часа, будем повсюду следовать за яхтой, — невозмутимо ответил Бонд. — Это все, что можно сделать в рамках закона. А выйдет срок, там уж правительства будут решать, как быть с «Летучей», с «Защитником» и со всем остальным... Правда, может случиться, к тому времени неизвестный в моторной лодке доставит бомбу к берегам Америки, и Майами взлетит на воздух. Что ж, значит, крышка нам, проворонили... А сейчас мы точно полицейский, что хочет предотвратить убийство, ходит за подозреваемым по пятам, но даже не знает наверняка, есть ли у того пистолет. Вот вытащит, прицелится, тогда полицейский его и арестует. Верно, Феликс?

— Верно. Капитан, мы оба уверены, что Ларго связан со «Спектром», и именно ему поручено доставить бомбу к цели. Поэтому мы и вызвали вашу лодку. Бомбу, конечно же, будут перевозить ночью, а завтра истекает срок, то есть нынешняя ночь — последняя. Вы готовы к выходу? Или еще, так сказать, атомные пары разводить?

— Подготовка к выходу займет ровно пять минут. Меня тревожит другое, — капитан покачал головой. — Не знаю, сможем ли следовать за «Летучей»...

— То есть как? Не угонитесь, что ли? — Лейтер взмахнул протезом прямо у капитанского лица и, спохватившись, опустил руку на колени.

— Не в этом дело, — улыбнулся Петерсен. — Вы забываете, что в этом районе полно отмелей. Взгляните-ка сюда. — Он указал на морскую карту на стене. — Видите, сколько цифр? В глазах рябит. Это отметки глубин. Следовать за яхтой мы сможем, только если она пойдет над глубокими местами — по Атлантическому языку, северо— западному или северо-восточному морскому пути. А пойдет по мелководью — тогда, как выражается капитан Бонд, крышка. Там всего-то от трех до десяти морских саженей... Ну допустим, мне надоело служить на флоте, я подкупаю штурмана, выбрасываю к черту эхолот и веду лодку над десятью саженями. Так ведь будет ли еще и десять? Карта составлялась пятьдесят лет назад, отмель за это время могла и сдвинуться. А яхте на подводных крыльях, конечно, все равно, у нее осадка едва ли сажень. Так что, господа, если по мелководью — уйдет от нас, и точка. Может, связаться с Министерством ВМФ, вызвать прикрепленные к вам истребители— бомбардировщики, пусть они и сопровождают яхту?

Бонд с Лейтером переглянулись.

— Ночью на яхте не зажгут бортовых огней, — сказал Бонд, — и самолеты ее потеряют. Или все-таки вызовем, а Феликс? Хоть последят за американским берегом. А мы, как только «Летучая» отплывет, пойдем по северо-западному пути к Багамской ракетной базе — ока, скорее всего, и есть цель для атомной бомбы.

Лейтер левой рукой взлохматил белобрысую шевелюру:

— Ах, черт... Ладно, самолеты так самолеты! Давай! Саму «Манту» вызвали, что теперь скромничать. Подумаешь, эскадрилья какая-то...

Включилась внутренняя связь:

— Говорит дежурный. Курьер из полиции к капитану Бонду. Петерсен нажал кнопку на столе и сказал в микрофон:

— Пропустите. Экипажу подготовиться к отплытию. — Выключив микрофон, он повернулся к Бонду. — Как вы говорите, зовут девушку — Домино? Значит, ждем хороших вестей от Домино!

Дверь открылась, вошел капрал. Простучал каблуками по стальному полу и протянул Бонду конверт. Тот взял, распечатал, пробежал карандашные каракули Харлинга и ровно прочел вслух:

— «Самолет вернулся в семнадцать тридцать и взят на борт. В семнадцать пятьдесят пять „Летучая“ вышла на полной скорости на северо-запад. Девушка не появлялась, повторяю, не появлялась на палубе».

Бонд попросил у капитана листок и написал ответ:

— «Манта» выходит за яхтой по северо-западному пути. Через Министерство ВМФ вызвана эскадрилья истребителей-бомбардировщиков для патрулирования вдоль побережья Флориды. «Манта» будет поддерживать связь по радио с Виндзорским аэродромом. Прошу ознакомить с этим сообщением губернатора и, по прибытии, контр-адмирала Карлсона и бригадного генерала Фейрчайльда».

Расписался, дал расписаться капитану и Лейтеру, положил листок в конверт и протянул капралу. Тот живо развернулся, простучал каблуками и вышел.

Петерсен включил внутреннюю связь и отдал приказ к отплытию, курс северо—западный, скорость десять узлов, без погружения. Через мгновение все оживо: залился боцманский свисток, по коридору забежали, где-то вдали металлически заскрежетало и лодка вздрогнула.

— Что ж, господа, вперед, — безмятежно сказал капитан. — Я, правда, человек тихий, гонять, очертя голову, не люблю, но за вашей «Летучей» — с удовольствием. А теперь давайте напишем запрос в министерство.

Бонд машинально составлял фразы, но думал о другом — о комиссарском сообщении, о Домино. Дело скверное. Видимо, самолет не доставил бомб, и тогда каких же дураков они свалили с «Мантой» и бомбардировщиками! Прицепились к «Летучей» — и ведь почти без доказательств! — а вдруг она ни при чем, и «Спектр» пока спокойно делает свое дело. Нет, слишком все гладко у этих искателей сокровищ, будто нарочно придумано... Но почему тогда самолет не привез бомбы? Или привез, а Домино не смогла выйти на палубу? А может, яхта захватит бомбу по дороге к цели? Пойдет на запад от Нассау к Мальковым островам, а там недалеко и Майами... Или так: яхта пройдет на запад миль пятьдесят, круто повернет к северу, там — мелководьем, где ей не страшна погоня, и окажется на северо-западном морском пути, ведущем прямо к Большой Багаме, к ракетной базе...

Ошиблись они с Лейтером или нет, покажет время, а пока — они окончательно сделали ставку в этой безумной игре. Поверни яхта, уже с бомбами на борту, на север, к ракетной базе — и «Манта», пройдя по Северо-западному пути, ее перехватит.

Но если они поставили на верную карту, почему тогда не вышла на палубу Домино? Что с ней?

XX. ЖАР И ХОЛОД

«Летучая» мчала, точно торпеда, глубоко вспарывая темные недвижные воды. В каюте Ларго было тихо, лишь приглушенно гудел мотор, да тонко позванивали бокалы на полке. Иллюминаторы были задраены, но яркого света все равно не зажигали, под потолком, покачиваясь, тускло горел красный маячный фонарь.

В полумраке за длинным столом сидело двадцать фигур, на лицах плясали кроваво— дымные тени, и казалось, это черти присели посовещаться в аду. Во главе стола — Ларго. В каюте прохладно, но лицо его поблескивает от пота.

— На судне чрезвычайное происшествие, — сдержанно, скрывая тревогу, заговорил он. — Полчаса назад Семнадцатый увидел на колодезной палубе мисс Витали с фотоаппаратом в руках. Когда Семнадцатый подошел ближе, она навела фотоаппарат на Пальмиру, но крышки с объектива не сняла. Семнадцатый заподозрил неладное и доложил обо всем мне. Я спустился за мисс Витали, повел ее в каюту. Она сопротивлялась, что выглядело и в самом деле подозрительно. Пришлось применить жесткие меры. Я внимательно осмотрел фотоаппарат: в нем оказался счетчик Гейгера, и стрелка, естественно, показывала 500 миллирентген. Я привел мисс Витали в сознание и потребовал объяснений, но она отказалась отвечать. В свое время она заговорит... Второму о происшествии я уже доложил.

— И что же сказал Второй? — нетерпеливо спросил Четырнадцатый, немец.

— Что пугаться нечего, сейчас все поставлены на ноги, и агенты разведывательных служб замеряют радиацию повсюду. Вероятно, и багамским полицейским было приказано проверить стоящие в гавани суда, а Витали подкуплена. Еще он сказал, что нужно только доставить бомбу к цели — и дальше мы в безопасности. Наш радист постоянно прослушивает каналы связи между Нассау и американским берегом, и поток сообщений не увеличился, все тихо. Это значит, что район подозрений не вызывает, иначе бы связь и с Вашингтоном, и с Лондоном заметно оживилась. Таким образом, операция продолжается. Витали мы уберем.

— Но сначала нужно ее как следует допросить. Хотелось бы быть уверенными, что после операции за нами не потянется след, — сказал Четырнадцатый.

— Я допрошу ее сразу после нашего совещания. Сдается, что тут не обошлось без этих двоих — Бонда и Ларкина — что поднимались вчера на борт. Не агенты ли? У Ларкина был фотоаппарат, как будто такой же, как у Витали... По возвращении в Нассау будем действовать осмотрительнее вдвойне. В полицию сообщим, что Витали утонула, подробности я продумаю. Откроют следствие, но наши показания, уверен, сочтут достаточными. А что до того, где мы были нынешней ночью, — предъявим монеты, будто бы добытые с затонувшего корабля. Ваше мнение, Пятый, можно ли поверить, что они долго пролежали в воде?

— Думаю, прокурор и суд, то есть неспециалисты, поверят, — твердо сказал Пятый, физик Котце. — Мы ведь предъявим настоящие дублины и реалы начала семнадцатого века, а золотом серебро, как известно, в морской воде почти не корродируют. К тому же я немного обработал их кислотой. Полагаю, что не слишком придирчивую проверку они выдержат. А спросят о месте обнаружения сокровищ, укажем, что корабль лежит на глубине около десяти морских саженей, рядом с неотмеченным на карте рифом. Подробнее мы имеем право не отвечать. Подловить вроде бы нас не на чем. Кстати, рядом с рифами часто бывают глубокие провалы, и почему бы мисс Витали не заплывать к такому провалу? Что-то случилось с аквалангом, ее потянуло ко дну, а эхолот в том месте дал целых сто саженей. А как мы ее уговаривали остаться на борту!.. Кет, нырнула, как же — романтика! На больших глубинах часто тонут даже опытные пловцы. — Войдя в роль. Пятый беспомощно

развел руками. — Бросились, конечно, искать, нотам, на глубине, акулы... Сразу прервали подъем сокровищ и поспешили в Нассау. Такая трагедия... Вот и все. — Он решительно тряхнул головой. — И нечего особенно огорчаться по поводу счетчика. Полагаю, однако, что женщину нужно допросить пристрасно. Грамотного применения электричества человек не выдерживает, могу ли я предложить услуги?... — Он любезно повернулся к Ларго.

— Благодарю, — не менее любезно отозвался Ларго: они как будто прикидывали, чем же лучше лечить от морской болезни. — У меня человек и без электричества не выдерживает. Но если случай окажется трудным, попробуем и по-вашему. — Ларго взглянул в затененные, с багровыми отблесками лица собравшихся. — А теперь коротко о последнем этапе операции. Сейчас полночь. С трех до пяти будет светить луна, в эти два часа нам и нужно уложиться. «Летучая» подходит с юга к западным островам, это обычный морской путь, и, если даже при последующем отклонении к цели нас засекут радаром с ракетной базы, решат, что мы просто сбились немного с курса. Ровно в три часа бросим якорь, и к месту закладки бомбы выйдут пловцы: пятнадцать человек выстраиваются клином, «Торпеда» с прицепом в центре. Все выдерживают строй, ориентируются по синему фонарю у меня на спине. Потерявшиеся возвращаются на яхту. С этим ясно? Главное — следить, нет ли акул иди барракуд. Еще раз напоминаю, ружья стреляют только шагов на десять, а целить нужно в голову или в позвоночник сразу за головой. Соберетесь стрелять — предупредите соседа, тот, если понадобится, даст дополнительный залп. Но в принципе, должно хватить и одного попадания, стрелы отравлены водостойчивым ядом. Не забудьте только снять колпачок с острия, — веско добавил Ларго и хлопнул ладонью о стол. — Мы хорошо подготовились, и я верю в успех. Но все же тренировка — одно, а настоящее дело — другое, подводный мир смутит и смельчака. Поэтому всем будут выданы тонизирующие таблетки — вы взбодритесь, ощутите прилив сил и мужества. Ничего не бойтесь, случись неожиданность — не робейте. Вопросы?

Еще в Париже, при подготовке операции, Блофельд предупреждал, что за русскими, бывшими смершевцами, нужно присматривать особо. «Они прирожденные заговорщики, — говорил Блофельд. — Но заговорщик всегда подозрителен. Твоим русским только и будет заботы, как бы кто не сговорился против них самих — вдруг поручат самую опасную работу, выдадут полиции, обделят, убьют. Они легко напишут донос, оспорят приказ. И вообще, за самым ответственным и очевидным приказом они подозревают какую-то скрытую, враждебную им причину, и в этом их постоянно нужно разуверять. Зато когда подозрения развеяны, они выполняют все точно, не щадя себя. Такие люди полезны. Но запомните: при прямом неповиновении с их стороны, при открыто высказанном сомнении действуйте решительно и беспощадно. Семена недоверия всходят быстро, а внутренние дразги разрушают организацию вернее внешнего врага».

Заговорил Десятый, в прошлом знаменитый смершевец Стрелик. Он сидел недалеко от Ларго, по левую руку, но на него не смотрел, а обращался ко всем сразу.

— Я думаю о том, что рассказал Первый, и говорю себе: все хорошо, все идет как по маслу, операция тонко продумана, вторую бомбу взрывать не придется. У меня есть кое-какие документы, и по этим документам я вижу, что совсем рядом с целью недавно выстроена большая гостиница, а в округе живут еще и местные. По моим подсчетам от взрыва первой бомбы погибнет примерно две тысячи человек. В моей стране гораздо большее беспокойство вызвало бы разрушение важной ракетной базы, но я учитываю, что на Западе гибель людей оценят очень серьезно, и именно это заставит правительства принять наши условия и, таким образом, спастись от второй бомбы. — Десятый повысил голос. — Всего через двадцать четыре часа закончатся наши труды, и нас ждет богатая награда! И вот тут мне приходит в голову

очень неприятная мысль. — Он нервно усмехнулся, лицо озарилось алым отблеском и тут же погасло. — Мой долг — поделиться ею с вами, а если я в своей догадке не прав, заранее извиняюсь.

За столом мрачно молчали. Опытные заговорщики, все почуяли, что Десятый бросает вызов Ларго. Но что задумал русский? Каждый изготовился — как только тайное станет явным — мгновенно переметнуться к сильнейшему.

— Скоро придет минута, — продолжал Десятый, цепко вглядываясь в сообщников, — когда пятнадцать из нас будут там, в море, далеко от яхты, а пятеро останутся на борту. И почему бы в эту самую минуту, — он хитро сощурился, — пятерым не сняться с якоря и не бросить остальных? — Между сидящими пробежал ропот, но Десятый жестом попросил тишины. — Я, как и вы, хотел бы думать, что это невозможно. Но каждый знает, что деньги делают с человеком. А если пловцов — как доложат потом Второму — разорвут в море акулы, тем, на борту, достанутся очень больше деньги.

— Что же вы предлагаете? — вкрадчиво спросил Ларго.

Тот впервые взглянул направо, но лицо Ларго то ярко вспыхивало, то затенялось, и выражения было не угадать. — Я предлагаю, — сказал Десятый уверенно, — оставить на борту по одному человеку из каждой тройки. Тогда в море выйдут десять — но со спокойным сердцем.

— Отвечаю коротко и ясно, — не повышая голоса, сказал Ларго и выбросил вперед ручищу. Сверкнул металлический ствол, и три выстрела подряд почти слились в единой вспышке, едином громе. Десятый нелепо взмахнул руками, дернулся всем телом и, ломая стул, рухнул.

Дулом вверх Ларго поднес пистолет себе к лицу и с наслаждением, как тончайший аромат духов, вдохнул запах гари... Потом оглядел молчаливых свидетелей по обе стороны стола и тихо сказал:

— Совещание окончено. Разойтись по каютам и еще раз проверить оружие и акваланги. Десятым займутся матросы. Все свободны.

Оставшись один. Ларго встал, потянулся и широко, хищно зевнул. Взял из буфета сигару «Корона», с отвращением закурил. Вытащил из холодильника красный резиновый коробок с кубиками льда и отправился в каюту Домино Витали.

Войдя, запер за собой дверь. Здесь тоже был полумрак, под потолком горел красный маячный фонарь. Домино лежала растянутая, точно морская звезда, — руки и ноги привязаны в углах койки к металлической раме. Ларго поставил коробок со льдом на полку, там же пристроил сигару — аккуратно, чтобы тлеющий кончик не испортил лака.

В глазах Домино плясал злой огонек.

— Ну что ж, моя милая, — начал Ларго, — мне было с тобой сладко и хорошо, но отплатить я вынужден другой монетой — тебе будет очень больно... Если приложить к телу, в нужное место, кончик сигары, лед — человек сначала кричит от боли, а потом говорит, и притом чистую правду. Итак, кто дал тебе счетчик?

— Ты убил моего брата, что ж, убей и меня, — процедила Домино. — Развлекись напоследок, ты ведь и сам почти мертвец! Скоро наступит твой черед, и пусть тебе придется в тысячу раз хуже, чем твоим жертвам.

Он коротко хохотнул и придвинулся ближе:

— Тогда приступим, милая. Торопиться некуда, и все-то у нас под рукой, и жар, и холод.

Он склонился над ней, завел два пальца за вырез платья и, с силой дернув, разорвал до подола. Откинул в обе стороны обрывки и под мерцающим светом задумчиво оглядел ее. Подошел к полке, взял сигару и коробок со льдом, вернулся и поудобней устроился на краю койки.

Глубоко затянулся, стряхнул на пол пепел и снова склонился...

XXI. ПОГОНЯ

Вштурманской рубке «Манты» было тихо. В поблескивающих алюминием красных кожаных креслах сидели трое: один держал штурвал, двое щелкали клавишами, поглядывали на приборы. Бонда с Лейтером усадили на складные стулья подальше от приборной доски. Петерсен стоял рядом с оператором у эхолота, изредка оборачивался к ним, говорил что-то. Наконец, подошел.

— Глубина тридцать саженей, ближайшая отмель — в миле к западу, так что перед нами прямая дорожка к Большой Багаме. Идем хорошо. На радарном экране теперь будут только Мальковые острова. А пройдем их — будем смотреть, не сорвался ли какой островок, не двинулся ли, как и мы, на север. Это и будет «Летучая»; мы тотчас погружаемся — услышите сигнал тревоги. А пока — не хотите ли перекусить, отдохнуть?..

Они спустились следом за ним по лестнице, прошли коридором и оказались в выкрашенной в нежные розовые и зеленоватые тона столовой. Капитан повел их к дальнему столу, усадил в торце; матросы и офицеры разглядывали их, штатских, с удивлением.

— Раньше на военных судах все красили серым, а сейчас — видите? — Петерсен показал на стены. — Психологи говорят, от одного и того же цвета скорей утомляешься, а ведь экипаж, случается, по полгода в море. Мы, военные, теперь в каждой мелочи с психологами советуемся. Чем только экипаж не развлекаем: тир, телевизор, соревнования всякие, игры... Другого помещения нет, так что тут у нас и столовая, и клуб. Запахов никаких — ни из кухни, ни из моторного отделения, работает вытяжная система. — К ним подошел официант с меню. — Мне запеченный окорок с томатным соусом, яблочный пирог, мороженое и кофе со льдом. Странная вещь: на берегу ем мало, а в море — зверский аппетит.

Бонд заказал яйца в мешочек, гренки и кофе. Есть не хотелось. Капитанскую болтовню слушал вполуха, тревога не унималась. Верно ли они рассчитали, засекут ли радаром «Летучую»? Не попала ли Домино со счетчиком? Зря он ее впутал... Он залпом выпил стакан воды со льдом; капитан принялся подробно рассказывать, как дистиллируют морскую воду, замораживают кубиками.

Наконец Бонд не выдержал.

— Простите, прерву вас... Предположим, мы рассчитали верно, и у Большой Багамы нагоним «Летучую». — А что дальше? Берем на бордаж, подрываем? Что будем делать, капитан?

Петерсен посмотрел недоуменно:

— А это уж вам решать. Операцией командуете вы, а я готов подчиняться, не подвергая лодку опасности. — Он улыбнулся и уточнил: — чрезмерной опасности. Впрочем, есть указание при необходимости пожертвовать и лодкой. Судя по ответу на ваш запрос, против погони в Министерстве ВМФ не возражают, ваши права на командование подтверждаются, так что — слово ваше.

Принесли ужин. Бонд поковырялся в тарелке, отодвинул. Закурил и посмотрел на Лейтера:

— Предположим, сейчас «Летучая» идет по мелководью на север, по ту сторону Мальковых островов — потому мы ее и не видим — а потом повернет к ракетной базе на Большой Багаме. Яхту засекут радаром с базы, но подозрений она не вызовет, ведь там — оживленный морской путь. На месте Ларго я стал бы на якорь примерно в миле от берега, а бомбу положил где-нибудь под самым берегом и включил часовой механизм. Будет это в четыре-пять утра, до истечения назначенного «Спектр»

срока останется часов двенадцать, и за это время Ларго успеет вернуться в Нассау или же вообще уплывет. Но думаю, он вернется и будет ждать очередных приказаний. — Бонд помолчал и отвел глаза. — Если не разговорит Домино.

— Нет, ее не разговоришь, — уверенно сказал Лейтер. — Она крепкий орешек. В худшем случае Ларго ее прикончит, а властям напоят, что нырнула, подвел акваланг... Но в Нассау он непременно вернется. Чего ему бояться!..

— Это еще посмотрим, каков он смельчак, — перебил Петерсен. — Скажите-ка лучше, капитан Бонд, как же именно Ларго доставит бомбу чуть не к самому берегу? На яхте он близко не подойдет, но и на шлюпке тоже, ведь база охраняется, ходит сторожевой катер.

— На «Летучей» есть подводный люк и, думаю, какой-нибудь подводный тягач с прицепом. Несколько пловцов с аквалангами погрузят бомбу и подвезут к берегу.

— Логично, — помолчав, согласился Петерсен. — Когда же вступаем мы?

Бонд посмотрел ему прямо в глаза:

— Когда пловцы выйдут из яхты. Объявимся раньше — «Летучая» бросится наутек, бомбы за борт, и мы останемся с пустыми руками. А вот встретятся под водой их пловцы с нашими — другое дело; одну бомбу сразу перехватываем, а если вторая осталась на борту, топим яхту.

Петерсен глянул в тарелку, аккуратно сложил нож и вилку, поправил десертную ложечку и допил кофе. Поболтал бокалом, льдышки звякнули.

— Тоже логично. В экипаже — лучшие пловцы атомной флотилии, акваланги есть. С оружием хуже — только кортики. Я вызову добровольцев. — Он молчал. — Кто их поведет?

— Я, — ответил Бонд. — Всегда увлекался подводным плаванием. И кое-что в нем понимаю, так что с пловцами я сам поговорю.

— А я, думаешь, буду пока окорок жрать? Ничего подобного, — обиженно пробурчал Лейтер и поднял свой протез. — Цепляю сюда ласт, и попробуй меня догони. Руки у меня нет, зато котелок получше твоего варит. Называется компенсация, известно тебе такое слово?

Петерсен улыбнулся и встал:

— Прошу не ссориться, господа. Я вас оставляю, мне нужно поговорить с экипажем. Поспать сегодня, видимо, не удастся, я вам пришлю тонирующие. — Он кивнул и вышел из столовой.

— Предатель ты, Джеймс, — не унимался Лейтер. — Сам поплывет, а верного друга побоку! Все вы, англичане, такие...

— Я же не знал, что на протез ласт можно надеть, — смеялся Бонд. — Ты, пожалуй, и обниматься скоро приспособишься, железка не мешает.

— Уже приспособился, — мрачно ответил Лейтер. — Только коснешься — и девушка просто пылает страстью. Ладно, хватит шуточек. Давай все обдумаем. Как построим пловцов? Как отличать своих под водой? Нельзя ли из кортиков сделать копья? Зря людей терять не годится...

По внутренней связи раздался голос Петерсена:

— Внимание, экипаж! Говорит капитан. Сегодня по приказу Министерства ВМФ мы примем участие в операции, равносильной боевой. Операция связана с риском для жизни. То, что я расскажу, строго секретно и не подлежит разглашению...

* * *

Бонд, прикорнувший на койке дежурного офицера, проснулся по сигналу тревоги. По внутренней связи внятно повторяли:

— Приготовиться к погружению, приготовиться к погружению...

Койка заметно наклонилась, двигатель загудел по-новому. Бонд встал и пошел в

штурманскую рубку. Лейтер был уже там.

Петерсен оторвался от радарного экрана:

— Похоже, вы не ошиблись. Яхта идет на пять миль впереди, по правому борту. Скорость тридцать узлов, бортовые огни потушены. Хотите посмотреть в перископ? Она здорово перелопачивает воду, след светится. Луны, правда, нет, но присмотритесь — видно белое пятно.

Бонд приник к резиновым окулярам. И через минуту, привыкнув к темноте, в мягком колыханье волн различил светлое пятнышко. Он выпрямился:

— Куда она идет?

— Туда же, куда и мы, — к западной оконечности острова Большая Багама. Мы погрузились и прибавили обороты, скоро догоним. Ведем ее и радаром, и гидролокатором, так что не потеряется. По прогнозу будет небольшой ветер, это нам на руку — при выходе из лодки вода заметно пузырится. А теперь познакомьтесь, это старшина Фаллон, он поможет с пловцами. — Капитан обернулся к крепкому человеку в белых парусиновых штанах. — Все лучшие вызвались добровольцами, Фаллон отобрал девятерых. Пойдите познакомьтесь с ними, вам ведь о многом нужно договориться. Сержант-оружейник приказал заточить кортики и насадить на палки от метел — будут копья; только за метлы вам, наверное, придется расписаться, а то интендант оружейника со свету сживет. Ну, кажется, все. Понадобится что-нибудь — обращайтесь прямо ко мне. — И он снова отвернулся к экрану.

Следом за старшиной Бонд и Лейтер прошли по нижней палубе через моторное отделение, потом через реакторную. Цилиндрический реактор, эта прирученная атомная бомба, бесстыдным перстом выпирал из обшитой свинцом палубы.

— Только у нас — сверхмощный и безотказный! Новейший реактор второго типа! — Лейтер шутливо перекрестился.

— Старье, — Бонд непочтительно ткнул цилиндр носком ботинка. — У нас — уже третьего...

Потом они оказались в ремонтной мастерской — длинной и низкой, набитой всяким инструментом. Странно было увидеть тут группку матросов, уже раздетых, в плавках. В дальнем конце двое в серых комбинезонах работали за токарными станками, точили кортики, двигаясь заученно, словно роботы; станки ярко освещены, а вокруг — полумрак, лезвия выбрасывают снопы голубых и рыжих искр. Некоторые пловцы держали готовые копья. Фаллон представил Бонда и Лейтера, и Бонд попросил посмотреть копьё. К длинной и крепкой палке было надежно прикручено острое, с зубцами, как у стрелы, лезвие. Он попробовал пальцем. Отличное оружие! Проткнет даже акулю кожу. Но у противника-то наверняка будут пневматические ружья... Бонд посмотрел на молодых загорелых матросов; золотистый загар будет отсвечивать в лунном луче, да и они с Лейтером белокожие, заметные — спектровцы их издали перестреляют, копья окажутся бесполезны. Он повернулся к Фаллону:

— На борту есть резиновые костюмы?

— Конечно, капитан Бонд, нам ведь приходится выходить и в холодную воду. Не все же мы под пальмами плаваем.

— Значит, выходим в костюмах. И каждому на спине крупно напишите номер, чтоб своих отличать.

— Понял, — отозвался старшина. — Фонда, Джонсон и Бракен!..

Скоро черные костюмы гигантскими летучими мышами повисли по стенам, и Бонд заговорил:

— Ребята, мы идем в трудный подводный бой. Будут убитые. Если кто передумал, скажите. — Матросы только усмехнулись.

— Отлично. Плыть нам, думаю, с полмили. Идем так: я, под первым номером, впереди, за мной номер второй — мистер Лейтер, дальше, третий номер — старшина Фаллон, а вы расходитесь треугольником, клином, как гуси. Каждый смотрит на номер

идущего перед ним. Будьте внимательны, может появиться акула — они как раз выйдут на утреннюю охоту. Если подплывет слишком близко, нападайте втроем. Но не торопитесь — акулы вряд ли нападут первыми: мы плывем плотным строем, нас запросто примут за одну здоровую рыбину, еще и расступаться будут. Будьте осторожнее с копьями, держите крепче, прямо под лезвием. И главное — не суетитесь, плывите спокойно, бесшумно. Противника нужно застать врасплох. У них, видимо, пневматические ружья — стреляют шагов на десять, но долго перезаряжаются. Нацелились в тебя — съежся, подбери ноги, пусть мишень будет поменьше. А после выстрела мигом вперед, нашим копьем достаточно раз кольнуть... Раненые заботятся о себе сами: стрелу из себя не вытаскивайте, наоборот, зажмите в ране, отползите назад и ждите конца боя или выплывайте наверх. У старшины Фаллона будет сигнальная ракета — как начнется бой, он выстрелит, «Манта» всплывет и спустит спасательную шлюпку с вооруженным отрядом и корабельным врачом. Вопросы?

— Что делать сразу после выхода из лодки?

— Спускаетесь футов до десяти и занимаете место в строю. Старайтесь выйти потише, поаккуратнее, чтобы на поверхности было поменьше волнения.

— А как переговариваемся под водой, сэр?

— Большой палец вниз — «На помощь», вверх — «-Понял» или «Иду», руку вперед — «Акула». Этого хватит. — Бонд улыбнулся. — Ноги вверх — «Какую».

Матросы засмеялись.

Включилась внутренняя связь:

— Внимание! Пловцам подойти к люку, надеть акваланги и приготовиться к выходу. Капитан Бонд, вас ждут в штурманской рубке.

Мотор умерил рев, еще постонал и вовсе смолк. Вздрогнув, «Манта» коснулась дна.

XXII. ПОДВОДНАЯ БИТВА

Сжатым воздухом Бонда выбросило из люка. Над головой переливчато колыхалась тугая водная пелена. Это хорошо — волнит, ветер есть! Мимо промчался вверх воздушный пузырь, снарядом прорвал сверкающую пелену. В ушах стало давить, и Бонд спустился немного, завис в футах десяти от поверхности. Внизу чернело долгое тело «Манты». Внутри горит свет, сотня матросов и офицеров заняты каждый своим делом... У него пошли мурашки по коже. Тут из люка по нему как будто выстрелили — оттуда в серебристых пузырьках воздуха вырвался Лейтер. Бонд посторонился, поплыл наверх. Вынырнув, внимательно огляделся. По левую руку, примерно в миле от него, стоит на якоре «Летучая»; бортовые огни потушены, на палубе, кажется, никого. В миле к северу темнеет берег Большой Багамы, видно, как набегают на пляж мелкая волна. Над островом, с огромных, тающих во тьме вышек, помаргивают красные сигнальные огни. Кое-где из воды выглядывают коралловые рифы — Бонд выбрал один, повыше, как ориентир. Нырнул, снова завис на десяти футах, развернулся по выбранному ходу, как компасная стрелка, и, чуть перебирая лапами, стал ждать остальных.

* * *

Десять минут назад Бонд стоял в штурманской рубке, а Петерсен, всегда такой невозмутимый, возбужденно восклицал:

— Все вышло в точности, как вы говорили! Они стали на якорь, и гидролокатор

отмечает странные подводные шумы, словно в трюме кто-то возится. Наверное, собираются выходить из подводного люка! Значит, и вам с ребятами пора. Как выйдете, я выставляю антенну и докладываю в Министерство, пусть предупредят ракетную базу, что, возможно, с нее придется эвакуироваться. Потом мы поднимемся футов до двадцати, зарядим две торпеды и будем по перископу следить за яхтой. Старшине Фаллону я приказал не лезть в самое пекло и дал ему вторую сигнальную ракету — выпустит, если ваши дела будут плохи. Тогда я подойду к яхте, выстрелю раз-другой, возьму ее на бордаж, и они у нас по-другому запоют. — Петерсен сокрушенно покачал головой, взъерошил короткие жесткие волосы положеньице! Будем выкручиваться, капитан Бонд. — И протянул руку. — Вам пора. Счастливого пути! Уверен, мои ребята не подведут.

* * *

Бонда тронули за плечо. Лейтер. Улыбается, большой палец вскинут. Бонд оглянулся — пловцы, выстроившись неровным клином, побалтывают ластами. Он кивнул и неторопливо поплыл вперед, одну руку прижав к боку, другую, с копьем, к груди. Отряд дрогнул и, выравниваясь, потянулся следом, обратился в огромного черного треугольного ската.

Резиновый костюм жарко лип к телу, кислород тоже отдавал резиной, но Бонд не обращал внимания, старался лишь плыть по прямой, не сбиться с направления. Далеко внизу, куда не доставал даже пляшущий лунный луч, белел песок, изредка попадались темные пучки морской травы. Вокруг бледно мерцали стены огромного морского зала, завешанные плотным зловецим туманом — вот-вот вынырнет акула, нацелится на непрошенного гостя... Бонд ничего не мог с собой поделаться — было страшно. Но никто не выныривал, а кустики водорослей и песочная рябь стали вырисовываться ясней; пловцы приближались к берегу, море мелело.

Он быстро оглянулся: грозно сверкая масками и лезвиями копий, отряд плыл за ним, взмучивая воду ластами. Только бы напасть внезапно! Подкрасться, броситься разом — никакой противник не устоит! Сердце весело забилося, но он тут же вспомнил о Домино: вдруг Ларго взял ее с собой и вдруг именно она попадет под бондовское копье! Чушь, ерунда! Она на яхте, в безопасности. Закончится бой, и они увидятся...

Впереди показалась низкая коралловая гряда, и Бонд насторожился. Вон еще рифы, между ними снуют стайки рыб, и гибкие коралловые веера переплетаются, колышутся, точно волосы утопленницы. Он сбавил ход, и в спину ему кто-то ткнулся — Лейтер или Фаллон. Бонд сделал всем знак замедлиться и, задрав голову, стал внимательно глядеть вверх — сейчас засеребрится бурунчик вокруг выбранного рифа... Ага, вон плещет, слева. Все-таки Бонд сошел немного с направления. Он подплыл, дал матросам команду стоять, а сам поднялся вдоль рифа. Осторожно высунулся над бойкой волной и сразу посмотрел, здесь ли «Летучая». Стоит — ярко высвеченная луной, на палубе по-прежнему никого. Он медленно повел взглядом по воде, обогнул риф, посмотрел в другую сторону. Пусто. Дрожит лунная дорожка, волны оббегают коралловые гряды; четко виден берег, пляж. Вода между грядами не взбурлит, не вспенится, плещет тихо, не потревоженно. Ну-ка, а там?.. В далекой лагуне меж коралловых верхушек вдруг вынырнула голова, сверкнула маской и скрылась. У Бонда перехватило дыхание, сердце бешено заколотилось. Он вырвал изо рта трубку и несколько раз судорожно вздохнул. Запоминая, глянул на лагуну, крепко закусил трубку и нырнул.

Отряд ждал сигнала, маски бледно мерцали. Бонд несколько раз выкинул палец вверх, ближние пловцы понимающе ухмыльнулись. Он перехватил поудобнее копье, выставил вперед — и поплыл над низкими грядами.

Теперь плыть поскорее, ловчее петлять между коралловыми хребтами. Отряд рвался вперед, поднимал волну — мелкая рыбешка так и прыскала в стороны, водоросли колебались сильнее, казалось, все море оживило. Через несколько минут Бонд остановился, скомандовал выстроиться к атаке и снова осторожно поплыл, до рези в глазах всматриваясь в серый туман. Вот они! В сумраке мелькнул один, другой... Бонд махнул рукой и, нацелив копье, бросился наперерез.

Отряд заходил сбоку и явно не успевал. Спектровцы плыли быстро, как-то уж очень быстро... Только теперь Бонд разглядел у каждого за спиной маленькие пропеллеры пневматических ускорителей. По прямой пловец с таким ускорителем движется в два раза быстрее, чем просто в ластах, и даже сейчас, петляя меж рифов, приравливаясь к ходу влекомого «Торпедой» прицепа, спектровцы намного превосходили своих преследователей в скорости. Ударить хотя бы в хвост! Лишь бы не заметили, лишь бы не заметили, твердил про себя Бонд. Как же их много... Он насчитал десять и бросил. И у каждого пневматическое ружье, запасные стрелы! Скверно...

Бонд оглянулся: прямо за ним идут шестеро матросов, остальные растянулись рваной линией сзади. Спектровцы пока плывут спокойно, не оглядываются. Но вот он поравнялся с последним, накрыл своей тенью и тот быстро обернулся. Бонд оттолкнулся ногой от кораллового выступа и ринулся вперед, вонзил копье противнику в бок — того швырнуло на соседа, и Бонд метнулся следом, резко выдернул копье, кольнул еще раз в гущу тел, но стрелки уже всполошились и, прибавив обороты на ускорителях, бросились врассыпную. Один схватился за лицо и судорожно погреб наверх — копьем ему раскололо маску. Пущенная кем-то стрела прорвала Бонду костюм на животе, и сразу стало мокро, то ли от воды, то ли от крови. От второй стрелы он увернулся, но на голову ему тут же обрушился приклад: в глазах потемнело, он беспомощно припал к коралловой гряде, помотал головой. Его матросы скользнули мимо, и впереди завязался бой, по воде потянулись черные кровавые облачка.

Бились на широкой площадке, обрамленной коралловыми обломками. В дальнем ее конце Бонд заметил серебристую «Торпеду» с прицепом, на котором лежала огромная, обернутая резиной сигара. Рядом — несколько человек, среди них выделяется мощный, высокий. Бонд перевалил за гряду и почти над самым песком поплыл вокруг площадки. И чуть не наткнулся на целящего в кого-то стрелка. Проследив взглядом, понял, что целит тот в Лейтера: Феликс протезом отбивался от другого спектровца, но привязанный к руке ласт смягчал удары. Бонд ринулся вперед, с ходу метнул копье, легкое, деревянное, оно лишь слегка задело руку стрелка, но прицел все же сбило; стрелок развернулся и пошел на Бонда. Копья было уже не достать, и Бонд поднырнул, захватил, как регбист, противнику ногу, дернул, потом дотянулся до его лица, сорвал маску. Ослепленный, стрелок отчаянно поплыл вверх... Бонда тронули за руку: это Лейтер, держится за дыхательную трубку, лицо искажено. Бонд обхватил его и торопливо заработал ластами. Они вместе прорвали сверкающую поверхность: Лейтер выплюнул перекрученную трубку и стал жадно глотать воздух, а надышавшись, сердито велел оставить его в покое и сию секунду нырять. Бонд не стал спорить.

Он крадучись пробирался среди коралловых пиков: там и сям боролись, искрилось лезвие, поднимались пузырьки из оружейного ствола; один раз он проплыл под матросом с «Манты» — тот лежал на самой поверхности, раскинувшись, ничком, волосы развевались в воде, и не было на нем ни маски, ни акваланга, рот мертво щерился... На дне валялись маски, стрелы, обрывки черной резины. Бонд подобрал две стрелы. Он подплывал к краю площадки: прицеп по-прежнему стоял там, рядом — два часовых с ружьями наготове. Луна светила теперь слабее, и туманные стены будто приблизились; песочная узорная рябь затоптана десятками

ног, рыбешки в поисках пропитания снуют над взрытым дном, как грачи над пашней. Никого. Противников разнесло попарно в разные стороны, и чья берет, неизвестно. А что там, наверху? Скоро ли придет спасательная шлюпка с «Манты»? И что делать ему. Бонду?

Задача решилась сама. Справа из тумана выскочила серебристая «Торпеда» — верхом на ней, в седле, скрючившись за небольшим плексигласовым щитком, сидел Ларго, в левой руке он сжимал два копия с «Манты», а правую держал на рычаге управления. Подъехал к часовым, затормозил. Оба положили ружья, один взялся за муфту прицепа, а другой стал подтаскивать «Торпеду» за руль. Увезут бомбу, бросят на глубоком месте или спрячут где-нибудь, тоже и со второй бомбой, которая на борту «Летучей», — и все, никаких улик! Ларго скажет, что на них напали во время подхода к затонувшему кораблю. Да, были ружья на случай акул, и его люди отстреливались — откуда было знать, что это матросы с американской подлодки, а не соперники, искатели сокровищ? Снова сокровища, и снова ничего не возразишь!

Спектровцы возились с муфтой, никак не могли прицепиться, Ларго нетерпеливо оглядывался. Бонд прикинул расстояние, сжал в обеих руках по стреле и сильно оттолкнулся от скалы.

От одной стрелы Ларго успел увернуться, другая бессильно царапнула по его аквалангу. Бонд врезался ему в грудь, и Ларго выпустил копия, быстро прикрыл руками драгоценную дыхательную трубку. Дернувшись, он задел рычаг управления, и «Торпеда» тотчас рванула вперед и вверх, унося на себе врагов.

Драться по-настоящему было невозможно, они беспорядочно молотили друг друга, и каждый отчаянно прикусывал резиновый мундштук. Бонду приходилось еще удерживаться на «Торпед», и Ларго, прочно сидевший в седле, уже несколько раз локтем бил ему по лицу — Бонд едва уворачивался, подставлял, спасая маску, подбородок. Сам он свободной рукой доставал противнику лишь до почек и вколачивал в загорелое мускулистое тело удар за ударом.

«Торпеда» выскочила на поверхность и, сильно задрал нос, помчала в открытое море. Бонда, вцепившегося в седло, било волной, захлестывало; вот сейчас Ларго повернется, схватит обеими ручищами... Бонд решился. Закинув ногу на корпус «Торпеды», сполз вниз, к самому рулю, ухватился за него и, не выпуская, перебросил себя через корму в воду. Только бы не под лопасть!.. Винт вращался совсем рядом, вода бурлила, но зато Бонд чувствовал, что «Торпеда» подается под его весом, вот-вот станет стоймя! Он рывком вывернул руль направо и разжал пальцы. Чуть не закричал от боли в руках, а наверху Ларго выбило из седла... Дело сделано, «Торпеда» для спектровцев потеряна, бомбу им увезти не удастся... Бонд с трудом заставил себя нырнуть — нужно спрятаться в грядках, уйти от Ларго.

Ларго неспешно нырнул сладом, поплыл спокойно, размеренно. Бонд достиг дна и заплетал между рифами. Белая песчаная полоса под ним скоро разделилась надвое, и, подумав, он двинулся узким коридорчиком, между двумя коралловыми стенами. Там его и накрыла черная тень. Ларго не стал протискиваться в коридорчик, а поплыл, выжидая, сверху. Бонд посмотрел на него, и тот ухмыльнулся в ответ, сверкнул зубами: никуда, мол, не денешься! Бонд сжал ослабевшие пальцы; куда ему против Ларго, могучие жилистые ручищи скрутят его, как куклу...

Впереди высветилась лагуна, коридор обрывался, дальше — свободная вода, укрыться негде; но не повернуть и назад, слишком тесно. Ловушка... Бонд остановился. Пусть лучше Ларго зайдет сюда. Тот скользнул поверху к лагуне и, окутываясь воздушными пузырьками, опустился на песок, вытянул руки и двинулся навстречу. Шагов за десять он посмотрел на коралловый откос, сдернул с него что-то и снова вытянул руку — на ней извивалось теперь восемь пальцев. Осьминог! Ларго снова весело сверкнул зубами и свободной рукой выразительно постучал по маске. Бонд нагнулся и подобрал замшелый камень. Когда залепляют маску осьминогом,

противно, но и когда разбивают — не легче. Осьминог — ерунда, вчера Бонд бродил между сотен таких тварей; длинные руки Ларго — вот что страшно.

Тот сделал еще шаг, второй. Бонд пятился, чиркая аквалангом о стены, обдирая костюм... Вдруг у Ларго за спиной, в лагуне, мелькнула фигура. «Свой! » — с мгновенной надеждой подумал Бонд. Но нет, на человеке не было черного резинового костюма, светилось белое, голое тело. Еще один враг...

Ларго ринулся вперед.

Целя острым камнем в живот, Бонд нырнул у него под рукой, но Ларго ударил его коленом в лицо, шлепнул осьминогом по маске и, ухватив обеими руками за шею, поднял перед собой, как ребенка.

Бонд ничего не видел. Скользкие щупальца облепили лицо, обвили мундштук трубки, потянули ее изо рта; горло ему сжимали все теснее, он терял сознание...

Медленно он опустился на колени. Что случилось? Почему ослабла мертвая хватка на горле? Он приоткрыл глаза и увидел свет. Осьминог, копошащийся у него на груди, оттолкнулся и перепрыгнул на риф. Рядом лежал, подергивая ногами, Ларго, из шеи у него торчала стрела. И еще стоял кто-то маленький — в руках пневматическое ружье, длинные волосы развеваются вуалью. Бонд с трудом встал. Шагнул, но колени подогнулись, в глазах потемнело. Он прислонился к рифу, зубы у него чуть разжались, и в рот засочилась соленая вода. «Держись...» — приказал он себе.

Его взяли за руку. Глаза у Домино были равнодушные, пустые. Что с ней? Бонд сразу пришел в себя. Тело у нее в крови, в каких-то пунцовых пятнышках. Надо подниматься, иначе погибнут оба... Он обнял ее и через силу зашевелил ластами; ничего, все-таки ноги слушаются. Еще немного, здесь же неглубоко... Вот и она заработала ластами, помогает.

Они вынырнули, легли на воду распластавшись, и их ласково качнуло волной.

Бледное небо медленно разгоралось; день обещал быть славным.

XXIII. «ОТДЫХАЙТЕ, МИСТЕР БОНД!»

Феликс Лейтер зашел в белую, стерильно-чистую палату и тихонько прикрыл за собой дверь. Подошел к кровати, где в полудреме лежал Бонд:

— Ну как ты, старик?

— Ничего, сплю все время...

— Доктор к тебе никого не пускает, но надо же рассказать, чем дело кончилось.

— Валяй, — сказал Бонд неохотно. Не хотел он про это слушать, вот если б ему рассказали про Домино...

— Значит, так: мы взяли обе бомбы. Спектровцы — ребята серьезные, боевики из СМЕРШа, мафии, гестапо... Кто остался жив — арестован. Только главарь, Блофельд, на свободе гуляет. Этот большая умница — организация работает всего пять-шесть лет, а в банке у них уже миллион. После этой операции собирались разойтись, «Спектр» распустить

— и все было бы шито-крыто... Цель для второй бомбы мы угадали — Майами.

— Что, все счастливы?

— Кроме меня. То прими сообщение, то отправь — от нас с рацией уже пар идет! Тебя, между прочим, тоже пачка шифровок дожидается. Слава Богу, вечером прилетают чины из ЦРУ и вашего Управления, вот пусть и расхлебывают, шевелят мозгами — что сказать журналистам, как быть с преступниками, лордом тебя сделать или лучше герцогом, а меня — президентом, что ли, выбрать? Слушай, а Домино-то какова! Вот девчонка молодец! Выследили ее со счетчиком, мучили, мерзавцы, — так

она ни словечка не вымолвила. Потом каким-то образом выбралась через иллюминатор, нашла акваланг, ружье — и в воду. Ларго прикончила, тебя выручила, вот тебе — «слабая женщина»! — Лейтер вдруг насторожился и мягко шагнул к двери. — Доктор топает, черт его дерит. Исчезаю. — Повернул ручку, прислушался и выскользнул в коридор.

— Феликс, подожди! — отчаянно крикнул Бонд, но дверь уже захлопнулась. Свирепея, он уставился в потолок. Лейтер не сказал главного — что с Домино, где она? Болтал целый час о пустом! А может, она... Бонд испугался.

Дверь отворилась, на пороге встал кто-то в белом и Бонд подскочил на постели:

— Что с Домино? — заорал он. — Говорите, что с ней? Стенгеля не зря почитали в Нассау — он и в самом деле был хорошим доктором. Ему, еврею, пришлось бежать от Гитлера, а то заведовал бы сейчас солидной клиникой где-нибудь в Дюссельдорфе. Но не привела судьба — заведовал багамской; впрочем, выстроенная благодарными пациентами, она была ничуть не хуже. С миллионеров он брал дорого, местных лечил за гроши. Болезни богатой старости, слишком большая доза снотворного — таков был круг обычных забот; и вдруг — множественные ушибы, страшные рваные раны, а в ране еще и яд. Кто эти страдальцы — старинные рыцари? Приказ губернатора, подписка о неразглашении... И доктор Стенгель не стал больше расспрашивать ни о раненых, ни о мертвецах, а последних было: шестеро с американской подводной лодки и десять человек, включая самого владельца, с красавицы яхты, долго и мирно стоявшей в гавани...

— Мисс Витали вне опасности, — спокойно ответил он Бонду. — Сейчас ей нужен отдых.

— Но что с ней?

— Сильное переутомление. Ей нельзя было спускаться под воду.

— Нельзя? Почему?

Доктор взялся за ручку двери.

— Вам тоже нужно как следует отдохнуть. Каждые шесть часов вам будут давать вот эти таблетки. Сон — прекрасное лекарство, вы быстро встанете на ноги. Главное — отдыхайте, мистер Бонд!

Где-то он уже слышал эту дурацкую фразу, сговорились все, что ли! Бонд вдруг разъярился, соскочил с постели и бросился к Стенгелю.

— Что вы заладили — отдыхайте, отдыхайте, черт бы вас всех побрал! Скажете вы мне или нет, что с девушкой?! Где она? В какой палате? — Он орал, даже тряс кулаками, но доктор и бровью не повел, знал, что сейчас подействует снотворное.

Наконец Бонд уронил руки и тихо попросил:

— Ну скажите же, доктор, пожалуйста. Мне очень нужно...

— Извольте, скажу. С мисс Витали обошлись весьма жестоко, у нее множество болезненных ожогов. Лежит она рядом, в четвертой палате, можете зайти к ней, но буквально на минутку. Потом вернетесь к себе и ляжете, договорились? — Стенгель открыл дверь.

— Доктор... Спасибо. — Бонд вышел в коридор; ноги слушались плохо, голова кружилась. Он толкнул дверь соседней палаты и с излишней тщательностью, как пьяный, притворил ее за собой. Стенгель зашагал по коридору. Ничего, пусть увидятся, этим двоим как раз и нужен нежный взгляд, ласковое слово.

Палата была совсем крошечная, на окне жалюзи, пол и стены расчерчены солнечными полосками. Бонд подошел к постели, опустился на колени. Домино повернулась, запустила руку ему в волосы. — Только не уходи, — хрипло попросила она. — Останься, ладно? Слышишь, Джеймс? Не уходи... Она почувствовала, как он дернулся, и разжала пальцы. Осторожно приподнялась посмотрела: он уже спал на коврике возле постели, подложив руку под голову. С минуту она вглядывалась в смуглое, суровое лицо. Потом передвинула подушку к краю — так в любой момент

можно посмотреть — и закрыла глаза.

Палата была совсем крошечная, на окне жалюзи, пол и стены расчерчены солнечными полосками. Бонд подошел к постели, опустился на колени. Домино повернулась, запустила руку ему в волосы. — Только не уходи, — хрипло попросила она. — Останься, ладно? Слышишь, Джеймс? Не уходи... Она почувствовала, как он дернулся, и разжала пальцы. Осторожно приподнялась посмотрела: он уже спал на коврике возле постели, подложив руку под голову. С минуту она вглядывалась в смуглое, суровое лицо. Потом передвинула подушку к краю — так в любой момент можно посмотреть — и закрыла глаза.